

**Анатолий Ковалев
Валентина Соколова
Вера Правда (Лаврина)**

СТАРЫЕ МАСТЕРА

**Очерки о преподавателях
КГИ – КузПИ – КузГТУ**

Всем преподавателям КузГТУ, кто работает сегодня и тем,
кого уже нет с нами, посвящается эта книга.

Авторы

Старые мастера

*Очерки о преподавателях
КГИ – КузПИ – КузГТУ*

Кемерово 2013

«Старые мастера» задуманы и подготовлены нами как серия историко-художественных очерков о преподавателях КГИ - КузПИ – КузГТУ.

Читая различного рода публикации, мы обратили внимание на то, что чаще всего они представлены как хорошие специалисты, опытные лекторы и педагоги. Пласт же лично-биографический, человеческий, вообще остается тайной за семью печатями.

Мы постарались восполнить этот пробел.

Авторы

ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ АКУЛОВ

*Сквозь век, что железные песни поет,
Нам чудится слово пощады.*

М. Авакумова

Прошло почти 40 лет со смерти В.И. Акулова, но имя его по-прежнему хранится «в святцах» кафедры маркшейдерского дела Кузбасского государственного технического университета. В памяти людей, работавших с Всеволодом Ивановичем, он - образец профессионализма и высокой нравственной культуры.

Всеволод Иванович родился 18 августа 1918 года в селе Лепсинск Андреевского района Алма-Атинской области. После смерти отца, ветеринарного фельдшера, в 1920 г., воспитывался матерью. Через рабфак, в сентябре 1935г., он поступает в Сибирский (Красноярский) лесотехнический институт, откуда в 1937-ом перевелся по маркшейдерской специальности на третий курс Томского индустриального института, который заканчивает с отличием в мае 1941 г.

С июня 1941 г. по июнь 1950-го Акулов работал участковым, старшим и главным маркшейдером в рудоуправлении треста «Уралруда» и «Чиатур-марганец», получив в итоге огромный опыт практической маркшейдерии. В это же время пришел первый опыт

педагогической деятельности - по направлению Министерства черной металлургии Всеволод Иванович полтора года, с сентября 47-го по январь 48-го, работал преподавателем-консультантом в Старооскольском геологоразведочном техникуме.

С декабря 1950-го начинается научно-педагогическая деятельность Акулова в Томском политехническом институте. Он работает на кафедре маркшейдерского дела ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. В 1959 году Всеволод Иванович защищает кандидатскую диссертацию по проблеме вычислений и уравнивания соединительной съемки. С ноября 1961-го Акулов возглавил горный факультет, но уже с сентября 1962 г. переводится в Кемеровский горный институт.

Закрепление на новом месте прошло в борьбе с теми, кто по разным причинам считал свои шансы на заведование выше, чем у Всеволода Ивановича. Один из эпизодов противостояния отражен в протоколе заседания Ученого Совета от 4.10.1962 г. Выступивший здесь председатель конкурсной комиссии сообщил о решении «не рекомендовать Акулова на замещение должности заведующего кафедрой маркшейдерского дела». И хотя это предложение принимается, в июне 1963 г. члены Ученого Совета почти единодушно (27 против 1) избирают Акулова зав. кафедрой. Очевидно, объективный ход событий все расставил по своим местам и справедливость, как говорят в таких случаях, восторжествовала.

С первых дней своего теперь уже совсем «легитимного» заведования Акулов уделил большое внимание учебному процессу. Всеволод Иванович организует работу своих товарищей таким образом, что уже через короткое время кафедра обзавелась маркшейдерским инструментом, появились программы по разным курсам, методические указания и учебные пособия. Качество изданных методичек было отмечено специалистами сибирских вузов. Как вспоминает Г.С. Головкин (декабрь 2005-го) «Доцент Иркутского института Базанов говорил: «Я объехал многие города и установил, что самые лучшие учебно-методические разработки представлены маркшейдерской кафедрой Кемеровского горного института».

Автором большого количества Указаний и Пособий стал сам Всеволод Иванович. Учебное Пособие Акулова «Расчет маркшейдерских съемок при гироскопическом ориентировании шахт» (Кемерово, 1969) и использовалось студентами горного факультета еще в 90-е годы прошлого века.

Методическое обеспечение учебного процесса сопровождалось широким развертыванием научной работы. Все члены кафедры вовлекаются заведующим в процесс исследований актуальной проблематики. Их результаты, во-первых, отражены в 10 сборниках научных трудов, изданных в Кемерове и Томске (под редакцией Акулова), и, во-вторых, используются на шахтах и разрезах Кузбасса.

Он прекрасно знал свой предмет, вел его очень ответственно и интересно. Не замыкаясь в формате основного курса, постоянно увеличивал его теоретическое поле, читая спецкурсы - теорию ошибок, статистические методы обработки информации, сближение горных пород.

Профессиональные знания, лекторское, методическое мастерство органично соединилось с большим педагогическим талантом, основанном на философии прямой практической помощи своим подопечным.

Опустившим руки от трудностей, он помогал обрести почву под ногами, вразумлял строгим отцовским словом и взглядом, температуривших - отпаивал чаем, приходил в общежитие, принимал долги на дому. Двух своих студентов он вообще уберег от беды, грозившей обрушить их личные судьбы.

Дело было так. Василий Ермошкин и Саша Вирула (оба из ГМ-682), отходив большую часть кандидатского срока для вступления в партию, забрали назад свои заявления. Поступок объяснили принципиальным несогласием с тем, что они наблюдали на факультетских партсобраниях - борьбой тщеславий, местечковых интересов, мелкотравчатых амбиций... Это, по мнению Ермошкина и Вирулы, абсолютно не совмещалось с их представлениями об истинной сути коммунистов. Они предложили меры по улучшению ситуации. Хотя эпоха идеологических опричнин была позади, райкомовские ортодоксы помрачнели, нахмурили брови. Готовилась расправа. Счастье «младореформаторов» состояло в том, что В.И. Акулов оказался «в курсе». Он буквально «выдернул» Василия и Сашу из отчисления: передвинул сроки защиты, дал успешно защититься и выдал на руки дипломы.

Потому «...ученики шли к нему за советом, как поступить в тех или иных жизненных ситуациях, доверяли свои личные тайны» (Из воспоминаний А.Д. Трубочанинова, ноябрь 2005-го).

Из стен же Кемеровского горного выходили как дворяне 16 века: «Конны, людны и оружны» - вооруженные глубокими знаниями маркшейдерии и реальными представлениями о жизни. Что, в свою очередь, предопределило успешность их трудовых биографий.

Так, главными маркшейдерами в разное время в угольной промышленности Кузбасса работали: Л.П. Котляков (шахта «Новокузнецкая»), С.И. Ильин (шахта «Заречная»), А.В. Волосаев (Моховский разрез), В.И. Конев («Артемьевский рудник»), Б.М. Смирнов и В.А. Курдюков (оба - шахта «Первомайская»), В.И. Батов («Распадская»), П.С. Ишутин («Имени Димитрова»), Г.С. Худякова (Разрез «Кедровский»), В.А. Дробот («Ольжересский»). С.С. Золотых возглавлял «Беловоуголь», А.Л. Вирула был вице-президентом ОАО «Кузбассразрезуголь».

В конце 60-х годов В.И. Акулов выступает в полном блеске своих профессиональных и человеческих достоинств: моральный лидер, авторитетный руководитель, незаурядный ученый, талантливый педагог. Силой и правдой своего бытия он все больше и больше привлекает к себе людей. Внешность Всеволода Ивановича этой поры идеально соответствует внутренне обретенной харизме. Выше среднего роста, предрасположенный к небольшой полноте, в уголках волевого рта затаилась улыбка, высокий и ровный лоб, густые, темные волосы, карие глаза - внимательные, спокойные, с расположением к человеку.

Зав. кафедрой маркшейдерского дела был человеком беспартийным, однако по сумме своих персональных качеств и поступков с лихвой перевыполнил «Моральный кодекс строителя коммунизма». Современники Акулова, люди, учившиеся у него, работавшие с ним, вспоминают Вячеслава Ивановича как высоконравственную личность, отмечают его обязательность, честность, принципиальность, личное невластолюбие, служение людям. «Он, не коммунист, - говорил один из лекторов обкома партии, - научил меня порядочности больше, чем какой-либо коммунист».

Областью научных интересов В.И. Акулова была проблема точности сбойки горных выработок. Она требовала в силу своей специфики очень объемных расчетов, блестящих математических способностей, и Всеволод Иванович, таковыми обладая, не щадил сил на этом поприще. «Он не расставался с бумажками даже на заседаниях Ученого Совета» - вспоминает Ю.А. Рыжков, - считал и

считал, выстраивал легионы формул и, как полководец, бросал их на покорение истины. Работал Акулов действительно не только денно, но и ночью. Коллеги по институту хорошо знали, почему далеко за полночь горит свет в одной из комнат квартиры зав. кафедрой маркшейдерского дела по Красноармейской, 125.

К весне 1973 г. Акуловым было опубликовано 76 научно-исследовательских работ, подготовлена докторская диссертация «Исследование точности и научные основы расчета новой системы подземной маркшейдерской опорной сети шахты». Имела ли она шансы на успех в условиях «вторжения» ЭВМ, быстро обесценивающих значение ранее трудоемких расчетов и «надломивших» целое направление горной науки? Есть разные точки зрения по этому вопросу. Известно другое. Докторская диссертация, защищенная 11 апреля 1973 г. в Ученом Совете Ленинградского горного института, не прошла экспертизы т. н. «черных оппонентов».

8 января 1975 года В.И. Акулов дал им настоящий бой на конфликтной комиссии, выступал резко, отвергал компромиссы, защищал самые острые места своей диссертации. Но решение Экспертного Совета при ВАК было неумолимым: отказать.

Потрясенный случившимся, он возвращается в Кемерово. Часто повторяет в кругу товарищей по работе: «Люди так верили в меня, а я их подвел!» Драма перерастает в трагедию. 20 января 1975 г. Всеволод Иванович умирает от сердечного приступа.

Имя его, к счастью для нас, не кануло в бездну времени, не затерялось среди сотен других имен. Большой портрет Акулова, писанный маслом, висит в коридоре четвертого этажа главного корпуса рядом с кафедрой маркшейдерского дела, где работают его ученики - доктор технических наук С.В. Шаклеин, кандидаты технических наук, доценты Г.С. Головкин, А.Д. Трубочанинов, Ю.М. Игнатов, С.Б. Корецкий.

Анатолий Ковалев

ДАЛЕКО ОТ МОРЯ

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ АНПИЛОГОВ

*На полярных морях и на южных, по изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных шелестят паруса
кораблей.*

*Быстрокрылых ведут капитаны, открыватели новых
земель.*

*Для кого не страшны ураганы, кто изведал мальстремы и
мель.*

*Чья не пылью затерянных хартий - солью моря пропитана
грудь,*

*Кто иглой на разорванной карте отмечает свой
дерзостный путь*

Н. Гумилев

Сорок семь лет, с осени 1966-го, секцию тяжелой атлетики (с 1992 года – пауэрлифтинга) в нашем вузе ведет Валерий Павлович Анпилогов. Не единожды, не дважды - огромное количество раз - его воспитанники поднимались на пьедесталы почета, прибавляя спортивной славы нашему КузГТУ.

Валерий Павлович родился 26 сентября 1940 года в Муроме, что на реке Оке, в семье Павла Ивановича и Анны Ивановны Анпиловых.

Запах, ощущение железа пришли в четырехлетнем возрасте: отец работал электросварщиком на военном производстве и, возвращаясь домой, любил, не снимая прожженной куртки, подбросить мальчонку к потолку под беспокойными взглядами матери.

Рос он крепеньким, здоровым, наливался соками благодатной муромской земли, еще в былинные времена рождавшей богатырей.

Сердце юного муромца, подобно сердцам сверстников-мальчишек, делилось ровно на две части - между стадионом и рыбалкой. Зимой же завораживал, увлекал, затягивал городской каток. Спортивность Анпилогова-подростка росла, как на дрожжах.

А еще - занятия в Морском клубе, организованном вышедшим в отставку капитаном дальнего плавания, моряком джеколондонской фактуры. Капитан учил ребятишек вязать узлы, делать модели кораблей, правильно (с ударением на втором слоге) выговаривать: «компас», «шторма». От теории не отставала практика: летом ходили в походы на шлюпках, учились управляться с парусами.

Сильно нравились Валере Анпилову занятия в Морском Клубе, трепетало сердечко от рассказов бывалого морского волка. Силой воображения создавал он картины дальних путешествий, противоборство с разбушевавшейся стихией. Приходило физическое ощущение соленых брызг на губах, волны же плескались рядом с крылечком дома, где он жил с родителями...

Быть бы Анпилову Хозяином Морей, как Расселу Кроу из одноименного голливудского блокбастера... Судьба повела его иными путями.

Находясь в рядах вооруженных сил (Западная группа советских войск в Германской Демократической Республике) он усиленно занимается классической борьбой, выполняет 1-й разряд, много читает спортивной литературы. Огромное впечатление произвели XVII Олимпийские игры в Риме (1960), где советские спортсмены завоевали 103 медали.

После армии Анпилов приехал в Волгоградский институт физической культуры, надеялся специализироваться по любимой «классике», однако в тот год туда не набирали, предложили взамен «штангу». Нужно было еще, правда, иметь третий разряд. Анпилов успешно сдал теоретические дисциплины и технические нормативы и поступил в вуз.

Учился легко, глубоко вникая в суть предметов, стремясь выйти за рамки предлагаемых форматов. Занимался научно-исследовательской работой. Здесь же, во ВГИФКе, под руководством заслуженного тренера СССР Н.И. Лучкина, выполнил 1-й разряд по штанге.

В конце июня 1966 года судьба в «колоду карт» вложила козырной туз: при распределении он принял предложение поехать в далекий Кузбасс. Требовался тренер по штанге в КузПИ (КузГТУ).

26 августа Валерий с фанерным чемоданчиком (пара белья и номера «Советского спорта») прибыл к месту назначения, нашел главный учебный корпус, кафедру, представился руководству, в том числе на самом высоком уровне. Новичок сразу понравился -

лобастый, налитый силой, держится уверенно, спокойно отвечает на вопросы.

Тридцатого августа 1966 года приказом ректора П. И. Кокорина В.П. Анпилогов был зачислен в КузПИ на должность преподавателя кафедры физвоспитания и спорта».

А уже через четыре месяца молодой тренер повез штангистов (в составе команды института) в Свердловск на Всесоюзные игры горнометаллургических вузов. Выступили тяжелоатлеты достойно - 4-е место из восьми коллективов. Свердловский дебют Анпилогова-тренера дополнился его личным триумфом: отпросившись на денек в Муром, он махнул туда ночным поездом и высватал в ту поездку красавицу Галину Королеву.

С той поры прошло 47 лет.

Двадцать шестого сентября 2013 г. Валерию Павловичу исполнилось 73 года. Прожита значительная часть большой и интересной жизни. Фарватер ее лег основательно и надежно по единственному руслу - истории нашего вуза.

Усилиями Валерия Павловича выпестовано, взлелеяны мощные спортивные направления - специализации по штанге и пауэрлифтингу. Имена штангистов, пауэрлифтинговцев из технического университета сотни раз звучали на соревнованиях самого высокого уровня.

Четырнадцать человек стали мастерами спорта по штанге, 17 – по пауэрлифтингу. Более 50 человек выполнили технические нормативы кандидатов в мастера. Среди них известные спортсмены Кемеровской области: Бобылин В. В. – двукратный чемпион РСФСР, серебряный призер чемпионатов СССР; Пуртов В.Г. - победитель Кубка РСФСР, чемпион РСФСР; Асадулин Р. Ф. - победитель первенства Сибирского федерального округа среди юношей (2010); Манянов Е. Ю. –чемпион России среди студентов (2008), 4-е место на первенстве Европы (2009) и многие другие. Команда по пауэрлифтингу стала серебряным призером чемпионата России среди студентов(2009), вошла в пятерку сильнейших вузовских команд России» (2012)...Денис Диваков в настоящее время готовится выполнить норматив мастера спорта международного класса.

Такие результаты, конечно же, немислимы вне высокого профессионализма Валерия Павловича как тренера, специалиста своего дела. В основе тренерского дара Анпилогова, как и в основе всех божьих даров на свете, лежит огромная любовь к своему делу.

Разумеется, что к любви приложено еще кое-что из тренерского специнструментария: научные основы тренировок, интуиция, прогностический дар в отношении своих подопечных, умение установить с ними деловой и чисто человеческий контакт. В последнем мой герой просто искусен. Разговаривая со своими подопечными, обсуждая с ними нюансы соревнований, Валерий Павлович может ласково ругнуться, привнеся в общение неожиданный шарм.

Тренерская, преподавательская деятельность при всей своей важности не мешала Анпилову в общественной работе. Он был членом Ученых Советов горного факультета и университета, избирался в состав федераций по тяжелой атлетике и как судья республиканской категории судил на многих ответственных соревнованиях.

Довелось ему «порулить» и коллективом единомышленников на кафедре.

«Однажды, - вспоминает Валерий Павлович, - меня вызвал ректор М.С. Саfoxин. Я волновался, не знал, в чем дело. Михаил Самсонович, сделав предложение принять кафедру, не стал дожидаться ответа. Полуобняв за плечи, он подвел меня к большому макету на стене и сказал: «Вот здесь будет легкоатлетический манеж, и вообще у нас с тобой столько планов!»

«Жизнь, конечно, - продолжает Анпилов, - выстроилась далеко не так романтично, как в тот памятный вечер у стенда с манежем, но о принятом решении стать заведующим кафедрой не жалею. Да и общение с элитой университета дорогого стоило».

«Анпиловское» десятилетие, несмотря на сложные экономические условия, связанные с приходом диких «рыночных отношений», было продолжено традицией поступательного движения кафедры. Закончено строительство лыжной базы, приведены в порядок теннисный корт и баскетбольная площадка во дворе главного корпуса, построены спортплощадки при общежитиях. Эффективно работал спортивный клуб, пришли молодые, энергичные преподаватели - С.Д. Козлов, Н.А. Медведева, А.И. Гореликов, Н.А. Букреева, Н.А. Мелешкова и другие.

За пределами расписаний и амплитуды движения штанги вверх - вниз, ценность № 1 для Валерия Павловича - семья. В семье он - добытчик, работавший в молодости на трех работах без счета времени, опора жены - Галины Александровны, заботливый и тре-

бовательный отец детей - Андрея и Ольги. Дети получили образование, устроили свои судьбы, стали достойными людьми.

Живут Анпиловы-старшие и Анпиловы-младшие в тесной дружбе друг с другом, в лучших традициях старинной русской семьи.

Валерий Павлович не чужд журналистики и писательства. Его материалы, посвященные рыбалке и спортивным соревнованиям, печатались в «Кузбассе», «Кузнецком крае», газете «За инженерные кадры». Рассказы Анпилова опубликованы в сборниках прозы и поэзии, изданные литературной студией «ЛИСТ» Кузбасского государственного технического университета. Литературный дар, связь со словом моего героя перешли «по наследству» внучке Анне, ныне студентке 3-го курса журфака КемГУ.

В июле 2013 года за многолетний плодотворный труд и большой личный вклад в совершенствование учебно-воспитательного процесса В. П. Анпилов удостоен почетного звания «Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации».

Анатолий Ковалев

ПЛОТИНЫ ЕГО ЖИЗНИ

ЕМЕЛЬЯН АНДРЕЕВИЧ БОБЕР

«Главное - путь»

Г.Ф. Гегель

Десять с половиной лет, с 12 января 1973-го по 5 июня 1984-го года, горным факультетом руководил Емельян Андреевич Бобер.

Он родился 20 августа 1929 года в селе Поддубцы Березовского района Хмельницкой области. Дед его Аким попал под «горячую руку» коллективизации, был раскулачен и сослан в Красноярский край. Вместе с ним выехали молодые - сын Андрей с женой Зинаидой и 2-х месячным Емелей.

Детские и юношеские годы Е.А. Бобра прошли в селе Шалинском Манского района Красноярского края.

После окончания средней школы он поступает на горный факультет Томского политехнического института. Очевидно, пример был подан отцом, ставшим первым в истории семьи шахтером. Андрей Акимович почти 15 лет проработал в угольной промышленности Сибири и Дальнего Востока.

Учился Емельян старательно, трудности учебы преодолевал большим прилежанием, корпел над учебниками, засиживался допоздна над конспектами по горным наукам. А когда почувствовал почву под ногами, уверенность в завтрашнем дне, стал смелее смотреть по сторонам, где бы еще приложить свои способности. Поле для такого рода деятельности нашлось легко - поле общественной работы. Емельян активно занимается профсоюзными делами курса и факультета, приобретает опыт работы с людьми. В рутинных хлопотах по сбору взносов, организации массовых мероприятий, вплоть до обеспечения явки на демонстрации, ведению

отчетности, формируется талант будущего декана горного факультета.

Успехи в учебе и общественной работе на 5-м курсе дополнились важным событием в личной жизни: на одном из вечеров отдыха, где танцевались танго и фокстрот под звонкий баян юного Владислава Колмакова, он познакомился с симпатичной Зоей, студенткой мединститута. Молодые люди не стали испытывать свои отношения долгим временем, сыграли скромненькую свадьбу и зажили счастливо - по-семейному.

После окончания с отличием горного факультета в 1953 году, Е.А. Бобер преподает в Томском политехническом, заканчивает аспирантуру при кафедре пластовых месторождений. Серьезным, хотя и единственным огорчением «томского» периода, стало отклонение ВАК решения регионального Ученого Совета о присвоении Бобру ученой степени кандидата технических наук по результатам защищенной в 1959 году диссертации. Очевидно, при выборе темы диссертационного исследования (т. н. «Костры» - А. К.) не была в полной мере учтена опасность утраты ее актуальности в связи с появлением новых факторов. В Кемерове Емельян Андреевич появляется летом 1962 года в составе «звездного десанта» томичей: горный факультет был закрыт и более 35 преподавателей влились в Кемеровский горный институт. Среди них - А.П. Андрианов, А.А. Байченко, В.И. Акулов, Ю.А. Рыжков, В.В. Проскурин, Р.В. Бузук и многие другие.

Начинается кемеровский период жизни Е.А. Бобра. Он быстро завоевывает одну позицию за другой.

Большие усилия прилагаются в области научной деятельности. Работая в составе творческого коллектива под руководством Н.А. Федорова по проблематике совершенствования крепления управления кровлей в очистных забоях, Емельян Андреевич подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию. Он становится старшим преподавателем, доцентом.

А 12 января 1973 года Емельян Андреевич заступил на главную вахту своей жизни: решением Ученого Совета он избирается на должность декана «титульного» факультета Кузбасского политехнического института - горного.

И тут пришло время поделиться с читателем одним наблюдением, проливающим свет на тайны судьбы и имени нашего героя.

Предки Емельяна Андреевича, очевидно, охотились на бобров или разводили бобров. Кстати, их фамилия долгое время звучала именно так - Бобровы. «Одна буква «потерялась» при смене документов в начале XIX века» (из воспоминаний Евгения Емельяновича Бобра, сына Емельяна Андреевича, декабрь 2003 года).

«Общенье» в течение длительного времени привело к тому, что люди вольно или невольно переняли некоторые привычки, стереотипы поведения мирных обитателей речушек с медленным течением и озер. Вспомним еще вот что. Бобры большую часть времени заняты сооружением плотин, защитных сооружений для своего рода, для своей семьи.

«Плотинами» же Емельяна Андреевича были работа и семья, две твердыни, два божества его жизни.

Горный факультет при Е.А. Бобре продолжил уверенное движение вперед, набранное его учителем В.В. Проскуриным, демонстрируя стабильность и способность отвечать на запросы времени во всех аспектах учебной, научной, педагогической деятельности.

По воспоминаниям людей, знавших Е.А. Бобра, для него было характерно неспешное, внимательное изучение всех деталей и частностей дела и принятие на этой основе обстоятельных, взвешенных решений.

Декан умел терпеливо слушать людей, уважительно относиться к чужому мнению, чувствовать и поддерживать предложения своих товарищей. Его полное понимание нашла в свое время идея В.А. Колмакова о чтении курса «Анализ производственных аварий». Проблематика удачно вписалась в учебные планы и читается до сих пор.

Управление учебным процессом во многом шло через постановку качественной методической работы. Составление учебных планов, согласование программ, издание методичек, учебных пособий, обмен передовым опытом - все это при Емельяне Андреевиче было организовано на высоком уровне. Как вспоминает профессор Ю.А. Рыжков, «от глубокого «наполнения» методической работы не отставала и внешняя сторона - образцово оформленная документация, папочка к папочке, лист к листу, систематизированная и стопроцентно доступная в любое время дня и ночи».

Будучи мастером «классического менеджмента», Емельян Андреевич не ударял в грязь лицом и в нестандартных ситуациях. Однажды нужно было поздравить с юбилеем крупного ученого-

горняка. Денег же на дорогой подарок в деканате не было. Бобер велел просверлить отверстие в медали из меди, изготовленной к 45-летию КузГТУ, продеть красивую ленту и надел ее на шею светиле горной науки под шумные аплодисменты собравшихся в актовом зале.

Большая работа декана горного факультета, его вклад в подготовку кадров для угольной промышленности Кузбасса и страны отмечена наградами: медалью «За доблестный труд», орденом «Знак Почета», Почетной грамотой Министерства угольной промышленности.

Руководство факультетом, преподавательская и научная работа отнимали много времени, но и они же заставляли Емельяна Андреевича не жалеть себя в деле укрепления семьи.

Брак с худенькой, стройной блондинкой, высмотренной на танцах в студенческом общежитии, оказался на редкость удачным. Емельян и Зоя дополнили друг друга, идеально совместив свои жизненные ценности.

Постепенно решился жилищный вопрос: из деревянного барака с печным отоплением, удобства на улице, в Томске, они переехали в 2-комнатную квартиру на Красноармейской, 125, в Кемерове, потом - в 3-комнатную в «профессорском» доме на Весенней, 26. В 1954 году родился Андрей, в 1958 году - Евгений. Росли сыновья под добрым попечительством родителей, направляемые убедительными словами отца и строгостью матери.

Зоя Федоровна определяла «генеральную линию» в доме по части очередных ремонтов, приобретения мебели, домашних заготовок в зиму. Она же «возила» мужа по всему свету во время летних отпусков: Золотое Кольцо России, круизы по Средиземному морю, Дунаю, странам Юго-Восточной Азии, туры в Чехословакию и Германскую Демократическую Республику.

Кроме путешествий Емельян Андреевич любил фотографировать, работать с деревом, был большим ценителем и знатоком русской природы, заядлым грибником. Вообще с природой, в частности с лесом и водой, у него были какие-то родственные связи, не потерявшиеся в условиях индустриальной, городской цивилизации.

В конце 90-х годов прошлого века я часто встречал его в коридорах четвертого этажа главного корпуса. Мы здоровались за руку и обменивались парой фраз «за жизнь». Емельян Андреевич все больше и больше походил на старого бобра с печальными, мудры-

ми глазами. Однажды встречаю его и говорю: «Емельян Андреевич, у меня в группе паренек учится, фамилия тоже Бобер, не ваш внук?» А он мне тихо отвечает: «Мой внук умер». И мне так захотелось утешить его какими-то особенными словами, поддержать, но что-то перехватило горло, и я лишь отвел взгляд в сторону.

Главная плотина лучшего из Бобров Кузбасского технического университета разрушилась 23 января 2001 года - он умер от инфаркта, случившегося с ним прямо на верхних ступенях центральной лестницы главного корпуса, совсем недалеко от деканата горного факультета, там, где осталась половина его сердца.

Но мы, оставшиеся жить, переживая горечь утрат с дорогими людьми, все равно, даже сквозь слезы, застывшие глаза, будем смотреть на дорогу, по которой они шли, дорогу, поджидающую нас, дорогу, которая никогда не кончится.

Анатолий Ковалев

ПОРТРЕТ В СВЕТЛОМ ИНТЕРЬЕРЕ.

МАРИЯ ДМИТРИЕВНА БОНЕЛИС

Кафедрой иностранных языков Кемеровского горного института с 1950 по 1966 год с небольшими перерывами руководила Мария Дмитриевна Бонелис. Выпускники тех лет вспоминают о ней тепло, не скупятся на восторженные отзывы. В ее лице, без сомнения, мы имеем дело со «знаковой» фигурой институтского социума 50-60 годов.

Мария Дмитриевна родилась 6 августа 1921 года в городе Мелитополе Запорожской области в семье рабочего-столяра. Ее рано постигли утраты и испытания. В 1922 году умер отец, в 1941 мать. Забота о сестрах (одна из них была больна) и брате во многом легла на ее плечи. О материальных тяготах семьи в то время можно только догадываться. Известно, что в октябре 1940 года Маша Бонелис, студентка 2 курса Днепропетровского горного института, вынуждена была оставить учебу по причинам «снятия стипендии с неотличников» (так в автобиографии - А. К.).

Тяжкие, полуголодные годы закаляли, характер воспитывался стойкий, принципиальный. Иногда ей невероятно везло, и беду отводил Бог: так, в ночь с 5 на 6 октября 1941 года она с семьей эвакуировалась из Мелитополя, а 7-го город был захвачен немцами. Шансов же на выживание в оккупации под немцем с фамилией Бонелис было ничтожно мало.

Тяготы эвакуации не помешали Маше получить высшее образование на факультете иностранных языков Душанбинского государственного педагогического института (1944 г.). Затем была работа в Днепропетровском госуниверситете преподавателем английского языка. Шесть лет языковой и педагогической практики до переезда в Кузбасс дорогого стоили.

В марте 50-го Мария вышла замуж за Леонида Курзина, предпочтя, однако, остаться на девичьей, аристократически звучащей фамилии Бонелис, вместо мужчиной, пролетарско-крестьянской. Курзин Леонид Никитович, профессиональный партийный работник, был направлен на работу в Кемерово. Вместе с ним приехала и Мария Дмитриевна. В своей автобиографии, хранящейся в личном деле, она пишет о «вынужденности» переезда.

Приезд Бонелис совпал по времени с началом истории Кемеровского горного института: согласно приказу министра высшего образования, он был образован 9 сентября 1950 года. В октябре Марию Дмитриевну зачисляют преподавателем кафедры иностранных языков, а в ноябре - заведующей кафедрой. Тогдашнее руководство проницательно угадало в Бонелис незаурядные способности, доверив ей ответственную должность.

Работы оказалось непочатый край. Навалилась уйма дел, заставившая забыть о времени: кадры, учебный процесс, заседания кафедры, общественная деятельность... В первые годы выручало личное подвижничество, столь характерное для поколения 50-60-х: жили, трудились с ощущением участия в создании чего-то очень важного, очень необходимого для Кузбасса.

Бонелис великолепно владела языками, особенно английским. В отдельные годы на кафедре царил культ языка, культ предмета. Общение на переменах между преподавателями шло только на английском, французском, немецком. Свободно общались на ведущих европейских языках Бонелис, Колотовкина, Линдас, Соболева, Дудкина, Полянская, Бейлис, Новикова... Настоящий же кураж начинался с приходом В.К. Минятова, доцента кафедры строительной механики. Он был из дворян, настоящих «графьев», чудом уцелевший в бурях советского времени и волею судеб оказавшийся в кемеровской глубинке. Виктор Константинович свободно владел несколькими языками. Граф был галантен, целовал Бонелис ручки, читал стихи по-французски и рассказывал анекдоты по-английски и по-немецки.

Подбор кадров для кафедры, работа с людьми, конечно же, лишь одна из составляющих в деятельности Марии Дмитриевны. Был и стратегический дар, интуитивное ощущение тех принципиальных вещей, которые способны объединить кафедру, дать ей перспективу. Речь идет о науке. Подавая пример, Бонелис первой вступила на эту стезю. Девять лет - ровно столько понадобилось

для учебы в заочной аспирантуре при МГПИИЯ (Московском государственном педагогическом институте иностранных языков) и подготовки кандидатской диссертации. Она была защищена в 1962 году по теме «Лексическая характеристика современной английской терминологии и основные способы образования горных терминов».

Следом потянулись товарищи по работе. Несколькими годами позже на защите М.Я. Бейлиной в Москве собралось уже семь человек аспирантов и слушателей ФПК из Кемеровского горного. Как справедливо замечает Елена Сергеевна Новикова, «это был триумф кафедры, триумф курса Бонелис».

Бонелис относилась к волевому типу руководителей. Демократизм общения с членами кафедры не исключал, а предполагал поддержание определенного уровня субординации и иерархичности - признаков любого здорового коллектива. В случае чего она вполне могла показать, кто настоящий «хозяин» на кафедре, а кто просто зашел чайку попить. Чрезвычайно много для нее значили принципы правды, справедливости. Независимая в суждениях и оценках, она защищала свои позиции перед лицом самого высокого начальства.

Хотя в отношениях с людьми преобладали ровность и благожелательность, внешняя сдержанность, очевидно, имела более сложную и глубокую внутреннюю рефлексию на происходившее вокруг. Так, она не удержала горя, заплакала при известии о смерти своего «кровника» по языку В.К. Минятова: «Ах, какой он был человек!», а после внезапной смерти от инфаркта зав. кафедрой горной механики Д.Л. Гарбуза долго носила траур.

Жизнь Марии Дмитриевны, как и всего поколения 50-60-х, немислима вне идеи служения обществу не только своими профессиональными знаниями, но и участием в работе политических и общественных организаций. Бонелис - член Совета Кемеровского горного, член вузовского партийного комитета. И везде деловая хватка, честность и искренность позиции, постоянная готовность к помощи.

Профессионализм и деловые качества Марии Дмитриевны не мешали ей оставаться красивой женщиной. Выше среднего роста, темноволосая (короткая стрижка), с точеными, некрупными чертами антично правильного лица, в элегантном костюме с шейными платочками (черный фон с розовым), с быстрой легкой походкой,

острым взглядом карих глаз, насыщенных энергетикой, она производила впечатление.

Студенты горных специальностей глядели на нее во все глаза. Стихийно влекомые к прекрасному, они видели в Бонелис эталон женской красоты. «Тысячи» из «Морнинг Стар» многими сдавались не только ради зачета или экзамена, а еще и по велению сердца ради прекрасных глаз любимого преподавателя.

Много ценителей ее внешности было и среди мужчин, коллег по совместной работе в институте. Как рассказывала автору этих строк Инесса Николаевна Соболева, «дверь на кафедру, находившуюся в главном корпусе на третьем этаже, не закрывалась. Особенно часто под разными предлогами заходили офицеры-преподаватели с военной кафедры, располагавшейся под нами». Мария Дмитриевна жила в поле напряженного мужского интереса. Очевидно, ей это нравилось, льстило самолюбию, не могло не льстить, но каждый, кто решался завести с ней роман «по-настоящему», терпел неудачу. Семья среди жизненных ценностей Бонелис стояла на первом месте.

В 1966 году по состоянию здоровья она оставляет руководство кафедрой и, поработав еще некоторое время почасовиком, вместе с семьей уезжает в Москву. Там преподает на курсах повышения квалификации. Годы тем временем шли, свивались в золотой клубочек, прибавляли седины в волосах.

И вот уже молодые преподаватели, вернувшись со столичной стажировки, говорили про нее: «Бабушка Бонелис».

Она действительно стала бабушкой и в этом новом, неизбежном для себя качестве возилась с внуками и правнуками, наставляла их на путь истинный.

Но и в московский период жизни оставалось верной своим жизненным идеалам. Активно участвовала в шествиях и митингах, организуемых Компартией Российской Федерации.

Мария Дмитриевна старалась не терять связи с Кемерово, с вузом, в стенах которого прошли, наверное, ее лучшие годы. Долгое время шла переписка с Еленой Сергеевной Новиковой и Инессой Николаевной Соболевой. В последние десять лет писем и телефонных звонков становится все меньше и меньше. Иссякает речка Иордан. Годы берут свое.

ЭДУАРД БРУТАН – ВРАТАРЬ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Эдуард Георгиевич Брутан родился 14 октября 1926 года, как раз на Покров, и, хотя времена стояли атеистические, отмахиваться напрочь от факта тайного благословения его имени нельзя: Эдуард Георгиевич стал народным вратарем, достиг вершины фантастически долгого творческого долголетия.

Место его рождения - город Каменск Ростовской области, но детство прошло в Харькове, куда семья военного инженера I ранга Брутана Георгия Константиновича переехала по служебной необходимости в начале 30-х годов.

Харьковчане в 30-х годах прошлого века держались на гребне футбольной волны. Их «Сельмаш» частенько припаривал москвичей и питерцев, да и киевлянам перепало на орехи. Увлечение футболом было всеобщим, «болели» взрослые и дети, от мала до велика.

В 33-м первый удар по мячу нанес Эдик Брутан. С друзьями по двору он играл без счета времени, приходил домой без ног и засыпал на полдороге головы к подушке. Обязанности вратаря сложились стихийно и подчас случайно, однако через семь лет Холодная Гора знала имя лучшего школьного голкипера: Эдик Брутан.

Безоглядное увлечение футболом помогло мальчишке хоть как-то заслониться от первого большого горя в жизни - ареста отца в 37-м году.

Харьковский период заканчивается в октябре 1941 года. Вместе с товарищами по ремесленному училищу № 16 он эвакуируется в Кемерово. Здесь, с января 1942 года, после окончания училища начинается трудовая деятельность электриком на заводе «Карболит».

В 1943 году Брутан как сын репрессированного направляется органами внутренних дел в Мариинск и работает под надзором на электростанции до весны 1945 года. В апреле 45-го его возвращают

в областной центр, он снова трудоустраивается на «Карболите», и с этого времени устойчиво связан с Кемерово.

Личные качества Э.Г. Брутана, конечно же, сыграли важную роль в его успешном жизненном продвижении - исключительное трудолюбие и организованность, ответственность и интуиция в отношении событий, способных покатить колесо судьбы в нужную сторону...

Был еще один фактор, чрезвычайно оплодотворивший жизненные успехи Эдуарда Георгиевича - искусство вратаря. Семена, брошенные рукой провидения в теплую пыль футбольных площадок детства и отрочества, на кузбасской земле проросли ярко.

Юный Брутан вряд ли отдавал себе отчет в масштабах личной спортивной одаренности и строил в связи с этим далеко идущие жизненные планы. Были сомнения и колебания, неуверенность в завтрашнем дне.

Точки над «i» расставило 8 октября 1946 года.

Тогда в финале Кубка области сошлись кемеровское «Динамо» и сталинский (новокузнецкий) «Металлург», команды молодые и неуступчивые. При счете 1:1 за пять минут до окончания динамовцы заплетают ноги «ихнему» левому краю в своей штрафной - пенальти!

Бил Алексей Анурин, штатный пенальтист сталинцев. Он приложился к удару отменно. Казалось не будет спасения от свинцовой молнии, метнувшейся в «девятку». Но навстречу ей выбросилась другая молния, из плоти и крови, прочертила пространство снизу вверх и ударила соперницу точно в сердце, остановив ее смертельный полет. «Брутан!», «Брутан!», «Брутан!» полыхнул жаром стадион. А сам герой, наверное, именно тогда, с укрощенным мячом в руках, обжигающе пронзительно понял значение Дара в своей судьбе, которому надо покориться и следовать безоговорочно.

Он принадлежал к вратарской школе, олицетворяемой великим Яшиным - та же уверенная игра на выходах, та же безошибочность снятия мяча с головы нападающих, та же «кошачья» точность захвата мяча в любом углу ворот. «Играл Брутан, - пишет спортивный журналист С. Лидванский, - ... очень цепко и надежно. Особенно он был хорош на линии ворот - отменная реакция и отличная акробатическая подготовка позволяли ему буквально творить чудеса» («Спортивная газета Кузбасса». - 2003. - 15 июля).

Его фигура идеальных вратарских параметров (72 килограмма веса при росте в метр семьдесят восемь) в знаменитой с полукруглым козырьком серого цвета в кепке-москвичке, купленной по случаю в Одессе рядом с Морским вокзалом, стала визитной карточкой многих известных команд столицы Кемеровской области 40-70-х годов прошлого века.

Эдуард занял место основного вратаря в составе кемеровского «Динамо». Это было в 1946 году. Играли на первенство области. А потом в 1947 - 1949 годы - на первенство зоны Сибири и Дальнего Востока и еще дальше - на первенство РСФСР. В начале 60-х годов Эдуард переходит работать в политехнический институт, продолжая участвовать в официальных соревнованиях. Вплоть до 1990 года. Футбольный век Эдуарда Георгиевича составил 45 лет!

Щедро тратил Брутан себя в футболе, не жалел свой талант, не приберегал на черный день, но и футбол не оставался в долгу, платил звонкой монетой. Пришла известность. Порой на улицах вратарь «Динамо» и «Химика» не успевал отвечать на приветствия вроде бы лично ему незнакомых людей: «Здравствуй, Эдик!», «Привет, Эдик!», «Как дела, Эдик?» Болельщицкая аудитория Эдика была прежде всего народной: рабочий люд с «Азота» и «Карболита», иногда с «Жигулем» и воблой, отводивший душу на стадионе «Химик». Фамилия «Брутан» звучала в их среде силой и твердостью мужского характера, оправдывая семантическую основу фамилии своего любимца - «крепкий», «мужественный». Брутан был еще ценен болельщиками за преданность футболу, за по-настоящему профессиональное отношение к делу. Никаких поблажек себе, никаких послаблений в виде хотя бы одной рюмки водки или выкуренной сигареты, ни одной!

Известность, даже «звездность» нисколько не портили его - наоборот, формировали проницательный взгляд на вещи, перспективы, обязывая к движению вперед.

Все это вместе взятое, а также томительное желание рационального объяснения изощренной геометрии полетов собственного тела, привели его на физико-математический факультет пединститута, законченного заочно в 1960 году. Будучи студентом, стал преподавать физику в школах № 54 и 62.

Летом 1960 года Брутан увидел объявление в газете о конкурсе на замещение вакантной должности ассистента по кафедре физики в Кемеровском горном. Он принес документы и приказом П.И.

Кокорина, тогдашнего ректора КГИ, был зачислен с 1 сентября в штаты искомой кафедры с окладом 1050 рублей в месяц.

В одной из ранних характеристик, хранящихся ныне в личном деле Эдуарда Георгиевича, отмечалось: «...В высшей степени добросовестный специалист... исключительно трудолюбив и организован... большое упорство... скромность и отзывчивость».

Прошедшие десятилетия полностью подтвердили эти оценки.

Э.Г. Брутан сосредоточился на науке - поступил в аспирантуру и под руководством известного спектроскописта профессора А.В. Сечкарева подготовил кандидатскую диссертацию, защищенную в октябре 1966 года.

Молекулярная спектроскопия оставалась его главным научным интересом. Брутан активно участвовал в создании соответствующей учебной лаборатории, работал в экспертной комиссии института, опубликовал более 50 статей по проблемам спектроскопии.

Растет преподавательское, педагогическое мастерство. Эдуард Георгиевич стал прекрасным лектором с собственным стилем и почерком. Основательность, тщательная проработка деталей, методические «изюминки» в полной мере оценили студенты химико-технологического факультета, где Брутан много лет читает курс общей физики.

Немало сил и энергии вложено в общевузовскую и кафедральную работу. Здесь и председательствование в экзаменационной комиссии Кузбасского политехнического, и работа в Ученом Совете, методической комиссии, группе народного контроля.

Полнокровны также были и другие аспекты бытия: прожито 55 счастливых лет в браке с женой Екатериной Никитичной, воспитаны две дочери Ирина и Алла, подрастают внуки, остается место театру и любимой опере «Аида» с щемящей сценой смерти Радамеса...

Умер Эдуард Георгиевич 6 июня 2010 года как великий вратарь, «в рамке», т.е. на боевом посту, вернувшись с Беловского филиала, где прочитал свои последние лекции. 26 октября ему исполнилось бы 84 года.

Анатолий Ковалев

ИВАН ФЕДОРОВИЧ БЫЧКОВ – ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Во второй половине 50-х - начале 60-х годов деканом горно-электромеханического факультета был Иван Федорович Бычков.

И.Ф. Бычков был невысок ростом, худощав и носил строгий гражданский костюм светлого цвета с галстуком. Но в его адрес можно было смело повторить слова К. Маркса о Чернышевском: «В этой натуре таился дух гладиатора».

О Бычкове первокурсник узнавал от своих старших товарищей в день зачисления. Репутация декана горно-электромеханического факультета была однозначной. В борьбе за образцовый учебный процесс он гонял прогульщиков в хвост и гриву, безжалостно лишал стипендий, жестко спрашивал с отстающих.

Главной составляющей его «менеджмента» была фантастическая работоспособность и максимальная отмобилизированность. Денно и ночью Иван Федорович находился при своей «вотчине», дошпливо вникая во все ее дела и карая при малейших отклонениях от канонов. Обитую темной клеенкой дверь в деканат, маленькую комнату со столом и несколькими стульями, студенты открывали осторожно, с трепетом.

В своем неистовстве проконтролировать и зарегламентировать все и вся декан Бычков, очевидно, заходил далеко, за грань здравого смысла. Студенты это чувствовали. Не решаясь на открытые формы протеста, они, тем не менее, сопротивление оказывали. Однажды в туалете появилась надпись: «Воду из унитаза не пить. Бычков».

Важной управленческой «технологией» декана ГЭМФ в конце 50-х годов было задействование фактора личной вины студентов перед ним. Можно предположить, что этот фактор он сам сознательно и отчасти любовно выращивал, сознательно культивировал. Так или иначе, но Иван Федорович помнил все провинности студентов, стоило кому-то оступиться, шагнуть не с той ноги, как все это попадало в «компьютерную» память Ивана Федоровича. Так, первокурснику Леве Моисееву, ныне уважаемому профессору, пришлось однажды припоздниться на сутки с выездом на сельхозработы и добираться с не своей группой. Декан узнал об этом. И

хотя Лева вернулся через месяц с грамотой за ударный труд, Иван Федорович вспоминал все пять лет только об опоздании.

И.Ф. Бычков два семестра читал общую электротехнику. Каждое его слово было отточено, выступления строились классически, формулы на доске писались в положении лицом к аудитории. За этой уверенной и отчасти артистической манерой выступлений стояли долгие тренировки перед лекциями, тщательнейшая проработка научной литературы.

Во время сессии Бычков становился Торквемадой. Экзамены по предмету часто начинались вечером и заканчивались в 3-4 часа утра, с первыми Красновскими петухами. Иван Федорович спрашивал строго, «неуды» впечатывал прямо в зачетки.

Большая часть оригинальности лежала на самой процедуре входа в аудиторию для сдачи экзамена: войти, а точнее вбежать, нужно было за несколько секунд - ровно за столько, сколько требовалось очередному сдавшему или не сдавшему предмету взять зачетку и выйти в коридор. Вот этот-то момент ожидающий у двери ни в коем разе не должен был пропустить. Он обязан был отследить вставание предшественника со стула, рвануться бежать вперед с испариной на лбу, подать зачетную книжку Бычкову и назвать свою фамилию. В противном случае - возвращение в коридор в боевую стойку до выхода очередного выходящего.

Огромная работоспособность и высокая мобильность Бычкова объяснялись прежде всего здоровым образом жизни. Иван Федорович был его неумолимым ревнителем. Он истово служил здоровому образу жизни.

Шло постоянное закаливание. Началось оно с обливания холодной водой, а когда этого показалось мало, Бычков стал рыть тоннели в сугробах и сидел там часами в одних спортивных трусах, приучая организм к низким температурам.

Излюбленным местом «сидений» был большой пустырь в районе нынешней Швейки. Однажды своим неожиданным появлением из норы Бычков напугал женщину, проходившую по тропинке. Ее с сердечным приступом увезли в больницу, а партком института запретил Бычкову залезать в ледяные норы. Иван Федорович не сдался. Он натаскал снега на чердак дома и устроил там «морозильную камеру». Весной снег растаял, затопил живущих на верхнем этаже, опять посыпались жалобы на Бычкова. И тогда партком вновь вы-

звал на ковер своего мятежного попечаемого и запретил ему эксперименты со снегом - на этот раз категорически и бесповоротно.

Болезненно ударив по самолюбию, запреты не погасили тем не менее неистовости Ивана Федоровича в служении культу физического здоровья. Он сделался фанатичным сторонником лыжного спорта, став чемпионом института на 25, 50 и 100 километров. Бычков, двигаясь почти безостановочно, мог не сходить с лыжни по 6-8 часов, запаривая в усмерть своих неизмеримо младших по возрасту спутников, неосторожно согласившихся на участие в знаменитых походах в компании с деканом горно-электромеханического факультета. «Он шел и шел вперед, как машина, не оглядываясь и сильно отталкиваясь палками, - вспоминают очевидцы. - Через 30-40 километров мы теряли представление о времени. Ничего не оставалось, кроме белого безмолвия, лыжни и небольшой фигуры Бычкова в старой фланелевой куртке и шортах, стремительно уходящей к горизонту».

Отношение к беспредельной приверженности Ивана Федоровича лыжному спорту на факультете и в институте было различным. Одни откровенно восхищались им, старались подражать своему кумиру в умении собраться в железный кулак на дистанции, подчинить самого себя самому себе, другие видели в этом какой-то перебор и позволяли иронию. Так, зав. кафедрой горной механики и теплотехники Д.Л. Гарбуз, узнав об очередном марш-броске Бычкова, в кругу своих коллег приставлял указательные пальцы к голове, изображая рожки, и говорил: «А наш-то (декан, то есть) опять убежал!»

В одной из своих жизненных ипостасей Бычков едва не дотянулся до английского короля Генриха VII, последний имел шесть жен, а Иван Федорович - пять. Очевидно, обоих, как личностей авторитарного склада, объединяло утилитарное отношение к своим женам: Генрих VII не прекратил своей королевской охоты, узнав о смерти Анны Болейн, а наш «Генрих», узнав о смерти своей жены, продолжал руководить факультетом до конца рабочего дня.

След Ивана Федоровича Бычкова после его отъезда из Кемерово в 1967 году теряется в безднах времени. Впрочем, рассказывают, что Бычков прожил долгую жизнь за пределами Кузбасса и в 80-летнем возрасте в «одних кедах взобрался на Белуху» (Л.Л. Моисеев).

Анатолий Ковалев

ДАВИД ЛЬВОВИЧ ГАРБУЗ – ЖИЗНЬ И СУДЬБА

*Ударила молния и расщепила дуб.
Народное, притчевое*

В Кемерове Давид Львович Гарбуз появился в 1952 году. К тому времени он имел 37 лет от роду, опыт работы на Ташкентском руднике слесарем, электромонтером, механиком участка, помощником начальника цеха, главным энергетиком, главным механиком, а также отличный научный стаж - учебу в Ленинградском горном институте, в аспирантуре и защиту кандидатской диссертации.

С этим багажом он пришел в Кемеровский горный институт и проработал здесь 16 лет, из которых 13 руководил кафедрой горной механики.

Рассказывают, что Давид Львович был чуть выше среднего роста и ходил вразвалочку. В движениях же вообще выглядел нерасточительно, как человек, знающий себе цену. Лицо имел простое, приятное, светло-серые глаза, живущие глубокой внутренней жизнью. Волосы русые, с редкими вкраплениями седины после сорока. Все это в сочетании с костюмами свободного покроя нетемных тонов, классическими рубашками и галстуками придавало Гарбузу респектабельный вид.

Личностная одаренность Давида Львовича ярко проявлялась в слове. Скрытая энергетика речи, литературная оснащенность, эрудиция делали его интереснейшим собеседником. Разговором он завораживал, увлекал.

Отсюда и прекрасные лекторские способности. Свои курсы - «Общую электротехнику», «Рудничные вентиляционные установки», «Гидравлику» он читал с легкой полуулыбкой и едва заметной смешинкой в глазах под стеклами очков из-за высокой близорукости. Не принадлежа, очевидно, к исследователям, с именами которых ассоциируют школы и направления, он был блестящим популяризатором научных идей.

На экзаменах со студентами Гарбуз был требователен и благожелателен одновременно. «Неуды» ставил только в тех случаях,

когда не поставить их было нельзя, то есть в случаях абсолютно провальных.

Эрудиция и интеллигентность, деловые качества и активная общественная позиция (был председателем месткома института) делали фигуру Гарбуза широко известной далеко за пределами КГИ - КузПИ. Он притягивал к себе людей, знакомства с ним искали, дружбу ценили.

Всепоглощающей страстью заведующего кафедрой была любовь к автомобилю. Говорить о нем Гарбуз мог часами как о любимом существе. Первой машиной Давида Львовича стала «Победа», на которой он ездил быстро, любил газануть на кемеровских улицах и за городом.

Слабым же местом Гарбуза был ремонт машины. И тогда то ли судьба, то ли провидение послали ему почти что «личного» механика - соседа по Брусчатому поселку на Руднике, ставшего в 1957 году студентом Кемеровского горного, Леву Моисеева. Лев в технике разбирался едва ли не с пеленок и машину своего знаменитого патрона обслуживал ответственно, нарезал гайки, менял масла, подкачивал шины. Мария Матвеевна, супруга Давида Львовича, видя такое усилие, не могла нарадоваться и уговорила паренька-умельца перерегулировать спидометр с 60 километров на 50, чтобы муж ее не шибко лихачил. Гарбуз заподозрил неладное и устроил «благодетелям» допрос с пристрастием, обратив, впрочем, создавшуюся ситуацию в свою пользу. Всем в институте он рассказывал: «Они меня берегут».

Большим событием стала замена «Победы» на «Волгу». Хотя она потребовала серьезных затрат (зарплата доцента в 1958 году составляла 3200 рублей в месяц, «Волга» стоила 40000), положительных эмоций оказалось неизмеримо больше. Приподнятое настроение, даже эйфория в первые дни от обладания новой машиной переполняли Гарбуза. На лекции он вдруг почувствовал неудержимое желание поделиться радостью, но так как материал о рудничных вентиляционных установках не давал даже формального повода для обращения к любимой теме, то Давид Львович сделал вот что. Проговаривая медленно текст, он прошел через всю аудиторию, подошел к первокурснику Моисееву и, наклонив к нему лицо, медленно произнес одно слово: «По-лу-чил».

Давид Львович был примерным семьянином, жил душа в душу со своей женой Марией Матвеевной.

Однако он был не прочь поговорить о женщинах. Однажды на квартире у преподавателя Хари, когда мужчины расслабили галстуки после армянского коньяка, Гарбуз, внимательно выслушав всех, сказал о своей сильной привязанности в молодости к девушкам поющим. «Мне казалось, - добавил он, оглядев компанию смеющимися глазами - что такими легче овладеть».

Казалось, что судьба нескончаемо будет нежить и беречь своего любимца, но внезапно случилось нечто неожиданное: докторская диссертация, защищенная 20 июня 1963 года в МИРИГЭ, оказалась у «черного оппонента», который дал резко отрицательный отзыв. «Обоснование» «научной несостоятельности» Гарбуза заняло 102 страницы. Диссертацию «завернули» с обычными для такого случая рекомендациями: «доработать», «устранить», «улучшить».

Учитывая достаточно высокий уровень самого соискателя (29 публикаций, в том числе учебник по горной механике), жесткое сито предварительных обсуждений в самом КГИ, все это выглядит более чем странным, если только мы не имеем дело с «грязными технологиями», дискредитирующими Давида Львовича.

Д.Л. Гарбуз сильно переживал, пытался сопротивляться жестоким ударам судьбы, много работал над улучшением диссертации, но общая ситуация с защитой принципиально не менялась. Между тем шли годы 1963, 1965, 1966, 1967... Внутри Давида Львовича что-то рушилось, надламывалось, поселилась пустота. «Он рос и благоухал, - писал когда-то Ключевский об Александре Первом, - пока стояла теплая погода, а когда подули холодные ветры, он завял и опустился».

Тридцатого января 1968 года президиум ВАК отклонил ходатайство совета КузПИ об утверждении Гарбуза в ученом звании профессора, мотивировав отсутствием у последнего ученой степени доктора наук.

Последовали инфаркты. Один из них, последний, третий по счету, свел Давида Львовича в могилу. Его смерть, человека еще недавно физически здорового, излучающего оптимизм, потрясла многих.

Хоронили Гарбуза много людей. Могила его находится неподалеку от центрального входа на старое кладбище. На мраморной плите художник изобразил могучий дуб, расщепленный молнией. Рядом со временем последний приют обрели многие знаменитые люди Кемерова - артисты, литераторы, спортсмены, общественные

деятели. С ними-то в компании и смотрит свой вечный сон Давид Львович Гарбуз.

Письмо из Израиля

Здравствуйте, уважаемый господин Ковалев!

Пишут Вам жена и дочь Гарбуза Давида Львовича, чтобы выразить огромную благодарность за статью, опубликованную в газете «За инженерные кадры» в рубрике «Старые мастера». Страница со статьей была передана нам через друзей в Израиль (где мы живем последние 12 лет). Статья вызвала слезы благодарности и у нас, и у всех родственников, что, впрочем, не удивительно - ведь со дня смерти отца прошло 34 (!) года. И хотя вполне понятно, что в этом году Горному институту исполняется 50 лет, что рубрика «Старые мастера» посвящена людям, стоявшим у истоков, что Вы сами - человек, по-видимому, молодой и не были знакомы с Д.Л. Гарбузом, а информацию собирали у «стариков» - все равно хочется сказать Вам, господин Ковалев, тысячу раз «Спасибо». Спасибо за память, спасибо за добрые слова, спасибо за статью!

Воскобойникова Мария Матвеевна и Гарбуз Таня

Анатолий Ковалев

АССИРИЕЦ ИЗ ОМСКА.

ДАВИД ЗАЕВИЧ ДАНИЕЛЬ

Осенью 2007 года его часто можно было встретить в Кузбасском государственном техническом университете - немолодой мужчина южной внешности, с благородной посадкой седой головы, подтянутый, в неизменно белой рубашке с галстуком из-под темно-синего элегантного пальто или дубленки цвета горького шоколада - в зависимости от погоды.

Женщинам всегда было приятно и отчасти волнительно встретить его взгляд - теплый, с мерцанием изнутри, а мужчины старались расправить плечи и втянуть животы. Физические данные заведующего лабораторией кафедры маркшейдерского дела Давида Заевича Даниеля, вступающего во владение своими 72 годами, были настолько велики, что им, вольно или невольно, хотелось соответствовать.

Вместе с блестящей ученостью В.В. Першина и А.А. Байченко, организованностью И.Ф. Бычкова и Е.А. Бобра, обаянием Д.Л. Гарбуза, интеллигентностью В.К. Минятова, спортивностью Л.Л. Моисеева и Э.Г. Бругана, человечностью К.Г. Харченко мужская харизматичность Давида Заевича стала частью идеала преподавателя технического университета.

Отец и мать Давида, Зая и Зария, в начале прошлого века проживали в горной части северного Ирана, входившей некогда в состав могущественного Ассирийского царства. В 1912 году, спасаясь от резни, устроенной турками, они бежали в Россию и здесь после долгих, но естественных мытарств, обрели свою вторую Родину - город Омск в Западной Сибири. К середине 30-х годов Даниели всю обустроивались в сибирских «Палестинах», осваивая специфику милосердной советской власти, предоставившей им просторный дом из восьми комнат и большой земельный участок.

Скитания по российским просторам не заглушили в Зае и Зарие заботы о продолжении рода и закреплении его на новых местах. Один за другим рождались дети, всего 15 - восемь девочек и семь мальчиков. Одним из них был мой герой, родившийся 6 октября 1935 года и названный родителями «Дэви», что в переводе с ассирийского означало «золотой».

В военные годы Даниели спаслись огромным огородом, стайками с живностью, двенадцатичасовым сидением отца в деревянной будке на городской площади (он работал чистильщиком сапог). Помогали и добрые люди. Продовольственных карточек семье эмигрантов не полагалось. Но Дэви с братом Исой и сестренкой Валеи приходили к самому закрытию магазина со скособоченным крыльцом. Продавец Аня, отоварив людей по «заборным» книжкам, разрешала ребятишкам, необычайной для здешних мест внешности, собрать крошки из-под стола, на котором стояла хлебрезка. Получалось каждый раз что-то около двух килограммов крошек, которые ребятишки тащили матери, не раз залезая в пакет руками. Зария разводила крошки теплой водой и выпекала хлеб.

После войны возникло желание вернуться на историческую Родину, но именно по причине своей многочисленности семейство Заи и Зари, так и не решилось тронуться с места. Более того, Даниелей на короткое время стало на одного человека больше: из Ирана приехал отцов дед, поживший немного с родными людьми и умерший уже в 135-летнем возрасте.

В 1947 году семья приняла советское гражданство со всеми вытекающими последствиями. Юношей и девушек Даниелей стали брать на работу, появились какие-то деньги, а главное - возможность устроить свои личные жизни.

Судьба Давида решилась в школе, классе восьмом: удаленный с урока за «живость характера», он бесцельно слонялся по городу, пока не набрел на часовую мастерскую. Вошел в нее и увидел мастера с пинцетом в руке над часами с откинутой крышкой. А там! Все там чудесным образом двигалось, перемещалось, искрило, манило к себе. Вскоре мальчишку турнули из мастерской, но выбор его состоялся. После окончания школы он поступил в ученики к старому часовщику - еврею Цукерману, «дяде Сене» и за шесть месяцев, вместо двенадцати положенных, поставил себе руку в ремесле, кормившем его хлебом с маслом всю жизнь.

А еще он мечтал о военной службе. На демонстрациях 7 Ноября и 9 Мая он во все глаза смотрел на конную милицию. Цокот копыт по мостовой, ладные фигуры милиционеров в синей форме, бравурная музыка - все это наполняло юношескую душу чудесным чувством.

Повестку в армию ему принесли в день рождения, и Давид не мог поверить в свое счастье. Провожали его по традиции тех лет

всей улицей - родные, друзья, соседи. Шли медленно, как с церковной службы в старые времена, о чем-то тепло переговаривались, давали «рекруту» последние наставления. Давид же не выдержал - пренебрегая увещеваниями матери, далеко обогнал всех и первым прибежал на призывной участок.

Армия не обманула ожиданий. Строительный батальон, этот «инфант террибле» Советских Вооруженных Сил, встретил Даниеля как родного сына. Шло строительство противоракетной обороны вокруг Москвы, и юный ассириец, выучившись на крановщика, принял посильное участие в этом нелегком деле. Сердце его новой Родины было надежно укрыто сооружениями, начиненными спецтехникой, известной по западной печати, как «Сатаны» и «Стилеты».

Тяжелая солдатская работа не мешала Давиду дышать полной грудью, радоваться и срывать цветы жизни. В увольнениях и самоволках мужал талант непревзойденного покорителя девичьих сердец.

После армии, поработав фотоградуировщиком на заводе, Даниель делает окончательный выбор в пользу профессии часовщика. Ремесло это считалось денежным. Давид стал помогать своим родителям, да и сам «прифасонился» - купил бурки, «москвичку» и головной убор типа бекеши - наподобие той, что носил, задавая моду всей стране, тогдашний Первый Секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев.

В 1965 году на танцевальном вечере в Доме офицеров Давид познакомился с красавицей Мариной Сычевой, женился на ней, но, не встретив понимания со стороны отца, ревнителя традиции - брак только между своими, уехал с Мариной к ее матери в Кемерово.

Жить первое время пришлось в тесноте однокомнатной квартиры. Однако молодые не роптали на судьбу, тем более, что она 6 октября 1966 года одарила их сыном Давидом. На имени настояла Марина: «Теперь, если что и случится, один из Давидов останется со мной».

Время же шло вперед. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем составлялись в годы, которые тоже не стояли на месте. Давид стал известным часовщиком областного центра, устойчиво прибавил к своему имени отчество «Заевич».

С 1975 по 1977 год он работал на учебно-производственном комбинате, готовил часовых дел мастеров.

В Кузбасском политехническом Давид оказался с легкой руки своего хорошего знакомого по Омску Л. Азарха, тогдашнего начальника мехмастерской института. Л. Азарх рекомендовал земляка А.Д. Трубчанинову - зав. кафедрой маркшейдерского дела. 14 февраля 1977 года Даниель приказом № 51 ректора КузПИ В.Г. Кожевина зачисляется в штаты маркшейдеров на соответствующую должность.

Почти тридцать лет, минувшие с той поры, конечно же, все высветили, все расставили по своим местам.

Давид Заевич стал брендом кафедры маркшейдерского дела. Речь идет не только о его профессиональных качествах - они общеизвестны, Даниель далеко «вышел» за пределы одного, пусть и важного подразделения Кузбасского технического университета. Он привнес в жизнь и историю политеховского сообщества яркие и сочные краски.

Так, широко известны артефакты прикладного художественного творчества Давида Заевича: посуда и мебель из ивы, церкви, храмы, знаковые сооружения, в том числе школы постмодерна. Среди последних - макет Токийской телевизионной башни из обыкновенных спичек.

Он напоминает межзвездный корабль. Ажурность, даже невесомость конструкции, отражает художественно-эстетические ценности древнего народа. В похожести на звездолет из дальних миров застыл горький опыт судьбы семьи автора, вынужденной бежать со своей исторической Родины и долго скитаться в поисках лучшей доли. А безупречность внешних форм и точное соотношение частей «звездолета» - отражение личной инженерной практики Даниеля.

Большим ценителем даниелевских «игрушек» был ректор М.С. Сафохин. Так, после поездки в Японию он передал Давиду Заевичу проспект с детальным изображением токийского чуда. А когда обнаружилась нужда в большом количестве спичек, отправил мастера в Омск на фабрику, откуда тот привез 24 килограмма строительного материала.

По завершении же работы Сафохин попросил макет себе в кабинет: «Пусть постоит, порадует глаз». Но, рассказывал Давид Заевич, звонит через два дня: «Давид Заевич, забирайте назад свое сокровище!» Прихожу к нему в кабинет в некотором недоумении, а Михаил Самсонович смеется: «Вся работа идет насмарку. Придет ко мне Пога (проректор по заочному), смотрит только на макет!

Придет Батугин (проректор по учебной работе), тоже - только на макет!»

Даниель еще собрал совершенно замечательную коллекцию спиртных напитков. В середине 90-х годов прошлого века она насчитывала 847 бутылок, одна к одной.

Анатолий Ковалев

ПРИЗВАНИЕ

ГАЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА ДЕРИНГ

*«... И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога ...»
М.Ю. Лермонтов*

Эта статья – дань памяти человеку большой души, профессионалу, талантливому руководителю, замечательной женщине - Деринг Галине Евгеньевне. С ее именем связаны многие достижения в нашей библиотеке. Она отдавала тепло своей души всем, с кем встретилась на своем жизненном пути, была мастером своего дела, где бы ей ни приходилось работать.

Деринг Галина Евгеньевна родилась в Ленинграде 6 февраля 1939 года. Вглядываясь в пожелтевшее фото женщины с младенцем, нельзя не узнать в малышке с большими, умными глазами, смотрящими смело и бодро, взгляд Галины Евгеньевны.

Девичья фамилия матери Галины Евгеньевны - Золотилова. Дедушка и бабушка по линии матери (Евгений и София) жили в Вологде. Родители Галины Евгеньевны - Евгений Дмитриевич и Регина Евгеньевна окончили ветеринарный институт в Ленинграде. В семье было еще двое детей: сестра Роксана (1932 г.) и брат Геннадий (1941 г.).

Ее детство прошло в Горьковской области. После окончания института родители работали по специальности в городе Лукоянов Горьковской области, а также преподавали в ветеринарном техникуме. История Лукоянова уходит корнями к XVI веку. По преданию, назван он по имени первопоселенца Ивашки Лукоянова, который поставил в верховьях реки Теши "мельницу, колесо русское", положив тем самым основание небольшой деревне.

Затем они переехали в село Макарьево. Поселение сложилось вокруг знаменитого Макарьево Желтоводского монастыря, расположенного на левом берегу Волги. Монастырь был основан в 1620-х годах на месте, где в 1435-1439 годах стояла келья преподобного Макария. С 1641 по 1816 годы в Макарьево действовала круп-

нейшая в России Макарьевская ярмарка, переведенная в Нижний Новгород после пожара 1816 года. Когда семья Деринг жила в Макарьеве, монастырь был закрыт.

В октябре 1943 года отец погиб на Днестре. Регине Евгеньевне помогала растить детей родственница - тетя Оля, которую они считали своей второй мамой и называли няней. Она жила в семье 18 лет. Была простым, очень добрым, душевным, верующим человеком. Именно тетя Оля посеяла в душе Галины Евгеньевны веру в Бога.

В настоящее время сестра Роксана живет в Москве, филолог, она также работала в библиотеке. Брат Геннадий живет в Перми, журналист, владелец типографии, занимается частным бизнесом. В 60-е годы он работал в газете «Комсомолец Кузбасса».

После окончания школы Галина Евгеньевна поступает в Ленинградский библиотечный техникум, который заканчивает с отличием в 1958 году. Группа была небольшой, но очень дружной.

Галина Евгеньевна получила распределение на Восток. Работала в комсомольской организации Благовещенска, в библиотеке поселка Экимчан Селемджинского района Амурской области. В этом поселке жили золотодобытчики, геологи, охотники, сплавики леса. Был небольшой полевой аэродром.

Именно здесь и встретила Галина свою судьбу - будущего мужа, Бузука Ростислава Вячеславовича. Он закончил Московский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии и работал геодезистом в Иркутском аэрогеодезическом предприятии. Они встретились в библиотеке, а вечером познакомились на танцах. Уезжая в тайгу, Ростислав Вячеславович тайком забрал с собой фотографию понравившейся девушки, под впечатлением встречи написал стихи:

«... Девушку - мечту свою
Долго я искал.
Но о той, что встретила
Даже не мечтал.
Волосы не темные –
Русая коса.
И глаза не синие,
Серые глаза.

Может, не заметил бы,

Мимо бы прошел,
Но, когда нечаянно
Разговор завел,
Понял, не красавица,
Просто – хороша,
Но зато прекрасная
Чуткая душа!

... Было волей случая
Встреча коротка.
Ждет меня таежная
Быстрая река.
Перекаты, отмели
Время встречи отняли,
Перекрыла к девушке
Все пути тайга.

Но с тех пор мне девушка эта дорога.
Для нее и песенку
Эту я слагал.
И надеюсь твердо я,
Встречусь с нею вновь, -
Подарю ей песенку,
Подарю любовь!»

Вскоре они поженились, и Галина Евгеньевна переехала к мужу в Иркутск. Она устраивается на работу в Центральную городскую библиотеку. Своего угла не было, первое время молодожены жили буквально в бывшем курятнике. Хозяйка к их приезду выселила кур, побелила, помыла комнату, поставила кровать и столик. На единственном узком окошке была решетка. Через месяц они сняли комнату в двухкомнатной квартире. В свободное время встречались с друзьями, очень любили бывать на природе. В 1959 году Галина Евгеньевна поступает учиться заочно в Московский институт культуры, который окончила в 1964 году.

В 1960 году молодая семья уезжает в г. Томск. Ростиславу Вячеславовичу по состоянию здоровья предложили оставить геодезическую работу, связанную с большими переходами и нагрузкой на ноги, и заняться преподавательской деятельностью в Томском по-

литехническом институте. Галина Евгеньевна устроилась в библиотеку Томского университета, о которой на протяжении всей жизни сохранила самые лучшие воспоминания. В этом городе в 1961 году в молодой семье родился сын Дима.

В 1962 году в связи с переводом горного факультета Томского политехнического института в Кемерово Ростислав Вячеславович был направлен преподавателем в Кемеровский горный институт. Молодая семья обрела в Кемерово свое жилье. Они получили сначала 2-х комнатную, а затем 4-х комнатную квартиру. В 1970 году Ростислав Вячеславович и Галина Евгеньевна перевозят маму из Горьковской области в Кемерово, где она прожила с ними до конца своей жизни (1983 г.). Он – кандидат технических наук, доцент кафедры маркшейдерского дела и геодезии, с 1968 по 1983 год (с небольшим перерывом) заведовал кафедрой.

Галина Евгеньевна устраивается в библиотеку Кемеровского горного института, в которой прошла путь от простого библиотекаря до директора. Зав. библиотекой, Шеленко Лидия Васильевна, с удовольствием приняла ее в библиотеку. Она вспоминала потом: «С Галиной Евгеньевной я познакомилась во время приезда за литературой в Томский политехнический институт. Она работала в то время в ТГУ библиотекарем студенческого читального зала. Галину Евгеньевну сразу можно было выделить из всего коллектива. Очень энергичная, инициативная, влюбленная в свою профессию. Галина Евгеньевна - в высшей степени образец настоящего библиотекаря».

Ей довелось поработать во всех отделах библиотеки, и везде она старалась внедрить что-то новое. Она всегда была на самом тяжелом, напряженном участке. Многие сотрудники помнят, с каким энтузиазмом принималась она за любое дело. Галина Евгеньевна возглавляла в библиотеке отдел обслуживания (1966 - 1969 годы), справочно-библиографический отдел (1969 - 1974 год). Именно при ней началась активная работа с информаторами кафедр.

С 1974 по 1983 годы Галина Евгеньевна была заместителем директора, с 1983 по 1997 годы - директором библиотеки. На посту директора она полностью раскрыла себя как руководитель, обладающий большими организаторскими способностями. Под ее руководством в библиотеке происходили большие изменения: совершенствовалось обслуживание читателей, создавался справочный аппарат, получило развитие информационное обслуживание специалистов ВУЗа, началась вестись научно-исследовательская рабо-

та по формированию и эффективности использования библиотечного фонда. Из года в год она избиралась в комитет народного контроля института.

Галина Евгеньевна обладала широким кругозором, огромной работоспособностью, особой энергетикой, темпераментом, задором, умением увлечь своими идеями коллектив. Быстрая в движениях, добрая, чуткая, отзывчивая, она являлась образцом для всех сотрудников, была наставником молодых библиотекарей, которые учились у нее преданности своему делу, отношению к читателям. Будучи внешне очень женственной, характер имела твердый и решительный.

Профессионализм, душевная щедрость, честность, интеллигентность снискали Галине Евгеньевне искреннюю любовь коллег не только в Кемерове, но и в Западной Сибири, а также далеко за ее пределами. Ею опубликовано 28 статей в профессиональной печати, в многотиражной газете института. На протяжении многих лет Г.Е. Деринг являлась членом Центральной библиотечной информационной комиссии при Министерстве высшего образования, зонального методического совета вузовских библиотек Западно-Сибирской зоны, межведомственной областной библиотечной комиссии. Галина Евгеньевна неоднократно принимала участие в проверке деятельности вузовских библиотек Западной Сибири, Центральной зоны, Киргизии.

Ни один библиотечный огонек не проходил без Галины Евгеньевны. Она была самым активным участником, автором многих сценок, которые разыгрывались на библиотечных подмостках. Вместе с мужем сочиняли стихи для этих огоньков:

«В век наш стрессов и прогресса
Много нужных есть профессий,
Но для мыслящих людей
Есть одна, других важней.
Кто спасет от двойки в сессию,
Мысль толкнет научную?
Много нужных есть профессий,
Назову вам лучшую.
Кто же ты - гимнаст или лекарь,
Йог, штангист, иль педагог?
Нет - простой библиотекарь,

Все на свете превозмог!...»

Галина Евгеньевна обладала чувством юмора, ее звонкий смех часто звучал не только на библиотечных огоньках, но и на работе.

Многолетний труд Деринг Г.Е., ее большой вклад в развитие библиотеки КузГТУ и библиотечного дела Кузбасса отмечен многочисленными наградами и медалями: «Отличник высшей школы», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», «За веру и добро» и другими. В 1990 году ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Галина Евгеньевна занесена на «Доску почета института», неоднократно награждалась почетными грамотами.

Мечтой Галины Евгеньевны было отдельное здание для библиотеки. Она принимала самое активное участие в подготовке проекта. Он был утвержден, но проект не удалось осуществить, так как в стране наступило тяжелое перестроечное время. До последних дней жизни она беспокоилась о судьбе библиотеки родного вуза.

Галина Евгеньевна любила путешествовать, была в Германии, в Киргизии, на Кавказе, в Карпатах. Увлекалась спортом.

Деринг Галина Евгеньевна была удивительным человеком, обаятельной женщиной, любящей женой, хорошей матерью, заботливой бабушкой. Сын Дмитрий закончил тот же институт, что и отец - Московский институт геодезии и картографии. Он живет в Мурманске, часто бывает в длительных командировках. Работает в Норвежской компании, которая занимается разведкой полезных ископаемых на море: обеспечивает навигацию судна с помощью спутниковой технологии. Дмитрий вместе с женой Ириной воспитали прекрасных детей: сына Антона (закончил КузГТУ, живет в Кемерово), дочь Женю (закончила Петербургскую ветеринарную академию, ту же, что прабабушка и прадедушка, живет в Петербурге).

Когда внуки были маленькие, их каждое лето привозили из Мурманска в Кемерово, к бабушке и дедушке на дачу в Писанку.

«... Дорогая Писанка, -
На реке туман.
Танцевал, приплясывал
На скале шаман.
Танцевал бесхитростно, рисовал как мог.

Колдовская Писанка - дивный уголок!...»

Став взрослыми, внуки не забывают родные места. Каждый уголок на даче облагорожен руками Галины Евгеньевны. По-прежнему цветут любимые цветы - климатисы, розы, гладиолусы, лилии. Галина Евгеньевна всегда поддерживала увлечение мужа рыбалкой. И готовила замечательно - пальчики оближешь. Вместе любили гулять в окрестностях Писанки, собирать грибы и ягоды. В гостеприимном доме Галины Евгеньевны всегда были животные: собаки Джека, Гамма, Чернушка, Масяня, кошка Тина и многие другие.

Внук Антон женился, его жена Маша тоже закончила КузГТУ. 20 февраля 2009 года у них родился сын Даниил, правнук Галины Евгеньевны.

После выхода на пенсию Галина Евгеньевна не могла остаться без дела, стала служить сестрой милосердия в Православном Сестричестве Святых Жен-Мироносиц. До этого она часто посещала Знаменский собор, который еще только строился, была знакома со многими прихожанами, участвовала в уборке строительного мусора. Настоятель собора, отец Владимир Курлюта заметил активную женщину, познакомился с ней, предложил поработать в церковной комнате областного госпиталя для ветеранов войн, где она познакомилась со священником Геннадием Князевым, который стал духовником сестричества.

Вскоре Галину Евгеньевну перевели на служение в детскую многопрофильную больницу. Ее полюбили доктора, медицинские сестры, санитарки, дети и беременные женщины в роддоме. Она могла найти подход к каждому человеку. Чувствуя огромную помощь, которую может оказать сестра милосердия, Галине Евгеньевне дали разрешение на посещение всех отделений больницы. Ее влияние на врачей было столь велико, что некоторые реанимационные бригады взяли за правило начинать работу только с общей молитвы.

Галина Евгеньевна обучила многих новых сестер милосердия, передала свой опыт другим. Не у каждого есть дар - быть учителем. Она влюбляла в профессию. К работе относилась очень ответственно, умело планировала, продумывала все до последней мелочи. И результат превосходил все ожидания. Для многих сестер милосердия, врачей и, конечно, больных, встреча с ней была поворот-

ным событием, началом жизни в вере. И на этом поприще она получала неоднократно благодарности и награды от Новокузнецкой и Кемеровской епархии, в том числе - медаль «За веру и добро».

Казалось бы, какие разные виды деятельности - библиотекарь и сестра милосердия. Но и первому, и второму необходимы такие качества, как умение общаться, убеждать, проявлять живой интерес к человеческой личности, вовремя помочь, подсказать. И Галина Евгеньевна этим владела великолепно. Она любила людей, всегда стремилась им помочь, и они отвечали ей взаимной любовью.

Галина Евгеньевна прожила счастливую жизнь. Она очень любила своего мужа, детей, внуков, правнука, а они отвечали ей взаимностью. В анкете, которую просил заполнить Совет ветеранов, на вопрос «Самое запоминающееся событие» Галина Евгеньевна написала: «Встреча с будущим супругом в далеком Экимчане Амурской области на берегу реки Селемджа». Также она ответила, что ее любимые песни - «Ты у меня одна», «Острова в океане», а любимое занятие - чтение книг.

В феврале 2009 года Галины Евгеньевны Деринг не стало. Получив это горестное известие, на отпевание в нижний храм Знаменского собора пришли многие - попрощаться с человеком, который до конца дней своих думал и заботился не о себе. Люди стояли и плакали и в храме, и даже на винтовой лестнице.

По-разному люди приходят в свою профессию. Одни случайно выбирают вуз, другие по настоянию родителей, третьи - по любви к делу, которому готовы отдать самого себя. Галина Евгеньевна относится к той категории, для которых немислима была жизнь без любимой библиотеки, без людей. Вся ее трудовая деятельность была связана со служением библиотечному делу, которому она отдала около 40 лет своей жизни.

Для многих сотрудников ее жизненный путь - пример высококого служения избранной профессии. Имя Галины Евгеньевны с благодарностью и уважением вспоминают все, чьи судьбы соприкасались с ее судьбой.

Есть в книжном мире чародей –
Один особый тип людей.
Для них святое дело, честь –
Своя профессия, и есть
Они в любые времена.

Их достижения, имена
Не скроются под слоем пыли.
И, как писал один поэт,
Не говори «их больше нет»,
Но с благодарностью, что «были».

Валентина Соколова

**ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ФИЗИКИ
ПРОФЕССОР, ДОКТОР ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК
ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДЫРДИН**

*Науки делятся на две группы - на
физику и собирание марок
Э. Резерфорд*

Более 20 лет, с октября 1989 года по настоящее время, кафедрой физики Кузбасского государственного технического университета руководит Валерий Васильевич Дырдин. Дата солидная, да к тому же с реальным шансом стать «исторической» - уже через четыре года можно будет написать: «ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА».

Валерий Васильевич родился 3 марта 1941 г. в городе Кемерово в семье служащих - Василия Андреевича (погиб в 1942 г. под Сталинградом) и Анны Ивановны Дырдиных.

Интерес к физике - главному занятию и смыслу его жизни - «родом из детства», со школьных уроков. Тайное поначалу желание узнать «как это все устроено», «что за этим всем скрывается», «а что будет, если сделать так», привело его в кружок, где знания укрепилась.

В декабре 1957 года они прошли серьезное испытание поручением директора родной школы № 4 сделать новогоднюю елку самой праздничной в районе: «чтобы она крутилась, вертелась и сияла мерцающими гирляндами». Пришлось «кружковцам» вместе с руководителем напрячь мозги как подключить трехфазный двигатель к однофазной сети. Посильную лепту в решение ответственного задания внес и девятиклассник Дырдин - школьная елка и крутилась, и вертелась, и сияла...

В 1958-м Валерий поступает на физико-математический факультет Московского областного педагогического института. Блестящие лекции Н.И. Кошкина по оптике, М.М. Архангельского по механике, В.И. Родичева (теоретическая физика), В.Ф. Ноздрева (общая физика), В.Ф. Яковлева (курс электричества) и других преподавателей заложили прочные основы его профессиональных знаний.

После окончания института в 1963 году, несколько месяцев Валерий Васильевич учительствует в Титовской школе Зарайского района Московской области, «отдает долг Родине» в рядах Вооруженных Сил Советского Союза, а с сентября 1965 преподает в Тайгинском железнодорожном техникуме.

Пятого сентября 1966 г. (приказ № 970) он зачисляется в штат Кузбасского политехнического института - ассистентом кафедры общей электротехники, руководимой бывшим деканом горно-электромеханического факультета, легендарным Бычковым. Под его началом «новобранец» Дырдин прошел годичный (Иван Федорович уехал из Кемерова в 1967 г.) «курс молодого бойца», крепко взяв на память часть «бычковского наследства»: максимальная организованность, требовательность к себе и людям, порядок и дисциплина.

Интерес к науке «разбужен» доцентом, кандидатом физико-математических наук Колоянчевой Русланой Стояновой, давшей пример активного личного участия в исследованиях. Кроме того, под ее руководством было защищено несколько кандидатских диссертаций с высоким, обратившим на себя внимание молодого преподавателя, уровнем теоретических обобщений.

Решающую роль в становлении В.В. Дырдина как ученого сыграл проректор по научной работе КузПИ, зав. кафедрой аэрологии и охраны труда Б.Г. Тарасов. Борис Гаврилович пригласил его в очную аспирантуру, увлек задачей изучения фундаментальных закономерностей и, что принципиально важно, привил вкус к ЭКСПЕРИМЕНТУ. Усилиями многих людей, в первую очередь администрации и партийного руководства области, сотрудников 4-й отраслевой лаборатории, аспирантов и преподавателей кафедры в 1974 году была сооружена аэродинамическая труба, в которой, с целью поиска оптимального состояния воздушной среды г. Кемерова, «продувалась» модель города. _____

В 1975 году Валерием Васильевичем была защищена кандидатская, в 1989 - м - докторская диссертации.

За 35 лет научной деятельности в Кузбасском политехническом - Кузбасском государственном техническом университете профессором В. В. Дырдиным создано новое направление по разработке оперативных методов и систем непрерывного контроля состояния массива горных пород, основанные на взаимосвязи пара-

метров естественного геоэлектрического поля с напряженным состоянием массива горных пород.

Главные результаты доложены на конференциях, получив в итоге признание научного сообщества страны и Кузбасса. По результатам исследований В.В. Дырдиным опубликовано более 200 работ (первая в мае 1972 г.), в том числе 15 монографий. Итоги научных изысканий позволяют вести непрерывный контроль за состоянием массива горных пород, повышая тем самым безопасность труда; они внедрены на угольных шахтах Кузбасса и рудниках Норильского горно-металлургического комбината.

Многогранность проблемы требовала привлечения к ее решению консолидированных усилий. Валерий Васильевич подключил к исследованиям (вот секрет рождения научных школ!) других преподавателей и аспирантов, успешно защитивших под его руководством кандидатские диссертации. Это А.А. Мальшин, И.С. Елкин, Т.И. Янина и О.П. Егоров. На счету Валерия Васильевича к настоящему времени более 30 авторских изобретений и патентов. Важное открытие, зарегистрированное Ассоциацией научных открытий Российской Федерации в 1997 году, «сделано им в составе творческого коллектива: профессоров П.В. Егорова, В.В. Иванова, Б.Г. Тарасова и В.М. Колмогорова в области изучения закономерностей изменения потенциала естественного электрического поля горных пород. Оно открыло широкие возможности использования естественных электрических полей для прогноза техногенных и природных катастроф» (КузГТУ: Страницы истории, Кемерово, 1995, с. 429).

Одержимость наукой определило содержание и направленность остальных форм работы. Своих обучаемых профессор Дырдин старается не просто вооружить хорошими знаниями по предмету, но и затеплить в них искреннюю любознательность, увлечь интересным сравнением, образом. «Не может быть, чтобы две бабушки в одном вагоне, который идет из Кемерово, ехали в разные концы нашей необъятной Родины», - говорит он, например, студентам, дающими взаимоисключающие определения одной и той же физической величины.

Высоко ценимый студенческой массой за блестящие лекции и интересные семинарские занятия, он в тоже время имеет репутацию преподавателя строгого, принципиального, «непроходимого» в смысле халтуры.

Однажды, узнав о моем знакомстве с зав. кафедрой, ко мне (я преподавал историю) обратился студент: похлопочите, дескать, Анатолий Павлович, за меня, не могу предмет Дырдину сдать и все тут. Валерий Васильевич, выслушав, сказал, чтобы «проситель» готовился во все лопатки, а когда будет готов, приходил. Но добавил шутливо, что тому придется «расплатиться» лично с ним помощью на рыбалке. Я передал ответ. Студент поначалу не мог поверить в такую перспективу, разволновался, запунцовел щеками и воскликнул: «Да я, Анатолий Павлович, ведро с карпами за Валерием Васильевичем готов целую неделю носить!»

Много времени профессором Дырдиным отдано работе с подрастающим поколением. С середины 90-х до середины 2010-х годов Валерий Васильевич возглавлял секцию «физики» - на областном конкурсе школьников «Шаг в будущее» и городской конференции молодежи «Интеллектуал». Участники этих проектов стали студентами вузов, в том числе и нашего.

Не случайно, что кафедра физики по вовлечению студентов в исследовательскую работу - одна из лучших в нашем университете: за активное участие в ежегодных апрельских конференциях и высокие места в российских, региональных и областных олимпиадах и почетные грамоты на различного рода смотрах - конкурсах достижений технической мысли. Одним словом, горит огонек, зажженный когда-то в душе девятиклассника В. Дырдина от сверкающей, крутящейся елки на новогоднем вечере в родной школе № 4.

Среди его достоинств как менеджера важной вузовской структуры культура управления, организаторские способности, огромная личная самоотдача, скромность, самообладание, нетерпимость к недостаткам в работе коллектива, человеческая порядочность, аккуратность, доходящая до педантизма («дай ему карту звездного неба - он вернет ее исправленной») (это про то, как он правит методички и статьи коллег по работе...).

За пределами же своих обожаемых физических констант Валерий Васильевич много рыбачит. В составе сборных КузПИ - КузГТУ (особенно в 80-е - 90-е годы прошлого века) он более 10 раз становился призером областных соревнований по рыбной ловле, в составе команды, в которую входил сын инженера кафедры А.Е. Шеина - Александр, выиграл кубок Сибири по рыбной ловле со льда. Рыбалку ценит за возможность показать профессиональные

качества («знай наших!»), отдохнуть от трудов праведных и душевно «пошептаться» с природой на языке ее вечных атрибутов - воды, травы и неба над головой...

В.В. Дырдин - профессор, доктор технических наук, действительный член-корреспондент АЕН Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы РФ, награжден медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса».

Свой юбилей (3 марта 2011 года ему исполнилось 70 лет) Валерий Васильевич встретил в хорошем настроении. Сочетание завидных физических кондиций и позитивного душевного настроения позволит ему (мы все в этом уверены) сделать новые ШАГИ в БУДУЩЕЕ.

Анатолий Ковалев

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЕВСТИФЕЕВ И ЕГО КЛАУЗУРЫ

*В начертательной геометрии
главное – твердая линия.
К.Прутков*

Заметной фигурой институтского социума 50-60-х годов прошлого века был Анатолий Владимирович Евстифеев. Это имя часто повторяется как в сборнике воспоминаний выпускников (Кемерово, 1995), так и в книге «Страницы истории КузГТУ» (Кемерово, 2000).

Он родился 4 мая 1908 года в Алтайском крае. Родители его были мещане, ставшие советскими служащими. Отец долгое время заведовал почтовыми отделениями в сибирской глубинке, а мать после его смерти от тифа в 1924 году работала секретарем-делопроизводителем в партийных и советских органах. Известно также о дяде и тете, проживающих в Симферополе, - они были расстреляны немцами за участие в партизанском движении.

С 1928 по 1932 год Евстифеев учился на заочном отделении Сибирского института черных металлов в городе Сталинске (ныне Новокузнецке). Получив специальность инженера-металлурга, несколько лет проработал на Кузнецком металлургическом комбинате.

С этого же времени Анатолий Владимирович устанавливает связи с высшей школой Кузбасса: он - ассистент кафедры теоретической механики Сибирского института, зав. кабинетом начертательной геометрии и графики того же вуза.

В ноябре 1950 года Евстифеева переводят на работу в только что образованный Кемеровский горный институт и 20 марта следующего года его утверждают заведующим кафедрой графики.

Начинать приходилось в трудных условиях: не хватало квалифицированных кадров, наглядных пособий, методических разработок. Учебник Иерусалимского и Гордона, долгое время бывший единственным, страдал слабой проработкой решения технических

задач. Первому заведующему кафедрой графики КГИ приходилось полагаться на свой жизненный и профессиональный опыт, интуицию и желание сделать важное и трудное дело.

Начертательной геометрии студенты и сегодня откровенно побаиваются. В те же далекие годы, характерные обостренным, жадным интересом молодежи к учебе, она рождала определенную рефлексию. Студенты утешались мифологией: да, нам трудно, но вот в дореволюционной России студентам было еще труднее - жениться можно было только после сдачи начерталки и сопромата!

50-е - начало 60-х - это «эпоха» Евстифеева в преподавании начертательной геометрии. Коронная фраза Евстифеева тех лет: «Господь Бог знает начертательную геометрию на «отлично», я (скромно потупившись) - на «хорошо», всякий уважающий себя студент - на «удовлетворительно», а N - тут он называл имя совсем юного преподавателя со своей кафедры – на «двойку!»

Аудитории студентов буквально немели перед человеком среднего роста, в очках, с седой шевелюрой. Студенты ловили каждое его слово, фиксировали каждое его движение у доски. Евстифеев читал лекции, в которых отточено и выверено каждое предложение, виртуозно манипулировал цветными мелками, большим транспортиром и веревочкой, рисуя круги. Чертежи очень сложные, но лектор сложности раскладывал на составляющие части, делал их понятными и доступными.

Анатолий Владимирович в эти годы работал каторжно много, не щадил себя в преподавании, выходя часто и за рамки официального расписания.

Так, широкую известность получили консультации у Евстифеева во время лыжных прогулок в бору. Сам он шел по лыжне, а сзади него, чуть поотстав, по целине раскрасневшиеся от ходьбы двигались студенты. Время от времени Евстифеев останавливался, рисовал палкой по снегу чертеж, предлагая одному из студентов решить графическую задачу - свои знаменитые КЛАУЗУРЫ. Внимательно выслушивал объяснения и в случае затруднений консультировал по всем аспектам возникшей проблемы. Прогулки длились несколько часов и заканчивались тем, что преподаватель извинялся за невозможность продолжать занятия таким образом и назначал встречу на следующее воскресенье.

Анатолия Владимировича, при всей его строгости в преподавании, не назовешь человеком в футляре, таким бездушным мане-

кеном, поставленным государством у доски с транспортиром в студенческой аудитории.

Чертежи, принесенные на проверку, Анатолий Владимирович не глядя частенько сворачивал наподобие подзорной трубы адмирала Нельсона. Но если последний, глядя незрячим глазом на вражеские корабли, действительно ничего не видел, наш Нельсон видел все и говорил: «Такой ерунды я и не припомню!». Студент, проведенный в бдениях над чертежом не одну бессонную ночь, вскипал молодой бражкой: «Да я!» Чертеж разворачивали. И что же? В самом деле оказывалось - такую ерунду припомнить трудно!

Анатолий Владимирович находился в особых отношениях с зачетом - венцом всей семестровой работы со студентами. Поначалу был очень строг, применял тактику «выжженной земли», «ковровых бомбометаний», как американцы во вьетнамской войне, т. е. ставил всему курсу двойки. Лишь несколько студентов после зачета бродили «среди руин» с тройками, максимум четверками в зачетках, не смея поверить своему счастью. Партийный комитет пытался ввести радикализм зав. кафедрой в разумное русло, но Евстифеев стоял на своем.

Но постепенно «лютость» сменяется иными, более либеральными формами. Г.В. Корницкий, выпускник 1955 г., вспоминает такое. Однажды во время зачета Евстифеев послал ребят ... принести из бора свежей земли для множества цветов на кафедре и тут же выставил всем зачеты.

Седых волос Евстифееву прибавила хрущевская «оттепель». Когда вузовская молодежь бросилась кто куда: юноши - к брючкам-дудочкам, девушки - к коротким юбкам - он объявил последним войну. Но так как административные методы становились в обществе непопулярными, теряли былую силу и привлекательность, пришлось прибегнуть к формам борьбы, внешне замаскированным под новые «методические» разработки.

Весной 1958 года зачет по начертательной геометрии переместился в вестибюль первого корпуса к главной лестнице. Здесь у ее подножия выстраивались любительницы коротких юбок, которые должны были по команде Анатолия Владимировича срываться с мест, стремглав, что есть сил, бежать наверх, до четвертого этажа. Опередившая всех, получала зачет, остальные «назначались» на забег следующего дня. Привлеченные необычным зрелищем и, дале-

ко не в последнюю очередь, оголенными коленками вузовских красавиц, собирались зрители, болевшие за своих.

Все шло хорошо до той поры, пока одна из студенток, отчаявшись сдать зачет «по правилам», не догадалась поднять до бедра юбку и, оставив далеко позади своих менее догадливых соперниц, птицей взлетела наверх. Формально требований Евстифеева это не нарушало и он вынужден был, скрепя сердце, «зачет» в зачетную книжку выставить.

Начинается, говоря литературным языком, «кризис жанра», усугубленный еще и вмешательством «ревнителей благочестия» из партийного комитета. Забеги по лестнице приказали долго жить, сохранившись, однако, в памяти выпускников, а значит, в вечности.

В августе 1970 года Евстифеев вышел на пенсию. Остаток жизни рыцаря Клаузур прошел в кругу семьи, хлопотах по садовому участку и на рыбалке. Рыбалку Анатолий Владимирович обожал. Наверное, не меньше своей начертательной геометрии.

Анатолий Ковалев

ПРОФЕССОР КузПИ,

ИСТОРИК В. А. КАДЕЙКИН

Василий Александрович Кадейкин был первым преподавателем Кемеровского горного (впоследствии Кузбасского политехнического) института, защитившим докторскую диссертацию по истории.

В.А. Кадейкин родился 1 сентября 1927 года в поселке Ново-Самарском Баевского района Сибирского края (ныне - Алтайский край). Его отец, Александр Тимофеевич, до революции был батраком у помещика, затем рабочим, участвовал в боях на КВЖД, в советско-финской войне. Мать, Евдокия Поликарповна, родилась в бедной крестьянской семье.

В 1937 году семья Кадейкиных приехала в Ленинск-Кузнецкий, где отец устроился на шахту. 13 июля 1941 года А.Т. Кадейкин был мобилизован в ряды Красной Армии, в боях был дважды ранен. После окончания войны работал на шахте «Полысаевская» треста «Ленинскуголь». Е.П. Кадейкина в годы войны работала охранником динамитного склада шахты «Красный Орел».

В Ленинске-Кузнецком Василий Кадейкин начал учиться. Школьником в 1942 году стал членом ВЛКСМ. В 1943 году, окончив семилетнюю школу, поступил в Ленинск-Кузнецкий горный техникум. Богатым на события оказался для Василия Александровича год его двадцатилетия. В феврале 1947 года он вступил в Коммунистическую партию. В июне 1947 года Василий Кадейкин получил диплом по специальности «Горнотехнический электромеханик». Будучи студентом, он принимал активное участие в работе комсомольской организации техникума, был ее секретарем.

После окончания техникума молодой коммунист В.А. Кадейкин был избран секретарем Ленинска-Кузнецкого ГК ВЛКСМ. Однако он пробыл на этом посту всего несколько месяцев. В том же 1947 году он был выдвинут на партийную работу и стал лектором Дома партийного просвещения Ленинска-Кузнецкого ГК ВКП(б). В сентябре 1947 года он женился. Его женой стала дочь крестьянина Тамара Ивановна Чеканова. В 1955 году она, комсомолка и горный

инженер-экономист, работала нормировщицей на шахте «Журилка» треста «Ленинскуголь». Вскоре в семье появились дети Светлана - 1949 и Наталья - 1956 годов рождения.

В марте 1950 года делегаты XII Ленинск-Кузнецкой городской партийной конференции избрали его заведующим отделом пропаганды и агитации ГК ВКП(б). Одновременно с работой в горкоме партии он руководил городским отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1949-1950 годы В.А. Кадейкин по совместительству преподавал историю СССР в Ленинске-Кузнецком техникуме искусственного жидкого топлива.

В.А. Кадейкина отличало постоянное стремление учиться. Сразу после окончания горного техникума он продолжил учебу. В 1947 году он поступил на заочное отделение исторического факультета Новосибирского государственного педагогического института. В 1950 году он окончил вуз, получив диплом с отличием по специальности «Преподаватель истории».

22 октября 1952 года В.А. Кадейкин был освобожден от должности заведующего отделом горкома партии в связи с выездом на учебу в Ленинград. С 1952 по 1955 годы он учился в аспирантуре ЛГУ имени А.А. Жданова. 1 июня 1955 года В.А. Кадейкин успешно защитил диссертацию «Коммунистическая партия - вдохновитель и организатор социалистического соревнования за повышение производительности труда в угольной промышленности в годы V пятилетки» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Молодой ученый был направлен на работу в Кемеровский горный институт, но уже в ноябре 1956 года был отозван на работу в Кемеровский обком КПСС. В партийном штабе Кузбасса он сначала руководил лекторской группой, затем был утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации.

Через несколько лет судьба вновь вернула его в высшую школу, куда он пришел уже автором монографии. 4 июня 1960 года В.А. Кадейкин был принят на должность доцента кафедры марксизма-ленинизма Кемеровского горного института. 16 августа того же года он стал исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории КПСС и философии. 29 ноября 1961 года Василий Александрович был избран заведующим этой кафедры.

С 10 февраля по 3 июня 1962 года В.А. Кадейкин находился на курсах повышения квалификации в МГУ имени М.В. Ломоносова. 25 мая 1962 года кафедра истории КПСС института повышения квалификации МГУ утвердила тему докторской диссертации - «Борьба рабочего класса под руководством большевистских организаций за власть Советов в 1918-1920 гг.». 28 июня 1962 года та же кафедра заслушала доклад В.А. Кадейкина о его научной работе. Тема была признана актуальной, мало исследованной и имеющей большое научное значение. Участники обсуждения отметили, что сбор документальных источников в архивах Москвы в основном завершен. На заседании был представлен и обсужден план-проспект исследования.

Докторскую диссертацию по теме «Большевистское подполье и рабочее движение в тылу сибирской контрреволюции (1918-1920 гг.)» В.А. Кадейкин успешно защитил в 1966 году в специализированном научном совете в ЛГУ. Основные выводы исследования были изложены им в монографии, не утратившей и сегодня своей значимости. 29 сентября 1966 года В.А. Кадейкин был избран на должность профессора кафедры истории КПСС Кузбасского политехнического института. В том же году у него вышла еще одна монография. 13 мая 1967 года Василию Александровичу была присуждена ученая степень доктора исторических наук, а 27 декабря 1967 года Высшая аттестационная комиссия утвердила В.А. Кадейкина в ученном звании профессора по кафедре истории КПСС.

Тогда кафедра занимала помещение на втором этаже главного корпуса, рядом с ректоратом. В.А. Кадейкин дружил с ректором вуза профессором М.С. Сафохиним. На научные конференции, проводимые кафедрой, приходил первый секретарь Кемеровского обкома КПСС А.Ф. Ештокин.

С именем Василия Александровича связаны организация и проведение нескольких научных конференций. В ноябре 1957 года такая конференция была посвящена 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На ней, кроме В.А. Кадейкина, выступили З.Г. Карпенко, Ю.С. Котляров, Е.А. Кривошеева, П.К. Редькин, В.Э. Попов. В 1960 году состоялась первая конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Среди ее участников были В.М. Потемкин, Г.А. Докучаев, В.А. Кадейкин, Г.И. Ражев, В.И. Песин, Е.А. Кривошеева, А.С. Дружинин, Е.М. Полянская, Р.Л. Яворский, А.И. Мартынов, М.Г. Елькин.

Юбилейный для Советской власти 1967 год был ознаменован двумя конференциями - в Кемерове и Томске. Об этом Василий Александрович в зале заседаний томского Дома ученых рассказал корреспонденту газеты «Красное знамя». «Обычно говорят: «Томск - научный центр, Томск - старинный университетский город». Все это верно, но в данном случае хотелось бы уточнить: «Томск - город исторической науки». Особенно заметны успехи томичей в последние годы. Я расскажу вам, - продолжал Василий Александрович, - о недавней конференции в Кемерове, и вы поймете, почему я так говорю. Недавно у нас прошла конференция историков, посвященная роли рабочего класса Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма. На ней присутствовали ученые Москвы, Томска, Новосибирска, Свердловска, Тюмени и других городов. Работали четыре секции. Двумя из них руководили профессора Томского университета И.М. Разгон и В.С. Флеров. Делегация томичей была самой большой. На нашу конференцию они представили 22 доклада. Все они имели высокую оценку и уже опубликованы в специальном сборнике. Конференция в Томске рассмотрела все актуальные вопросы сибирской исторической науки. Обмен мнениями на таком высоком уровне, безусловно, будет способствовать ее дальнейшему и скорейшему развитию».

Через год в нашем городе прошла конференция, посвященная 50-летию Кемерова. Она стала последней, в подготовке и проведении которой участвовал В.А. Кадейкин. Он был ответственным редактором, составителем двух сборников. Несколько его публикаций посвящены истории Кемерова.

В.А. Кадейкин прилагал усилия и по формированию высокопрофессионального коллектива на кафедре. Сюда в 1962 году после руководящей работы в управлении культуры Кемеровского облисполкома перешел Н.П. Шуранов. Василий Александрович сразу же привлек его к написанию кандидатской диссертации, защита которой состоялась в 1967 году. «Давай, давай, давай», - не уставал повторять ему В.А. Кадейкин. Василий Александрович, по мнению доктора исторических наук, профессора Н.П. Шуранова, работал в архивах «старательно и основательно». Он радовался, что Всесоюзное радио сообщило о выходе его монографии. Летом Н.П. Шуранов отдыхал на даче горного института на берегу Томи в Журавлях. Домик рядом занимал профессор В.Г. Кожевин, который с восторгом отзывался о лекциях В.А. Кадейкина: «Как соловей поет!»

Кандидат исторических наук, доцент КемГУ Е.А. Кривошеева относит В.А. Кадейкина к одаренным историкам.

Василий Александрович оказался причастен к судьбе кандидата исторических наук, доцента КузГТУ Нелли Николаевны Романенко. По ее словам, он был очень земным человеком и очень хорошо ориентировался в «подводных течениях».

Н.Н. Романенко помнит его как человека невысокого роста, плотного. Он не ходил, он летал. Она называет его подвижным харизматиком, каким, кажется, он сам сделал себя. При нем работали очень много. Когда Нелля Николаевна поступила в томскую аспирантуру, то у нее сначала не было ни темы, ни научного руководителя. В это время в Томск из Москвы приехал ее бывший заведующий кафедрой. «Как дела?» - спросил В.А. Кадейкин. Нелля Николаевна рассказала о своих проблемах. Уже на следующий день у нее были и тема, и руководитель. Тему определил сам Василий Александрович, а научным руководителем стал доцент Нечухрин. Тогда Нелля Николаевна узнала о дружбе Василия Александровича с томским историком - профессором В.С. Флеровым.

Кандидат физико-математических наук, бывший доцент КузПИ А.Е. Гинзбург помнит В.А. Кадейкина яркой личностью и по-человечески симпатичным. Ей запомнились интересные выступления Василия Александровича на институтских партийных собраниях, на которых почти всегда присутствовала секретарь обкома КПСС З.В. Кузьмина.

На рубеже 1960-1970-х годов в Сибири активно обсуждалась тема «роговщины» в партизанском движении. Свое мнение по проблеме высказал и Василий Александрович. Летом 1968 года А.Ф. Ештокин попросил В.А. Кадейкина выехать в Новокузнецк для участия в научной конференции и поддержать томского историка, профессора М.Е. Плотникову в ее дискуссии с бывшими участниками партизанского отряда Г.Ф. Рогова. Речь шла о характеристике политических взглядов этого партизанского вожака. Василий Александрович не только выступил на конференции, но и опубликовал соответствующую статью в областной газете «Кузбасс».

Это вызвало резкое неприятие участников отрядов Г.Ф. Рогова. 10 февраля 1972 года по поручению 24-х товарищей А.А. Конов написал соответствующее письмо в партийные органы. Его копия хранится в Государственном архиве Томской области. «В связи с преднамеренным извращением исторических фактов партизанской

войны в Кузбассе, - говорилось в письме, - безусловно, следует рекомендовать ИМЛ рассмотреть вопрос о лишении ученых званий, незаслуженно присвоенных В.А. Кадейкину и А.Н. Геласимовой, а также запретить в дальнейшем допуск к печати их фальсификаторских работ, а уже изданные - изъять из обращения. Если этого сейчас сделать нельзя, то объявить в печати об их фальсификаторском характере». Обращение ветеранов не имело последствий. Вопрос о характере «роговщины» до сих пор остается дискуссионным.

В 1969 году В.А. Кадейкин покинул Кузбасс. В Москве он работал заведующим отделом ИМЛ (Институт марксизма-ленинизма) при ЦК КПСС, с 1970 года заведующим кафедрой партийного строительства Академии общественных наук при ЦК КПСС, а с 1975 года заведующим кафедрой истории рабочего движения и профессиональных союзов СССР Высшей школы профсоюзного движения имени Н.М. Шверника. Впоследствии Василий Александрович не раз приезжал в Кемерово. В один из своих приездов В.А. Кадейкин заходил и в Кемеровский областной краеведческий музей.

Научно-исследовательская работа В.А. Кадейкина в Москве уже не была связана с проблемами гражданской войны в Сибири. Он стал активно заниматься проблемами партийного строительства, а затем - историей профсоюзов СССР.

Невзгоды, связанные с развалом СССР, переходом России к рынку, болезни не обошли стороной и В.А. Кадейкина. Об этом он говорил при нашей единственной встрече. Василий Александрович чувствовал себя не очень хорошо, и новости изучения истории Сибири периода гражданской войны не привлекли его внимания. На дальнейшие контакты он уже не шел. Он даже не мог проститься с ректором КузПИ, профессором М.С. Сафохиним, умершем в Москве в 1993 году. В тот день В.А. Кадейкина подвели ноги. 1 сентября 2003 года в день его 76-летия в гостях у профессора был гость из Кемерово - доцент КузГТУ И.М. Черноброд. «Игорь, - признался ему Василий Александрович, - так плохо, как сейчас, я никогда не жил».

Доктор исторических наук, профессор Василий Александрович Кадейкин скончался 20 марта 2005 года в Москве на 78-м году жизни. На положения и выводы, содержащиеся в монографиях и статьях талантливого историка В.А. Кадейкина, часто ссылаются не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Современ-

ные историографы Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков и В.Ю. Чураков не очень высоко оценили вклад своих старших коллег в разработку истории гражданской войны в Сибири. Однако они с определенными оговорками отнесли к числу исключений работы сибиряка В.А. Кадейкина.

Василий Александрович Кадейкин останется в нашей памяти как человек огромного трудолюбия, больших организаторских способностей, как умудренный знаниями и жизнью наставник. Вместе с профессорами В.Г. Мирзоевым, З.Г. Карпенко В.А. Кадейкин стоял у истоков кузбасской школы историков.

Сергей Звягин

АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ КОВАЛЕВ, ИСТОРИК.

О СЕБЕ

*Огонь какой мечты
В тебе горел бесплодно?
Лампада ль тайная?
Смиренная ль свеча?
Ах, все великое, земное безысходно...
Нет в мире радости
Светлее, чем печаль!
М. Волошин*

Я родился 24 октября 1952 г. в городе Мариинске Кемеровской области. Мои ранние и отроческие годы прошли в Усть-Чебуле - деревеньке средней руки восточнее Баима, пригорода Мариинска.

В 1964 году наша семья переезжает в поселок Кулаковский (деревня Пятково) Юргинского района, по месту новой работы отца, машиниста экскаватора. Здесь я закончил восьмилетку и вместе со своими сверстниками был определен на учебу в 9-м-10-м классах средней школы № 160 города Тайги - там был интернат (пансионат - по сути) для детей рабочих, занятых открытой разработкой гравия.

Большую роль в формировании моих будущих интересов сыграли учителя литературы и истории - Зинаида Георгиевна Павская и Валентин Владимирович Гаун. Позже я посвятил им очерки, опубликованные в газете «Тайгинский рабочий».

С ноября 1970-го по октябрь 1972-го служил в Вооруженных Силах Союза Советских Социалистических Республик. Сначала - в Вышнем Волочке, где закончил школу младших авиационных специалистов, затем - в городе Канске Красноярского края, в должности радиомеханика авиаэскадрилии. Тогда же состоялась первая проба пера - несколько заметок о спортивной жизни части были опубликованы в газете Сибирского военного округа «Красное Знамя».

После демобилизации, с легкой руки друга, студента филфака,

Александра Дубчака, приславшего мне вырезку из «Кузбасса» с объявлением о наборе слушателей на подготовительное отделение, зачислился на рабфак Кемеровского государственного педагогического института.

Учиться начинал в группе будущих филологов под руководством Зои Петровны Шевердовой. Ее уроки русского языка укрепили культуру моей речи и письма. Литература мне тоже нравилась. А почти «случайная» лекция Джеммы Николаевны Сокольниковой - пришла на замену, «читала» В.М. Гаршина» - пронзила, запомнилась на всю жизнь. Казалось, все шло к филологическому факультету.

Однако весной 1973 года, историк Алексей Петрович Батулин, заметив мой интерес к его предмету, предложил содействие в зачислении на исторический факультет. К тому же сильное впечатление оставлял сосед по комнате Вовка Болдырев. Хватив горячительного, он совершенно замечательно цитировал революционные первоисточники: «Поднимется мускулистая рука рабочего класса и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

С августа 1973-го по июнь 1978-го года я учился на историческом факультете Кемеровского государственного университета (бывшего пединститута).

В студенчестве получил знания, крепкие навыки в общественной работе, обрел мужскую дружбу, «отметился» на страницах университетской газеты «Путь в науку», начал семейную жизнь и укрепился в позитивном отношении к действительности.

Профессиональные знания впитывались жадно - уровень читаемых нам лекций по истории России (В.Н. Михайлова, Т.П. Костина, Т.П. Малахова, Р.Г. Круссер), археологии (А.И. Мартынов), истории средних веков (В.Г. Павленко, А.П. Батулин), Новому Времени (Ю.Г. Варнаков), новейшей истории стран Азии и Африки (Ю.Л. Говоров), краеведению (Д.В. Кацюба) и другим дисциплинам - «обрекал» именно на такое отношение.

Навыки общественной работы приобретались в последовательности: политинформатор, комиссар областной школы комсомольского актива - Республики Беспокойных Сердец, староста группы, зам. секретаря комитета комсомола КемГУ по идеологии.

Мужская дружба, соединившая меня в студенческие годы с С. Кравченко из поселка Комсомольска Тисульского района и Е.

Щедринным из Новокузнецка, прошла проверку времени. Однако в 1987 г. Щедринов после защиты кандидатской диссертации в столичной аспирантуре, принял постриг и ушел в монастырь, прервав отношения с внешним миром.

Позже впечатления студенческих лет были отрефлексированы мной в книге «Пленники Камелота» (Кемерово, 2003, 2006).

После окончания университета, я работал секретарем комитета комсомола техникума механизации и учета (на Южном), а с июня 1979 г. был принят учителем истории и воспитателем в Верхотомскую спецшколу. Педагогический опыт, полученный под руководством заслуженного учителя, директора школы, Фельдэ Эвальда Андреевича, непосредственное общение с трудными подростками, оказали мне в дальнейшем неоценимую помощь.

Двадцать шестого августа 1981 г. начинается моя трудовая деятельность в Кузбасском государственном политехническом институте (КузПИ) на кафедре истории.

Через два года я был зачислен в очную аспирантуру при кафедре истории партии Кемеровского госуниверситета. Моим научным руководителем стал крупный специалист в области истории Сибири военных лет, доктор исторических наук, профессор Николай Павлович Шуранов. Подготовка диссертационного исследования историографического характера - анализ литературы по проблеме деятельности партийных организаций Западной Сибири в период Великой Отечественной войны - прошла в нормальном режиме. Я прошел обсуждение в положенные сроки, получив в итоге рекомендацию к защите. Она состоялась в сентябре 1987 года в Ученом Совете КемГУ.

Моим главным оппонентом был доктор исторических наук, профессор Иван Захарович Захаров из Ленинграда. Когда он вышел для выступления - в красивой форме морского офицера (воевал на катерах - торпедоносцах), с орденской планкой и кортиком у бедра - все на него только и смотрели. В сознание члены Ученого Совета и присутствующие в зале пришли на 15-й пятнадцатой минуте выступления Ивана Захаровича: «...достоин присвоения научной степени кандидата исторических наук» (это про меня).

После перерыва защищался однокурсник Олег Ведьмин. Старшие товарищи, как и положено в таких случаях, наставляли его уму-разуму - с замечаниями соглашаться, недочеты признать, а главное - постоянно «благодарить и кланяться» (образное выраже-

ние). Олег же с несгибаемостью протопопа Аввакума и ссылками на архивы областного и союзного значения, замечания отверг, недочеты не признал, оппонентов благодарил сдержанно. Один из историков (Саша Зайцев) тут же выдал в шарже: Ведьмин с гранатой в руке замахнулся на Ученый Совет во главе с ректором.

Вернувшись из аспирантуры, я нашел политеховский социум, погруженный в мир политических страстей - в стране маршировала «перестройка» и все мы старались в ней поучаствовать. «Больше демократии!», «Больше социализма!», «Иного не дано!» - вот что нас всех объединяло в те дни.

В декабре 1987 года бурно прошло партийное собрание института, принявшее горячую резолюцию в поддержку Ельцина, борца с привилегиями, которого, как мы все считали после его выступления на Пленуме, стала гнобить партноменклатура. Вообще разобраться с ним, кто есть кто, было очень трудно. Лишь в начале 90-х, после Беловежья, расстрела парламента, чеченской войны, дичайшей приватизации, итоги которой не обнародованы до сих пор, наступило горькое похмелье. Для меня первый звонок прозвенел весной 1992 года. Я наткнулся на информацию о том, что, выступая в конгрессе США, Ельцин 18 раз «прерывался» аплодисментами и вставанием политической элиты. Был ироничный комментарий со стороны «Кузбасса»: «...Ельцин убедил американцев в том, что он делает все, чтобы им жилось еще лучше».

По прошествию двух лет после аспирантуры, не раньше, (говорят, что М.С. Сафохин специально держал новоиспеченных кандидатов на испытательном сроке) я стал старшим преподавателем, а еще через три - доцентом. Однако получать достойную зарплату (как у кандидата наук, доцента советского времени) не удалось.

«Перестройка», по образному выражению А. Зиновьева, закончилась «катастрофой». В вузы пришли тяжелые времена.

Зарплаты хватало только на то, чтобы шевелить ресницами. Например, в феврале 1992 года она составляла 1500 рублей у доцента и 2200 у профессора. В то же время килограмм копченой колбасы стоил уже от 200 до 300 рублей, молоко - 12 рублей за литр (вместо предшествующих 20 копеек), десяток яиц - 30 рублей (90 копеек), садик подорожал со 120 рублей до 240... Председатель профкома КузПИ Н. Розенко в интервью «Пульсу» прямо говорил о кризисе высшей школы, нищенской зарплате преподавателей, росте забастовочных настроений. Осенью 1992 года коллектив был силь-

но поддержан ректором М.С. Сафохиним, изыскавшим деньги для выплаты 8 (восьми!) месячных окладов в порядке компенсации за падение уровня жизни. Может быть по этой причине, или по какой еще другой, но мои мысли в сторону докторской не легли. Дважды приглашал Н.П. Шуранов, беседовал, уговаривал (наверно, хотел со временем свою Школу - изучение военной проблематики Сибири - передать мне).

Тем не менее, опыт исследовательской работы, полученный в аспирантуре, позволил мне в дальнейшем участвовать в процессе научных исследований. Я подготовил около 30 публикаций историкографического характера. А также в составе авторского коллектива принял участие в подготовке «Истории КГИ - КузПИ - КузГТУ» (Кемерово, 2000, 2002, 2011).

Мне пришлось поработать на всех факультетах, откусить, так сказать, от пирогов с разной начинкой. Но больше всего на мою долю «выпало» горных электромехаников. Я сразу же понял - это народ особенный, не чета тихоням с экономического или химикам, призванным к порядку Чернобродом. Нет, горный электромеханик по сути профессии (иметь дело с электричеством в «потрескивающей» преисподней!), человек ядреный, прямодушный, грубовато-здоровых жизненных инстинктов. Старался держаться с ними ровно, не давать волю эмоциям; и лишь очень небольшая, пронизательная часть горняков, быстро понимала с кем имеет дело.

В 90-х-годах лекции горным электромеханикам (пять групп ГМ и одна МК, 160-180 человек) читались на одном потоке. Четвертая лекционная заполнялась под завязку. Однажды, по каким-то своим, не терпящим отлагательств делам, пришел декан Игорь Дмитриевич Богомолов. Увидев огромный «рой» нависающий над моей хрупкой фигурой, удивился. Наверно, не представлял, что так много горных электромехаников можно собрать в одном месте. А уж ко мне управляющему такой стихией, уважение его деканское, возросло во много раз.

Лекционный курс отрабатывался не менее семи лет. Постепенно ставка была сделана на логичность, в которой, как известно, все одно из другого вытекает, все одно другим определяется. Внимание также было уделено стилистике (манере) выступления (здесь многое «досталось» от Черноброта), качеству лекционных текстов и средствам эмоционального воздействия на аудиторию. Среди них - пословицы, поговорки, образные выражения, т.е. продукт исклю-

чительно устного народного творчества. Хорошо «работали» в соответствующем месте в соответствующий момент такие «нетленки»: «Взглянуть правде в зрачки», «С большевистской прямотой, без меньшевистской уклончивости», «Две точки зрения: «моя и неправильная», «Заболтал в усмерть», «Первый в мире, второй в Сибири», «Эту книгу можно читать только под угрозой лишения стипендии», «Не путайте темперамент с торопливостью!», «Как надо отвечать? Отвечать надо правильно, а неправильно - отвечать не надо!», «Не ту страну назвали Гондурасом!», «Бог не Микишка, у него другая записная книжка», «Не мог отличить транш от траншеи, киллера от дилера, инфляцию от дефляции» и т.д.

Пять тем были особенно любимы мной в читаемом лекционном курсе - «Образование Великорусского государства», «Отмена крепостного права», «Революция 1917 года» и «Великая Отечественная война». Чувствовал, что в этих мега-процессах, мега-событиях - концентрация и завязка главных смыслов нашего национального (великорусского, российского) бытия.

Особняком стояли «Дворцовые перевороты» с их роскошным «гарнитуром»: «Ехали на свадьбу, а приехали на похороны» (дворяне в январе 1730 г. ехали на свадьбу к Петру II - а приехали на его похороны); «Не для тебя печка топится!» (Знаменитый «отлуп» цесаревны Елизаветы будущей императрицы, «приставучему» матросу; «Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым. На самом деле, это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком» (В.О. Ключевский о Петре III) и т. д.

На семинарских занятиях шел анализ «Русской правды», «Духовной Грамоты московского князя Ивана Даниловича Калиты», «Жалованной Грамоты дворянству»... Учились до рези в глазах вглядываться в тексты документов, «откапывать» скрытые смыслы, устанавливая причинно-следственные связи, выходить на современное прочтение первоисточников... Всегда заинтересованным было отношение студентов к коллоквиуму (итоговому занятию, своего рода блиц-опросу) по русскому средневековью. Живо шло тестирование по «Просвещенному абсолютизму» Екатерины Второй. Здесь применялся принцип игры на выбывание: 1/16 - 1/8 - 1/4 - полуфиналы и финал. Ажиотаж и напряжение крепчали на глазах. Когда соперники набирали равное количество баллов на тестировании, проверяли конспекты «Жалованной Грамоты». Если и здесь было равенство по качеству, смотрели их контрольные точки. Если

и это не выявляло лучшего, бросалась монетка, выявлявшая победителя.

Предэкзаменационная консультация, к сожалению, не входила в число сильных сторон моей учебно-педагогической деятельности. Я кратко и вроде бы правильно говорил студентам о содержательной части их выступлений на экзамене, акцентировал внимание (с учетом имеющегося опыта) на типичных ошибках и недостатках, учил приемам морально-волевой концентрации на экзамене. Однако полной мобилизации консультируемых достичь не удавалось. Студенты плохо понимали смысл главного наказа: «Бояться надо не моих вопросов, а своих ответов». Я видел, что они, в отличие от черномородовских студентов, выходили из аудитории не сурово-сосредоточенными, а в каком-то чуть ли не расслабленном состоянии.

Экзаменам отводилось особое место. Пословица «Конец - делу венец» со временем «уточнилась» у меня в последней части: «Венец - мученический». Потому что ни одна из форм учебной работы не приносит преподавателю столько противоречивых, «разнонаправленных» эмоций - от полета кондора над Андами («Кондор эль Паса») до желания «переквалифицироваться в управдомы». Последняя рефлексия у меня лично сильно преобладала над первой.

От окончательного впадения в грех уныния спасали шпартгалышки. Со временем я научился распознавать их по «шаблону»: они долго запрягают, но быстро ездят. Матерый списывальщик сразу за шпартгалкой не полезет, а минут двадцать будет изучать ситуацию, анализировать поведение препода. Потом мягкими кошачьими движениями переправит шпартгалку из внутреннего кармана на колени, или (если сидит у окна) на стул рядом с собой, укрывая корпусом, или, вот счастье-то, подловчит под лежащий перед глазами лист бумаги. Потом начинает строчить так, словно из астрала пошла ценнейшая информация.

Сумевшие списать и сдать экзамен на этой основе, мук совести, за редким исключением, не испытывали и даже гордились тем, как они ловко провернули дельце. Да, что там! Даже их родные испытывали чувство гордости! Так, 1 июля 2002 года, ко мне, стоявшему в очереди за отпускными, подошел декан горно-электромеханического факультета И.Д. Богомолов. «Поздравь,- говорит,- мой сын у тебя историю сдал!

- Поздравляю!» - отвечаю.

«Сидел у окна в первом ряду за четвертым столом, - продолжил Игорь Дмитриевич со скрытым торжеством в голосе,- все списал и сдал на «четыре!»»

Сколько всего случилось на экзаменах! Однажды я прошел испытание на крепость духа - внезапно заболел один из преподавателей нашей кафедры и целый поток экономисток-заочниц, четыре группы, свалился на мои плечи. Сначала я их о чем-то спрашивал, потом перешел к чисто технической процедуре - проверки наличия зачетной контрольной работы и выставлению оценки «Удовлетворительно» в зачетки и ведомости. При такой «скорострельности» уложился в семь часов. В другой раз сильно насмешила студентка с горного факультета, кажется из группы ГК. Дело было в январе 2001 года. Холодным январским утром, с экзаменационной ведомостью в дипломате, поднимаюсь на четвертый этаж первого корпуса. Выхожу на финишную прямую к аудитории 1401. Только сделал несколько шагов - вижу: навстречу мне бежит розовощекая девица в норковой шубе, размахивает тысячей и кричит: «Анатолий Павлович! Поставьте мне пятерку по истории!». Студенты, стоявшие в изготовлении к экзаменам, разворачиваются в нашу сторону. Я говорю: «Ну, что вы, матушка, так громко кричите? Давайте зайдём в аудиторию и решим ваш вопрос». Пришлось мне побывать и в роли «крестного отца». Дело было так. Я помог двум студентам с экзаменом по истории, точнее попросил за них у коллеги по кафедре. Новость тут же разнеслась по нескольким факультетам: дескать Анатолий Павлович (как добрый самаритянин) помогает сдать. Потянулся поток просителей. Они подходили небольшими группами и с выражением полного «респекта» и уважения на лицах, едва не прикладываясь к руке как в бессмертной гангстерской саге Д. Коппопы, смиренно просили посодействовать в решении вопроса со сдачей экзамена.

Общественной работой занимался с удовольствием. Несколько лет (до поступления в аспирантуру) руководил Школой политинформаторов, а с 1986-го по 1989-й год - профсоюзным бюро кафедр общественных наук. Вспоминаю, что при подведении итогов социалистического соревнования среди обществоведческих коллективов кипели страсти нешуточные, приходилось лавировать, парить над эмоциями, тщательно взвешивать все «за» и «против». Выручали, конечно, традиции византийства, перешедшие к нам вместе с православием.

Обществоведы 80-х активно участвовали в лекционной пропаганде. Я тоже попробовал себя на этой стезе. Нравилось выступать в трудовых коллективах по вопросам международной политики. Так, в 1982-1983 годах был большой спрос на события в Польше (Солидарность, Лех Валенса и т. д.). Позже я понял почему - люди вольно или невольно проецировали кризис социализма в Польше на ситуацию в стране и приходили к неутешительным выводам. К 1988 году у меня вызрел собственный проект «Сталинизм и маоизм»: опыт сравнительного анализа». С ним я выступил более ста раз. Конечно, он отражал существующий уровень представлений о сталинизме, в котором, как мы теперь понимаем, было много политической конъюнктуры. Тем не менее, в общество «Знание» поступали заявки на мое выступление. В сентябре 1989 года Прокопьевск организовал мне шесть публичных лекций подряд, которые я выдал на одном дыхании в течение одного светового дня. Но уже в 90-м интерес к сталинизму стал угасать, а точнее «отжиматься» другой проблематикой, да и общество «Знание» приказало долго жить.

С сентября 1994-го по июнь 1998 года я работал (по совместительству) в Совете попечителей КузГТУ. Совет был создан не от хорошей жизни - Министерство, оставив за собой выплату зарплат (и на том спасибо!) содержание инфраструктуры (в том числе водо и энергоснабжение) переложило на плечи самих вузов. Наш университет, имевший к этому времени и без того изношенную материально-техническую базу, стремительно ветшал. В корпуса пришла мерзость запустения. В учебных аудиториях гуляли сквозняки, старая колченогая мебель времен «очаковских», розетки, вырванные с «мясом», рождали чувство бесприютности. Амбрэ из мужской комнаты на втором этаже главного корпуса ощущалось возле приемной № 1. «Заплакали» крыши, посыпались фасады... Северная часть левого крыла главного корпуса стала «Стеной плача» - осыпавшаяся штукатурка, словно большую рану, обнажила здесь большой, в несколько десятков квадратных метров, участок из серовато-красных кирпичей.

Создание Совета попечителей поэтому было мерой крайне своевременной. Исполнительным Директором стал мой коллега по кафедре истории, Игорь Михайлович Черноброд. Он - то и предложил мне стать его помощником (секретарем) в организации текущей деятельности Совета. Сама жизнь (за которой, конечно же, стояло интеллектуальное, политическое усилие руководства вуза,

города и области) определила главное направление деятельности СП КузГТУ – ремонтно-строительные работы.

Огромную финансовую помощь оказала Российская угольная компания («Росуголь»), которой руководили наши выпускники - Юрий Николаевич Малышев и Валерий Евгеньевич Зайденварг. Был найден и механизм реализации принимаемых решений по ремонту - через специально созданную строительную фирму «Тустрэм инженеринг».

Транши из Москвы проходили очень затруднительно: кто-нибудь обязательно пытался помешать своевременному перечислению денег или даже «отбить» («отпилить») - по более позднему определению - часть средств. А однажды я почти явственно услышал как по дверям Совета попечителей (время-то было лихое, 90-е одним словом), заскребли когти кемеровского криминала. Исполнительному директору приходилось очень нелегко. Наблюдая и анализируя его действия - «челночные миссии» в столицу, демарши с угрозой отставки, встречи на «нейтральных» территориях, схемы управления финансовыми потоками, и многое другое - я невольно склонился перед гением еврейского ума.

Ремонтные работы начались 11 мая 1994 года около 9-ти утра и чуть было не сорвали учебный процесс.

На северной части левого крыла главного корпуса («Стены плача»), забранной строительными лесами, дружно, в 20 молоточков, ударили «тустремовские» рабочие - фасадчики. Остатки старой штукатурки так и посыпались на землю. И этот непрерывный стук, и невиданное зрелище - «строительные муравьи», облепившие стену, и их слаженная, почти музыкальная работа, под присмотром строгого десятника «Божи» (Божидара) - привлекла всеобщее внимание. Проходящие через внутренний дворик, невольно замедляли шаг, даже останавливались, дивясь на невиданное для столь трудных экономических времен (все стонали от мизерных зарплат, выплачиваемых к тому же с опозданием) зрелище. Преподаватели, ведущие занятия в главном корпусе, также прерывались, подходили к окну и в некоторой задумчивости обозревали ударную бригаду сербских строителей.

Так все это и началось - с «Божьей» помощью.

В последующие годы «Тустрем инженеринг», руководимая профессионалом высокого класса, сербом по национальности, Мирко Драгашем, отремонтировала «титульный» корпус - фасад,

крышу, актовый зал и Зал заседания Ученого совета, Спортивный зал, читальные Залы библиотеки, приемные ректора и проректоров, мужские и женские комнаты во всех учебных корпусах и много других объектов. Мерзость запустения была изгнана из Кузбасского технического университета, появилась надежда на перемены к лучшему и в других сферах жизнедеятельности нашего коллектива.

Середина 1997 – 1999 год – это «звездный час «Тустрем инженеринг»: качеством выполненных работ преодолено сопротивление университетских скептиков со строительных кафедр, завоеван авторитет в строительном бизнесе города. Именно в это время возникают проекты строительства подъезда на 40 квартир в доме на Мичурина, Делового Центра на Весенней, Спортивного Модуля – давней мечты нескольких ректоров.

Со строительными делами связан один смешной случай. Третьего февраля 1997 года в КузГТУ пожаловали губернатор Кузбасса Михаил Борисович Кислюк и генеральный директор «Росугля» Юрий Николаевич Малышев. Наше руководство немедленно повело их в только что отремонтированный спортивный зал. Качество выполненных работ произвело на высоких лиц сильнейшее впечатление. Юрий Николаевич разрезал ленточку и, стоя рядом с Чернобродом, произнес яркую речь. Мирко Драгаш, представитель «Тустрем инженеринг, от радости расцвел всем своим приятным сербским лицом. Губернатор, увидев мини-футбольные ворота, говорит: «Ну, кому тут забить пенальти?!». После секундного замешательства в ворота встал (не без душевного волнения, надо думать) проректор по учебной работе Валерий Иванович Нестеров. Кислюк сделал короткий разбег и нанес особый, «неберущийся», губернаторский удар – мяч, словно скорый поезд мимо нищего – пронесся под правой рукой Валерия Ивановича и вонзился в сетку. Все пришли в необыкновенное волнение, заговорили, зашумели, поздравляя авторов с сотворением маленького футбольного шедевра (думаю, что часть воодушевления была связана с предстоящим фуршетом).

Часть моих позитивных эмоций в бытность работы секретарем Совета попечителей связана с подготовкой первого в истории Кузбасского технического университета сборника воспоминаний. Сама идея возникла в ходе подготовки к празднованию 45-летия вуза.

Кажется, первой слово о важности такого сборника «произнесла» Таисия Алексеевна Афанасьева, исполняющая тогда обя-

занности директора музея имени П.М. Новожилова. А Черноброд с его природным талантом улавливания и поддержки творческих «проектов» (особенно когда дело касалось любимого политеха) отреагировал незамедлительно. Уже на следующий день, 27 августа 1995 года, он составил список будущих «мемуаристов», поручив мне сбор материала и его литературную обработку. Первыми свои воспоминания принесли доцент кафедры иностранных языков Е.С. Новикова и зав. кафедрой стационарных машин Л.Л. Моисеев.

Через десять дней сборник составил, прошел литературную обработку, а еще через десять прямо из типографии Дины Ивановны Шерстобитовой (как раз к началу торжеств по случаю 45-летия вуза) лег на стол Исполнительного директора Совета попечителей. Это была 72-х страничная книжица «Страницы истории КГИ-КузПИ-КузГТУ» в мягкой обложке розового цвета и «подслеповатым», т. е. нечетко пропечатанным, шрифтом.

Двадцать три человека, в основном преподаватели, а также выпускники прежних лет, поделились своими воспоминаниями. За бесхитростными строками первых «мемуаристов» - искреннее человеческое волнение, теплота ностальгии по прошедшим временам и благодарность к людям, которые их учили.

В книге много частных повседневной жизни Кемеровского Горного - Кузбасского политехнического. Так, А.И. Долгун, выпускница 1959 года, вспоминает, что «...институт находился на правом берегу. Чтобы добраться до него, необходимо было переправиться через реку Томь: летом на катере, зимой пешком по льду. Это была романтика тех дней. Осенью часто дожди закутывали реку в пелену и катер останавливался недалеко от берега дожидаясь пока туман рассеется. Тогда на занятия мы попадали в 11-12 часов вместо 9 часов к первой паре» (Странички..., с.21). Л.В. Баранов, выпускник Свердловского горного, направленный к нам на работу в 1953 году, пишет: «Кемерово оставлял впечатление заштатного городка: преобладание частного сектора, минимум каменных построек, отсутствие асфальта, синий смог, да и простой грязи с лужами было вдоволь. Невеселые впечатления, впрочем, как-то смягчались посещением магазинов, где прилавки ломились от товаров и продуктов по вполне божеским ценам» (Странички..., с.28). У него же есть интересные воспоминания о том, как выстраивался рабочий день кафедры шахтного строительства: «В 9.00 все выходили на работу, независимо от наличия учебных занятий. До 13.00 занима-

лись наукой, у каждого был свой стол и место в лаборатории. Преподаватели, имевшие учебные занятия со студентами в первой половине дня, после их окончания возвращались и тоже занимались наукой» (Странички..., с.26). В.Н. Вылегжанину (выпуск 1979 года) запомнились первые слеты отличников. «Мне удостоверение отличника № 13 подписали ректор В.Г. Кожевин и секретарь парткома П.М. Новожилов. Оно давало право бесплатного посещения всех музыкально-спортивных мероприятий, организуемых институтом, получения путевки в «Писаные скалы». Вручили мне и абонемент в филармонию, где я познакомился с югославским певцом Джордже Марьяновичем» (Странички..., с. 17).

Поэтому «Странички истории», с их «первобытным ароматом» воспоминаний прошлых лет так любил Черноброд. Он рассказывал мне, что дома поставил книжицу на книжной полке, «на глаза» и часто в первые дни подходил, брал ее в руки, рассматривал как будто в первый раз и перечитывал «избранные места». Именно «Странички» заложили основы политеховской мемуаристики, развитой позже в таких проектах Совета попечителей, как «Дело всей жизни» (Кемерово, 2004), «Годы и судьбы» (Кемерово, 2005), «Незабываемый, легендарный В.Г. Кожевин» (Кемерово, 2007) и других.

Во второй половине 90-х годов начинается литературная деятельность. Моей первой книжкой стал «Тальник и гравий» (Кемерово, 1999). В ней я рассказываю о своих отроческих и юношеских (до ухода в армию) годах в Кулаковском карьере (деревня Пятково Юргинского района). Купание в речке до тумана в глазах, ныряние до звона в ушах, набеги на чужие огороды, твист и шейк в полутемном зале сельского клуба, мальчишеское братство, неразменное на сотни житейских мелочей, пробуждение нежных чувств и т. д. В 2003 году издается книжка этюдов о рыбалке «Ил и сети». Во вступительной части одной из историй, делаясь наблюдением - среди 12 апостолов четверо (Петр, Андрей, Иаков, Иоанн) - бывшие рыбаки - я пришел к выводу о том, что «... на настоящем рыбаке всегда заметен, пусть и крошечный, отблеск божьего замысла о человеке». В 2006 году выходит книга «Пленники Камелота». Она посвящена студенческим годам, которые, как известно, «незабываемы по причине своей незабываемости».

Очерки о преподавателях КГИ - КузПИ - КузГТУ - это моя последняя (по времени) крупная публикация.

Начались они с впечатлений от рассказов профессора кафедры транспортных машин Л.Л. Моисеева (февраль 2000-го, кардиологический диспансер «Меркурий», прогулки под луной) о своих учителях наставниках студенческой поры: Д.Л. Гарбузе, человеку потрясающей личной харизмы, И.Ф. Бычкове, волевом декане горно-электромеханического факультета, В.К. Минятове, преподавателе «из дворян», зав. кафедрой иностранных языков М.Д. Бонелис... Захотелось эти впечатления передать в слове.

Постепенно составилась «Список Моисеева» из восьми человек, положивший начало серии историко-художественных очерков «Старые мастера». Большую помощь в становлении жанра оказали советы руководителей литературной студии «ЛИСТ» КузГТУ, членов Союза писателей Кузбасса, супругов, Андрея Владимировича и Веры Леонидовны Правды. В течение 2000 – 2006 годов очерки были подготовлены, опубликованы в газете «За инженерные кадры» и изданы отдельной книжкой в 2007 году. В 2011-м выходит второе издание «Старых Мастеров», дополненное и уточненное. Особняком стоит роман «Кафедра». Написанный в жанре комплиментарной иронии и предельного минимализма (MP3 в квадрате) он, как мне кажется, передал все мои теплые чувства к товарищам по кафедре отечественной истории.

Что касается моих увлечений за пределами «лучшего в мире политеха», то я сызмальства был заядлым рыбаком и грибником. Если в первом занятии я еще не сыскал славы известного «лещевщика», «щукаря», «карпятника» и т. д. (все еще впереди!), то выражение «Грузди Палыча» в кругу моих друзей (в них я счастлив) - это пропуск в мир изысканного блюда (я подпускаю при засолке в числе прочего смородишный лист). В последние десять лет прибавился интерес к сбору лекарственных трав.

Анатолий Давидович Лазарев (1953- 2008)

Более 15 лет кафедрой социологии и политических отношений Кузбасского государственного технического университета руководил Анатолий Давидович Лазарев.

Он родился 21 марта 1953 года в поселке Школьный Прокопьевского района Кемеровской области в семье служащих, Давида Васильевича и Марии Петровны Лазаревых. Вскоре после рождения Толи родители переехали в поселок Большой Кермеш под Прокопьевском, где прошли его детские и юношеские годы.

В школе учился хорошо. Особые способности проявил в изучении литературы, истории и обществоведения. Уверенной рукой учителя истории Петрова Валентина Ивановича зимой 1970 года был внесен в список лучших учеников школы по предмету и вместе с другими «историками и обществоведами» «висел на стене». В 9-ом и 10-м классах был комсоргом, активно участвовал в диспутах о смысле жизни, играл в школьном театре, на летних каникулах работал вожатым в пионерских лагерях.

Общественная «жилка» Толи поддерживалась, поощрялась семьей, особенно Давидом Васильевичем, парторгом одного из крупных прокопьевских учреждений. В разговоре отца и сына затрагивались вопросы международного положения - события на Даманском, советско-американские отношения, война во Вьетнаме...

Летом 1970 года, успешно сдав экзамены, А. Лазарев зачисляется на исторический факультет Кемеровского государственного педагогического института.

Проявив потрясающую активность организатора общественной работы на факультете и в институте - политинформатор, ответственный за культурно-массовую работу, стройотряды, зам. секретаря комитета комсомола КГПИ, - он, уже после первого(!) курса, едет делегатом от кузбасской комсомолки на Первый Всесоюзный слет студентов в Москву и награждается медалью «За доблестный труд в честь столетия В. И. Ленина».

В последующие годы популярность общительного светловолосого паренька в широких студенческих массах пединститута только росла. С октября 1971 г. по июль 1974-го Анатолий Лазарев руководил комитетом комсомола КГПИ.

Сам факультет, конечно же, тоже реагировал на присутствие в своих рядах творческой личности.

Бывший декан истфака Павел Кузьмич Редькин в письме к автору-настоящего очерка 9 апреля 2006 г. писал: «... Лазарев запомнился искренностью, открытостью и какой-то неумемной энергией. Он легко находил общий язык с товарищами. Партийное бюро быстро привлекло его для выполнения серьезных поручений». Вячеслав Гаврилович Павленко, второй декан нашего героя: «Имел природный талант организатора. Светил на истфаке и в институте маленькой звездочкой» (октябрь 2011 года). «Веселый. Активный. Жизнерадостный. На экзамене блестяще осветил вопрос о дворцовых переворотах - ни одного не забыл, привел все имена и фамилии, дал точные, выверенные оценки, говорил эмоционально» - таким Анатолий Лазарев запомнился преподавателю отечественной истории Татьяне Петровне Костиной (ноябрь 2011 года).

Организаторская одаренность дополнилась одаренностью личностной: писал стихи, играл на гитаре, пел в вокально-инструментальном ансамбле историков «Ярило». Лучший друг его студенческих лет Г. Черкасов в телефонном разговоре со мной (ноябрь 2011) рассказал: к 60-летию доцента К. Ф. Боченкова Анатолий «выдал» такой музыкальный номер, что ввел юбиляра, бывшего фронтового комиссара, стоявшего скалой на Курской дуге, в слезы умиления.

С лекциями Мирзоева (Древний Мир), Ю. Г. Варнакова (Новое Время), А. И. Мартынова (Археология), В. Г. Павленко (Средние века), В. Н. Михайловой, Т. П. Костиной, З. Г. Карпенко (все - История России), Е. А. Кривошеевой, (Новейшее Время), К. Ф. Боченкова (История партии) и других преподавателей был усвоен огромный массив знаний, позволивших Лазареву в дальнейшем успешно осуществлять свой профессиональный рост - вплоть до кандидата наук и заведования обществоведческой кафедрой в одном из крупнейших инженерных вузов Кузбасса.

После окончания института он учительствует в средней школе села Михайловское Прокопьевского района. Ему нравилось рассказывать ребятишкам о древних римлянах и греках, походах и сражениях великих полководцев. Он видел устремленные на него детские глаза с безмолвной просьбой не прерывать рассказа. От этого теплело в груди, хотелось запеть. Запах свежескрашенных школьных парт остался с ним на всю жизнь.

С ноября 1974-го Лазарев работает секретарем Прокопьевского райкома комсомола, а 3 сентября 1975-го приказом ректора В. Г. Кожевина зачисляется в штаты кафедры философии и научного коммунизма Кузбасского политехнического института

В октябре 1986 г. Анатолий Давидович, имея за плечами 8 лет преподавательского стажа в высшей школе и аспирантуру в Московском госуниверситете с защитой кандидатской диссертации, назначается заведующим кафедрой социологии и политических отношений.

При нем не только выстояли в условиях шатания и разброда 90-х годов, преобразовавшись из Савла в Павла, но и продолжили движение вперед. Кафедра закрепились на новых плацдармах, став в итоге важным субъектом университетского учебно-воспитательного процесса. Были продемонстрированы ее большие интеллектуальные, организационные, научные и иные возможности.

Руководя адаптацией кафедры к работе в новых условиях, заведующий лично сам во-многом способствовал выработке представлений каким должен быть преподаватель политических наук в современном техническом вузе.

Он обладал глубокими знаниями и мощными средствами их «доставки» к слушателям – природно свободной, образной речью и незаурядным методическим мастерством. Обретя себя в новом научном интересе - проблемах геополитики - Анатолий Давидович стал автором более 40 публикаций, (в том числе 2-х монографий), членом-корреспондентом кузбасского регионального отделения Российской экологической академии. Практически востребованы были его профессиональные качества (помимо преподавания) - доверенное лицо кандидата в президенты Российской Федерации А. Г. Тулеева на выборах 1996 года, эксперт Администрации Кемеровской области по политическим партиям.

В Кузбасском политехническом институте продолжал крепнуть талант А. Лазарева в работе с людьми.

Во второй половине 70-х - начале 80-х годов Лазарев много работал со студенческой молодежью: входил в состав бюро комитета комсомола института, помогал оформительской группе, руководил школой молодого коммуниста в Рудничном райкоме партии...

В это же время он начинает читать лекции по линии общества «Знание».

С середины 80-х годов Анатолий Давидович становится популярным в трудовых коллективах Кемерово и шахтерских городов области, жаждущих умного слова о перестройке, ускорении, социализме. Как рассказывал автору этих слов организатор лекционной пропаганды в Прокопьевске А. Н. Непомнящих, «Анатолий Давидович всегда выступал интересно, с глубоким пониманием излагаемой социально-политической проблематики, отвечал на самые острые вопросы, задаваемые из зала».

У А. Д. Лазарева было много друзей и просто хороших знакомых, ценивших личностную одаренность, глубину характера и потрясающую способность увлечь интересным разговором.

Я, не входя в число его близких друзей (разминулись во времени), тем не менее чувствовал тайное родство с ним - в глубине душе мы оба были пересмешниками. Как - то во время встречи (на бегу между семинарами): «Ковалев, а кто умнее, собаки или кошки? - Конечно, собаки - отвечаю. – «А вот и нет. Где ты, например, видел кошек, которые везут санки по вечной мерзлоте?». В другой раз спрашивает, как дела в Пятково (Это моя родная деревенька в Юргинском районе. Однажды он читал там лекцию в клубе, потому и запомнил - автор). Отвечаю: У нас последний мужик в армию ушел. Как ушел? спрашивает Лазарев. Не сумел «откосить», что ли? – Почему не сумел,- говорю торжествующе, - сумел, - откосил и ушел!»

Самой большой ценностью его жизни была семья, в которой выросло пятеро детей.

Со своей будущей женой он познакомился еще 16-летним юношей в пионерском лагере, где работал вожатым по комсомольской путевке. Как то раз на общем танцевальном вечере Анатолий был приглашен на танго (звучало «Море молодости» в исполнении Лили Ивановой) своим коллегой, вожатой соседнего отряда, тоненькой как тростиночка, Ириной Тюриной.

Потом - семь лет дружбы, испытания чувства, пока, наконец, в 1975 году, молодые люди не сыграли свадьбу. Трое сыновей и дочь Анатолия Давидовича закончили наш вуз. Старший сын, Анатолий Анатольевич, руководит департаментом жилищно-коммунального и дорожного комплекса Кемеровской области.

За многолетнюю научно-педагогическую работу А. Д. Лазарев награжден Почетной Грамотой Министерства образования Российской Федерации, Почетной Грамотой технического университета, медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» 3-й степени.

Анатолий Ковалев

ТАМАРА ПЕТРОВНА ЛАПШИНА

*В глазах пески зеленые и облака.
По кружеву крапленому скользит рука.
С. Есенин*

Традиция родительского попечительства в работе со студентами на кафедре маркшейдерского дела (после В.И. Акулова) была продолжена другими преподавателями. Одна из них – Тамара Петровна Лапшина.

Она родилась 16 августа 1944 г. в селе Киберевка Борзинского района Читинской области, но детство и юность (в своей большей части) прошли в районном центре – городе Борзе. Родители ее, Мария Прокопьевна и Иван Меленьтьевич (отчим) Пахотинские, работали на железной дороге и тем кормили дочерей.

За девочками (Тамара, Альбина, Ольга, Вера) приглядывала бабушка Ольга (по материнской линии), вложившая без остатка свою огромную природную доброту в юную поросль Пахотинских. Она присматривала за младшими, распределяла задания на подворье, хранила девчоночьи секреты... Детвора и взрослые любили еще собираться на вкушение «бабиолиных» колобов – кислых блинов на опаре, запиваемых огромным количеством «сливанчика» – плиточного грузинского чая с молоком.

Пахотинские спали и видели свою старшенькую «врачихой» – Тома и рану перебинтует, и укол поставит, и таблетку какую к температуре или ознобу правильно подаст. Жизнь, однако, задумала иной узор.

После окончания средней школы, моя героиня учительствует в начальных классах на небольшой станции Белитут. Работая с детьми, понимает: это – «ее».

Летом 1962-го, набив чемодан книгами, Тамара собралась в далекий Иркутск. На вокзале, Иван Меленьтьевич спросил: «Тома, зачем тебе столько книг?» - «А вот прочитаю их все и поступлю в институт». Иван Меленьтьевич: Когда ты их все прочитаешь – институт тебе не нужен будет».

С лета 1962 г. Лапшина учится на географическом факультете Иркутского государственного университета. Влюбляется в геоморфологию, читаемую профессором Б.Н. Зоновым. Однажды он (выделив, очевидно, за симпатию к предмету) обратился к ней: «Тамара Петровна!» Лицо девушки запунцовело, в душе колыхнулись тектонические плиты. Возник яркий момент прочувствования атмосферы высшей школы, вузовской педагогики: чтобы вот так, просто и благородно – одним обращением по имени – отчеству – вознести студенческую душу до небес.

Тринадцать лет после окончания университета Тамара работала по специальности в средней школе № 23 города Тайшета Иркутской области: вела географию, руководила туристско-краеведческой работой, судила соревнования по топографии и геологии – в том числе областного и городского уровней.

Родители ее в этот период времени ждут не дождутся приглашения на свадьбу. Дочь закончила институт, самостоятельна, хороша собой – надо чтобы как у людей – завести семью. Но с семьей что-то не складывается, что-то в последний момент уходит в сторону. Тамара понимает озабоченность отца с матерью. Однажды, возвращаясь с Байкала, она купила омуля, а в Борзю дала телеграмму: «Встречайте омулем ваша Тамара». Родители же подумали, что наконец-то их дочь едет с суженым-ряженым, то есть женихом и при встрече на вокзале долго высматривали обещанного в телеграмме ОМУЛЯ».

В конце 70-х годов Т.П. Лапшина перебирается в Кемерово – поближе к семье сестры Альбине Колосовой (по мужу). Город, столица «индустриального сердца Сибири», как величали Кемеровскую область в газетах того времени, принял молодую иркутянку благожелательно, предоставив все возможности для человеческого и профессионального роста.

Она преподает географию и астрономию в одной из школ Кировского района, но уже желает большего – вузовской деятельности. Подвернулся случай, и отработав сезон почасовиком-совместителем на геополигоне Кузбасского политехнического института, с октября 1980 г. Т.П. Лапшина зачисляется в штаты кафедры геодезии. При обсуждении ее кандидатуры Р.В. Бузук, отметив добросовестность, инициативность Тамары Петровны, выделил: «умеет быстро найти общий язык со студенческой группой» (разрядка моя – А.К.).

Именно это достоинство легло в основу преподавательского стиля моей героини.

Конечно, за умением найти общий язык со студентами стояло христианское отношение к человеку, возможности наставить его (особенно в молодости) на путь истинный. Скажем точнее – пласт материнской любви как высшее проявление религиозного чувства, данного нравственным личностям.

В процессе обучения Тамара Петровна «шла через душу» (Е.Г. Шилова, выпускница ГФ 2003 г.). «Через душу» предполагало высокий уровень доверительно-дружеских отношений. Формируя, «выращивая» их, Т.П. Лапшина стремилась к максимальной информированности – о каждом попечаемом, о жизни в группе в целом. Она тайком заводила знакомства с родителями, «секретничала» с мамами, добывая ценную информацию о «дитятах». Сама обладала глубокой наблюдательностью. Привлекала учимых искренней жадой общения, жизнелюбивой натурой, широким культурным кругозором (театр, книги, поэзия), внешностью – значительно моложе своих лет, красивая укладка русой косы, зеленые глаза... (Позже, во время ее болезни, студенты напишут много писем: «Тамара Петровна, возвращайтесь! Нам так не хватает ваших теплых глаз!»)

Важная роль Т.П. Лапшиной в становлении новой для технического университета специальности «городской кадастр». Много сил и энергии было вложено в разработку соответствующих учебных курсов – почвоведение, геоморфология, землеустройство. Лекции отличались высоким уровнем теоретических обобщений, практические занятия – творческим подходом и глубокой проработкой решений.

Бескорыстная «инвестированность» Тамары Петровны в учебно-воспитательный процесс, самоотдача в преподавании справедливо дали ей право неформального, но почетного именованья у студентов «Мамой городского кадастра».

Она была уважаема и любима товарищами по кафедре маркшейдерского дела и геодезии, где проработала более четверти века. Ценили ее доброе человеческое сердце, открытость характера, светлую душу. Смерть Тамары Петровны 24 января 2006 г. от внезапной скоротечной болезни заставила нас всех тяжело переживать ее утрату, осознать хрупкость окружающего мира.

Светлана Борисовна Максюкова

Профессия - размышлять

Светлана Борисовна Максюкова родилась 14 августа 1938 года в городе Кемерово. Так случилось, что она рано лишилась матери. Отец уехал искать актерского счастья в дальние края. В детстве она видела его лишь дважды. Первый раз в 1942 году – он заезжал к отцу перед фронтом и привез дочери большую красивую куклу. Запомнилась ей огромным великаном в плащ-палатке защитного цвета. Второй раз отец приехал, когда Светлана училась в четвертом классе. Он был в старой армейской шинели со шрамом на лице, энергичный, по-детски открытый и искренний – таким запомнила его дочь.

Дедушка по матери Василий Кузнецов был репрессирован в 1937 году и погиб в лагерях. Обе родные бабушки Светланы умерли еще до ее рождения. Заботу об осиротевшей девочке взяли на себя родители отца – Терехов Иван Афанасьевич и его вторая жена Анна Григорьевна. Светлана Борисовна, не помнит облика своей мамы, но сохранила память о ее голосе: «Голос ее я узнаю из тысячи, – говорит Светлана Борисовна. – Наверное, мама оставила мне свое энергичное поле любви, которое меня окружало в детстве, юности, да и сейчас я его чувствую. Тем самым я хочу сказать, что в жизни встречалось очень много по-настоящему добрых, можно даже сказать благих людей. Это были и родственники, и чужие, и даже вовсе незнакомые люди, которым я обязана своим образованием, своим здоровьем, верой в человечность и счастливыми моментами своей жизни».

Детство Светланы Борисовны прошло в селе Усть-Сосново Кемеровской области. Память живо сохранила те счастливые дни, когда на заре внучка отправлялась с дедушкой на рыбалку. Шли мимо стариц, усеянных цветущими водяными лилиями и желтыми кувшинками. В прибрежных зарослях раkit и черемухи заливались соловьи, перекликались иволги, обещали долгую счастливую жизнь кукушки. Самым волнующим был клев. Раз!... И взлетела серебристая рыбка. Девочке нравилось собирать на берегу реки красивые

камни. Тогда Светлана мечтала быть геологом. Потом захотела стать актрисой, как отец. Но в итоге стала педагогом. И это не случайно, поскольку ее прадеды по материнской и отцовской линиям были педагогами. А дедушка Иван Афанасьевич преподавал литературу. Светлана Борисовна у него училась. Она живо помнит его уроки и беседы с ней: «Нет на земле труднее и прекраснее профессии педагога», – говорил дедушка. Сам он был очень талантливым и строгим учителем, его похвала дорогого стоила. Несмотря на то, что дедушка был из бывших царских офицеров и беспартийным, его в 1948 году наградили орденом Ленина за доблестный труд в области просвещения и образования. Орденская книжка до сих пор хранится у Светланы Борисовны. Своему старшему сыну, отцу Светланы Борисовны Иван Афанасьевич, провожая его на фронт, сказал: «Будь честен к Родине». Сын, вспоминая эти проводы, бывало, и плакал: «Ну, в этом весь мой отец. Не «себя береги» или что-нибудь такое, а про Родину...» «Но таков был мой дед, и я благодарна Господу, что он у меня был», – с гордостью утверждает Светлана Борисовна.

Светлана Борисовна окончила среднюю школу в 1955 году в городе Бийске. В 1960 году она завершила образование на историко-филологическом факультете Кемеровского пединститута, получив сразу две специализации «учитель русского языка и литературы» и «учитель истории». С большим чувством признательности вспоминает своих педагогов: Микешина А. М., Макарову Н.П., Кирьякову Г.В., Рычкина Б.И. и многих других. Особая страница – студенческий театр, в котором молодая студентка блистательно сыграла роль секретаря парткома, чинуши и отъявленной партийной функционерки. Благодарные зрители, а среди них был декан и преподаватели, после спектакля пришли за кулисы поздравить актрису с успехом. О студенческом театре Светлана Борисовна подробно написала в очерке «Каждый человек должен делать свое любимое дело».¹

В 30 лет молодой педагог увлеклась философией, прочитав интересные и смелые по тому времени книги Л. Сэва «Марксизм и теория личности (об отчуждении личности при социализме)», Б. Грушина «Мир мнений и мнение о мире» и др. Тогда же она открыла для себя А. Солженицина.

¹ Максюкова С.Б. Каждый человек должен делать свое любимое дело / Годы и судьбы – КГИ, КузПИ, КузГТУ. Кемерово, 2005, с. 57-58.

В 1974 году начала работать на кафедре философии КемТИППа в должности ассистента. С 1978 по 1982 год училась в аспирантуре Томского государственного университета. В 1983 г. защитила диссертацию по теме: «Формы, функции и механизмы преемственности в историческом познании».

С 1985 года начала работать в КузПИ на кафедре философии в должности доцента. Тогда кафедра философии стала местом притяжения многих ищущих людей. При кафедре был организован философский кружок «Логос», на котором обсуждались животрепещущие проблемы: какова роль интеллигенции, природа бюрократизма, проблема эволюция общественного сознания и другие. Проводили на кафедре и, выражаясь современным языком, перформансы. Так совместно со студентами ИЭФ прошел многочасовой «Суд над бюрократизмом», о чем Светлана Борисовна также подробно написала в упомянутом очерке.²

Со студенческих лет Светлана Борисовна восприняла просветительскую идею о том, что нестроения и ложные направления развития обусловлены замутненностью разума, заблуждениями, достаточно прояснить идеи, осознать заблуждения, и мир вокруг улучшится. Этот посыл до сих пор, как признается Светлана Борисовна, направляет ее в философских поисках, питает любовь к своей профессии, научной и педагогической деятельности: «Философия предоставляет обильный урожай человеческой мысли, и его жатва не то, что не дает соскучиться, но не оставляет времени ни на что другое, и за это я благодарна судьбе, – говорит Светлана Борисовна, – Ведь какое счастье, что тебе интересен твой труд, и востребован молодежью. Философия открыла окно в мир для многих студентов, как, например, Зиняковой Л.Н, Исламова Д.В., Салманова А.Э., Трухманова Д.С., Гребенюка И.Г., Ушнурцева Д. С. и других, которые начинали свою научную деятельность с исследований по философии. На мой взгляд, когда твои лекции, беседы внимательно слушают, обсуждают, надеюсь, что-нибудь да западет в душу молодого человека».

Светлана Борисовна помнит «трудные» вопросы студентов. Так, Майя Кузнецова из группы ЭК на семинаре по христианской философии задала вопрос: «Почему Бог, если мы его дети, не дает нам знаний, которые имеет сам, ведь он – Отец?» Работая над монографией «Эволюция самопознания человеческого духа», Свет-

² Там же, с.59.

лана Борисовна размышляла над этим вопросом, вспоминая свою глубокомысленную студентку, пытаюсь дать всем будущим читателям развернутый ответ на страницах своего исследования.

Запал в душу и рассказ случайно встретившегося бывшего студента, вернувшегося с войны в Чечне. Он вспоминал там русского философа В. С. Соловьева. По его рассказу там, в Чечне он понял подлинный смысл любви по Соловьеву и цену человеческой любви, которая спасла ему жизнь. Это ли не счастье для преподавателя – узнать, что кому-то философский опыт помог выжить!

Пробовала Светлана Борисовна заниматься общественной деятельностью, была председателем Земского движения в Кузбассе. В Кемерово земство появилось в 1995. «Земцы» занимались просветительской работой с молодежью по проблемам культуры, нравственности и экологии. Когда были объявлены выборы в городской Совет, то земство выдвинуло Светлану Борисовну в качестве депутата. Она не надеялась на успех, потому что ее конкурентами были «новые русские», которые обещали бесплатные столовые, асфальтированные дороги и т.д. Светлана Борисовна могла обещать только лишь внимание к проблемам нравственности. И ее выбрали депутатом Кемеровского городского совета (1-го созыва).

Удалось даже провести через городской совет этический устав города, составленный Светланой Борисовной с коллегами и студентами. Она благодарна за поддержку в этом деле бывшему мэру города Михайлову В. В. Коммунисты в горсовете были категорически против, объясняя свою позицию нежеланием заключать договоры с «буржуями». Но в конечном итоге Устав был положен «под сукно» и не получил развития ни в учреждениях, ни на предприятиях города. Предлагались и другие идеи: открыть земскую некоммерческую аптеку. Большая делегация медиков, вузовской профессуры ходила в администрацию губернатора Кислюка (встречались с заместителем губернатора Федоровой), отстаивали эту идею. Но безуспешно.

Светлана Борисовна участвовала в V съезде Земского движения, состоявшемся 15 декабря 1998 года в Москве. Выступала на этом съезде, предлагая утвердить приоритете местного самоуправления, что для огромной России очень важно. Но Земское движение в России также было распущено – читай, прикрыто.

После этого Светлана Борисовна отказалась от всякой общественной деятельности и не потому что полностью в ней разочаровалась. Просто поняла, что больше всего она любит свою профессию

и что нужно заниматься тем, что ты любишь. Труд преподавателя такой же общественно значимый, ведь очень важно привить молодым людям, будущим специалистам умение мыслить масштабно, анализировать, принимать верные решения. Но самое важное, как считает Светлана Борисовна, быть ответственным во всех ситуациях.

Светлана Борисовна человек удивительной доброты и душевной щедрости. Она всегда поделится с нуждающимся, с полным вниманием отнесется ко всякому, обратившемуся к ней по любому поводу. В этом она вся внучка своего необыкновенно щедрого деда. Тот однажды отдал свои брюки ученику-переростку, которому не в чем было ходить в школу. Бабушка за это его отругала, а дед оправдывался: «У меня двое штанов, а у него нет совсем». Автор этих строк сама была свидетелем того, как Светлана Борисовна на целый год приютила у себя малознакомую девушку с новорожденным ребенком – той негде было жить. Светлана Борисовна содержала ее, покупала пеленки малышу.

Однажды я спросила Светлану Борисовну:

– Светлана Борисовна, как Вам удается эта Ваша немислимая доброта?

– Не надо выяснять, почему люди делают доброе дело, – мягко осадила она меня.

Но потом рассказала мне про кошку. В детстве в их доме была кошка, у которой завелись глисты. И кто-то схватила ее за лапы и ударила об столб. Кошка не погибла, отошла, и ее решили увезти в лес. Светочка тоже ехала на телеге, которая везла в лес кошку, ей хотелось до конца оставаться с ней. «Я эту кошку запомнила на всю жизнь. Она сидела в осеннем мглистом лесу, провожала нас грустными глазами, понимая, что мы ее бросаем. Я ничего не могла сделать для нее. Порой мне кажется, что я и есть та кошка. Мне очень жаль ее, вот почему я делаю то, о чем вы меня спрашиваете, Верочка».

Поначалу мне не совсем понятен был смысл этих слов, потом прояснилось. Детская боль о загубленном существе и сострадание кошке так глубоко вошли в душу ребенка, что стали частью ее самой. Насколько же готовой и отзывчивой была душа, чтобы нести память об этой давней боли всю жизнь, сопереживая каждому страдающему и претворяя ее в любовь к ближнему.

В своем выступлении на V съезде Земского движения Светлана Борисовна говорила: «Нравственность должна стать общим делом, стать колоколом, который соберет Россию. Именно нравственность, человечность, потому что без нравственности нельзя прожить в России. Россия всегда управлялась нравственностью, управлялась совестью».³

Светлана Борисовна в канун своего семидесятилетия не оставляет научной работы. «Не могу жить без размышлений, книг, бумаг», – признается она. Уже закончена работа над монографией «Эволюция самопознания человеческого духа», идет редакторская работа, очень хочется, чтобы эта монография увидела свет.

Вера Правда (Лаврина)

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ МАШКОВСКИЙ

*Поспешим мы в край далекий,
В край далекий, путь нелегкий,
К светлым солнечным годам.
К. Никольский*

Не было среди вузовских преподавателей Кемерова в 80-90-х годах прошлого века личности более обаятельной, чем В.П. Машковский. Учившиеся и работавшие с ним в Кемеровском госуниверситете, вспоминают Владимира Петровича жизнелюбивым человеком, мастером дружеского общения, интереснейшим собеседником...

Он родился 1 августа 1951 года в семье Петра Дмитриевича и Марии Васильевны Машковских, работников Кемеровского азотно-тукового завода.

Родители, хорошо знающие голод и лишения военного времени (особенно Мария Васильевна, эвакуированная из Ленинграда),

³ Выступление С. Б. Максюковой, председателя Кемеровского отделения Российского Земского движения / Земский Вестник. V съезд Российского Земского движения: – Доклад – выступления – резолюция. М., 1999, с. 58.

вовсю старались для своих ребятишек. Семья жила в трехкомнатной квартире (ул. Ермака, 2) в центре города. Вова с сестрами Татьяной (старшей) и Мариной (младшей) были обуты-одеты, досыта накормлены. При болезнях нежнейшее внимание к ним возрастало многократно: их баловали, стремились исполнить все желания. Первоклассник Машковский однажды во время болезни нагнал на градуснике «температуру» горячей водой из термоса, рассчитывая, очевидно, на дополнительное внимание к себе со стороны родителей.

Молодое поколение приобщалось к культурным основам жизни. Вова, Марина и Татьяна учились в музыкальной школе. В семье любили книги. Петр Дмитриевич и Мария Васильевна собрали большую библиотеку русской и зарубежной классики, сами читали много, приучали читать детей. Художественное освоение мира шло и через кино - «Человек-амфибия», «Веселые ребята», «Над Тиссой», «Хоккеисты». «Хоккеистов» с В. Шалевичем в главной роли посмотрели не менее 10 раз» (из воспоминаний Марины, сестры Машковского).

Любимы детворой были гости в доме, друзья родителей, особенно после демонстраций в честь 7 ноября и 1, 9 мая. Они шумно входили с улицы, оживленно переговаривались, тискали ребятишек, приносили гостинцы. Накрывался в гостиной большой стол с белой скатертью, красивой посудой. Далеко за полночь играл патефон с «Серебряной гитарой» и пелись задушевные песни: «Синенький скромный платочек // Падал с опущенных плеч // Ты говорила, что не забудешь // Синий платочек сберечь».

В обычной школе мой герой учился легко, но неровно: лучше в младших классах, похуже - в старших. Лишь очень тонкий наблюдатель мог заметить тогда в нем задатки талантливого гуманитария. В характеристике выпускника 10 «а» класса 41-ой школы отмечается его спортивность («... имеет спортивный разряд»), а также коммуникабельность («... очень общительный человек, хороший товарищ...»).

Семнадцатилетним юношей Володя встретил первое личное горе - смерть отца в 46 лет от профзаболевания. Видимо, желая поддержать семейную традицию, он поступает на химико-технологический факультет Кузбасского политехнического института.

После двух с половиной лет учебы «через душу», (точнее - поперек её) - («тройки» по истории у преподавателя И. М. Черноброда, непосещение лекций по диамату (преподаватель Аронов), долги по начертательной и английскому) – «политех» оставляет и идет служить.

Армия настолько сильно перепахала В. Машковского, что он всерьез подумывает о продолжении военной карьеры на профессиональном уровне - есть планы поступления в Артиллерийское училище Одессы. Возможно, сложись обстоятельства иначе, Ограниченный Контингент советских войск в Афганистане году в 80-х гордился бы молодым, отчаянно бесстрашным полковником Машковским, героем паншерских сражений, личным врагом Ахмат Шаха Масуда...

Судьба уготовила иное.

Не без колебаний, после уговоров матери, он возвращается домой, работает электрослесарем на азотно-туковом, а в августе 1974 г., успешно сдав экзамены, зачисляется на исторический факультет Кемеровского университета.

Проучившись месяц, Володя понимает: он - среди «соплеменников», среди товарищей по духу. Ощущение корневой близости шло от совместного корпения над «Русской Правдой», прилежнейшего конспектирования лекций, пирушек в общежитии. Именно в студенчестве обрелись знаковые вещи, позволяющие людям, помнящим Машковского, говорить о нем, как о «цветке неповторимом».

Он был выше среднего роста, русоволосый, с живыми, выразительными, голубыми глазами, спортивного «легкоатлетического» сложения, стройный, с лицом Мишеля Польнарера - французского «эквивалента» юного Владислава Шалевича.

В застольях, наших общежитских междусобойчиках, умел элегантно, подчеркивая значение момента, разлить по граненым «хрусталям», красиво прихватить стакан тонкими пальцами музыканта, предложить тост, а после пары-тройки «догонов» запеть приятным баском: «Когда б имел золотые горы и реки полные вина...». С его появлением в компании неуловимо менялась атмосфера - больше душевного расположения собравшихся друг к другу, больше теплоты в общении... Всем немедленно хотелось погреться у костерка машковского жизнелюбия, окунуться в стихию его речи.

Володя был очень спортивен, играл в дубле «Кузбасса» по футболу («Красиво бежал на поле - как олень» - вспоминает его школьный товарищ Игорь Быргазов). Один матч против «Колхозчи» в Ашхабаде удушливо жарким вечером летом 1973 г. Машковский отыграл полностью рядом с братьями Раздаевыми.

Мы сами часто гоняли мячик, для себя, небольшими составами на «Маракане», бетонном лоскуте, огороженном сеткой за сегодняшним учебным корпусом КемГУ. Машковский в игре - «плэймейкерствовал». Играя в средней линии, он точными, ювелирно выверенными пасами бросал вперед Толика Артемьева и Мишку Грачева, быстрых, напористых нападающих, умеющих забить и хорошо «потолкаться» в любой точке поля. Комбинационный дар сочетался в Машковском с высокой индивидуальной техникой, что позволяло ему действовать раскрепощено, принимать неожиданные и оригинальные решения.

Доброжелательный, ровный и тонкий с людьми, Машковский, тем не менее, мог быть взрывным, постоять за правду, не терпел хамства. Однажды по полной программе выдал одному такому «сыну Ноя», за что (т.е. за рукоприкладство) был исключен из кандидатов в члены КПСС. Пострадавший, точнее проученный крепкой мужской рукой, сделал правильные выводы - после окончания истфака стал священником и поныне служит делу Христову среди широких народных масс.

Общежитие, дав возможность проявиться харизматическим качествам личности Владимира Машковского, словно в знак благодарности за знакомство, делает ему царственный подарок. Здесь протекает бурный роман моего героя с однокурсницей Татьяной Хлебниковой, не уступавшей ему в живости характера. Они высмотрели друг друга зоркими глазами, подвергли чувство испытаниям, а после археологической практики в Тисуле объяснились, соединив свои судьбы.

Именно молодая жена помогла мужу быстро и точно определиться с приоритетами.

Двадцать лет научно-педагогической деятельности Владимира Петровича в Кемеровском государственном университете (с августа 1979-го по декабрь 2000-го) - это время неустанного «набора высоты»: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, академик. Блестящие способности явлены Машковским в науке. Уже на этапе кандидатской диссертации, подготовленной и защищенной за

2 года он повергает мир тогдашних аспирантов - автор тому свидетель - в изумление своей работоспособностью и умением сосредоточиться. Небольшую домашнюю кладовку, стесненную еще больше книжными полками до потолка, он превратил в личную библиотеку, где мог в союзе с пишущей машинкой неделями медитировать над текстами.

Научная одержимость, творческая вложенность в исследовательский процесс быстро принесли желаемые плоды: в 1993 году Владимир Петрович защищает докторскую диссертацию, издаются книги, представляющие свежий взгляд на социально-экономические проблемы советского общества и историю российской культуры. Среди последних специального упоминания заслуживает двухтомник «История отечественной культуры» (Кемерово, 2001). Машковскому были подвластны и другие «стихии» научной деятельности: он оказал практическую помощь коллегам «по цеху» в подготовке диссертаций, был соавтором в написании монографий, участвовал в работе диссертационного совета Кемеровского госуниверситета.

С апреля 1993-го по декабрь 2000 года Владимир Петрович руководил кафедрой истории и теории культуры КемГУ. При нем не только выстояли в условиях шатания и разброда 90-х, но и продолжили движение вперед. Кафедра окончательно закрепила на завоеванных ранее плацдармах, став в итоге важным субъектом университетского учебно-воспитательного процесса. Были продемонстрированы её большие интеллектуальные, организационные, научные и иные возможности.

Уважение кафедралов к своему руководителю было бесспорным. Связанное с признанием у последнего высокой управленческой культуры, оно имело и другой источник: ценили его желание прийти на помощь, выручить, помочь в житейских ситуациях.

Однажды, в середине 90-х, когда свирепствовала ельцинская «бескормица», а денег на курево не хватало, на столе заведующего появилась пачка «Мальборо». Все как-то быстро сообразили, что из неё можно легко «стрельнуть» пару-тройку сигарет. Без ущерба для здоровья. Что удивительно, пачка никогда не кончалась. Владимир Петрович каждое утро выкладывал новую, поддерживая таким образом коллег, зарплаты которых, хватало только-только на шевеление ресницами.

Личностная одаренность Машковского, утратив часть утренней свежести юных лет, в степенные годы приобрела более зрелые формы. Он остался таким же талантливым человеком: открытым для нового (освоил компьютер, научился водить машину), тонко рефлексирующим по поводу стихов И. Бродского и песен А. Пугачевой, не пропускающим «знаковых» хоккейных и футбольных матчей... Не скупился на душевную теплоту друзьям, с которыми встречался часто в разных жизненных обстоятельствах. Оставался душой компаний - веселым, остроумным завораживал разговором - как в светлую пору солнечных лет своей юности.

Он был счастлив в браке со своей Хлебниковой, подарившей ему двух детей: сына и дочь. Первенца Ромку лично купал в ванночке с теплой водой, пеленал «столбиком» и, укладывая спать, замирал подолгу от счастья над сопящим кулечком... Рождение Наташи наполнило его душу новым восторгом. Детей своих сильно любил, баловал, опекал, учил самостоятельности, был к ним требователен.

После назначения жены на высокую должность в администрации Кемеровской области в 1992 году, большую часть обязанностей по дому Владимир Петрович взял на себя. Искусство «Домостроя» постиг быстро и исполнял образцово. Много сил отнимал семейный «пищевлок», но на кухне наш герой блистал: какие-то невероятно вкусные «змеиные супчики», жареное мясо, соусы и подливы быстро принесли ему известность талантливого повара.

Тесные творческие и дружеские связи у В.П. Машковского были с нашим техническим университетом: преподаватели кафедры отечественной истории подготовили отзыв на его докторскую диссертацию, а ректор В.В. Курехин был в числе его близких друзей.

Никто из нас не был готов к его уходу – он умер 27 декабря 2000 года от внезапной остановки сердца. Умер далеко не старым человеком: через 8 месяцев ему исполнилось бы 50 лет, возраст «акмэ» по представлениям древних греков.

С другой стороны, невозможно представить Машковского дряхлым стариком со слезящимися глазами, таскающим собственные «руины» по коридорам Кемеровского государственного университета.

Мы запомним его другим – МОЛОДЫМ ОЛЕНЕМ, БЕГУЩИМ КРАСИВО.

**ГРАФ.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ МИНЯТОВ**

*Слишком ранний он Предтеча,
Слишком медленной весны.
Д. Мережковский*

Виктор Константинович родился в 1896 г. в Казани, в семье потомственного дворянина с графским титулом Константина Александровича Минятова. Константин Александрович был человеком строгих правил и твердого порядка, что, впрочем, уравнивалось мягкостью матери, Надежды Павловны, тоже дворянки.

В 1905 году Минятовы переезжают в Москву, где отец заканчивает университет и получает адвокатскую практику (помощник присяжного поверенного).

С 1906 по 1913 год Виктор учится в реальном училище. Очевидно, именно здесь закладываются основы его будущей фундаментальной образованности. Подросток, юноша Минятов легко усваивает все науки как точные, так и гуманитарные. Необычайно повезло с гувернантками: мадам Воланж говорит с ним на французском по понедельникам и вторникам, мисс Парр - на английском по средам и четвергам, а по пятницам в немецком практикует фрау Церинг.

В годы первой мировой войны до лета 17-го Виктор - студент Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения. Известно также, что в 1916 году он выезжал за границу, в Англию и Францию «с общеобразовательными целями» (так в автобиографии - А. К.).

Затем Минятовых срывает с места и несет по стране бурный водоворот революционных событий. Они оказываются сначала в Тюмени, потом в Томске. Сам Виктор мобилизуется в армию Колчака рядовым. Повоевав у Верховного несколько месяцев, померзнув и поголодав в сибирской тайге, присмотревшись к действительности, он переходит на сторону красных.

До 1927 года Минятов работает в Томском и Иркутском губстатбюро, а после, до 1939 года - на инженерных должностях по строительной специальности. Географически разнообразны и объ-

екты приложения его молодых сил: Черноморская железная дорога, нефтепровод «Баку-Батум», Абхазский дортранс, Хакасский стройтрест. В эти же годы Виктор Константинович заканчивает Тбилисский политехнический институт по специальности «инженер-строитель».

Выявившееся нездоровье заставило Виктора Константиновича перейти на преподавательскую работу.

Годы Минятова ко времени появления в Кемеровском горном институте (1953 г.) были уже не молодые - 57. Но следы увядания, столь естественные в этом возрасте, в глаза не бросались. Возраст выдавался лишь лысоватой головой с остатками волос по бокам и небольшим животиком.

Все в Минятове обращало на себя внимание: высокий, не менее 1 м 85 см. рост, сократовский лоб, крупная голова, голубые, добрые глаза. Лицо его подсвечивалось изнутри сознанием собственного достоинства. Тот, кто помнит портрет М.М. Сперанского периода работы над кодификацией российского законодательства при Николае Первом, поймет, о чем идет речь.

Благородство внешнего облика сочеталось с обаянием личности, чрезвычайно одаренной духовно и нравственно. Минятов общался с коллегами и студентами демократично, мягко, доброжелательно. Собеседников привлекали его открытость, готовность понять их проблемы, помочь в их разрешении.

Речь Виктора Константиновича выстраивалась просто и изысканно одновременно. Порой в ней возникали различимые, впрочем, лишь тонким слухом вкрадчивые интонации.

Его разговоры с коллегой Смельцовым, архитектором по образованию, остальные слушали с раскрытыми ртами. Собеседники, под стать друг другу, были просто великолепны в знании литературных и поэтических первоисточников, цитировали их страницами на память, вспоминали игру великих актеров, тонкости театральной жизни начала XX века.

Виктор Константинович прекрасно читал лекции по сопромату. Минятов входил в аудиторию с неизменно старым потертым кожаным портфелем, несколько секунд смотрел на поднявшихся ему навстречу студентов и говорил: «Здравствуйте! Прошу садиться». Лекции читались ровным, спокойным голосом без обращения к конспектам, «чертежи на доску с раздвижными занавесками ложились изумительные» (из воспоминаний К.Г. Харченко). Лектор хо-

дил по аудитории, разрешал задавать вопросы, не перебивая, отвечал на них подробно. Обращение было только на «Вы».

Студенты, повторим нашу мысль, были ошеломлены сплавом профессионализма и человечности в Викторе Константиновиче. Наверное, именно тогда у них забрезжила мысль, что не так уж, безупречен тезис историков партии о «сплошном кровопийстве дворян в дореволюционной России». Были среди дворян, оказывается, и достойные.

Строгий экзаменатор, Виктор Константинович в то же время по-своему переживал за своих подопечных.

Однажды (свидетель тому Л.Л. Моисеев) он поставил неуд студентке и стал объяснять ей, как тяжело ему лично эту двойку ставить. У него даже слезы навернулись на глаза. А у студентки - градом посыпались, и даже не из-за двойки, а из-за того, что она плохим ответом причинила страдание хорошему человеку. Так, вспоминает Лев Львович, они сидели рядом, оба в слезах. Минятов студентку по голове гладил, но неуд не исправил!

Уроки иностранного в реальном училище, закрепленные Мадам, Мисс и Фрау, очевидно, проросли настолько глубоко, что всю свою сознательную жизнь Виктор Константинович владел французским, английским, немецким. В нем неистребима жила потребность с кем-нибудь поговорить, пообщаться. Ну, а поскольку коллеги по кафедре сопромата были не очень в этом плане, то ноги Минятова вольно или невольно шли на кафедру иностранных языков в главный корпус. Здесь в ту пору подобрался замечательный коллектив «иностранок» во главе с блистательной, элегантной М.Д. Бонелис.

«Mesdames! Charme de vous voir!»¹, - все начиналось с этих слов. Далее после почти обязательной фразы о том, что «La femme a etre initiee, entre deux baisers, aux mysteres de morale et de literature»², начинался кураж. Виктор Константинович легко переходил с одного языка на другой, читал стихи Бодлера, рассказывал анекдоты, обсуждал новости институтской жизни. Конечно, кураж шел не только от упоения родной стихией, но и от присутствия красивых, молодых женщин, волнующей интонации их голосов. Граф был мужчиной галантным, он целовал ручки по всем правилам этикета, не

¹ Сударыни! Рад видеть Вас (франц.)

² Женщины любят, чтобы между двумя поцелуями их посвящали в тайны истории, морали, литературы (франц.)

так как его коллеги, таща к себе женскую руку, как стакан с водой, а наклонялся к женской руке, касался пальчиков бережно, не слюнявил губами.

Особый шарм Минятов находил во французском языке, знал его в совершенстве. Однажды, будучи в Москве, в гостях у сына, они с женой на Красной Площади сели не в «тот» автобус. Он тронулся с места и очень скоро Виктор Константинович понял, что едет с французскими туристами, кажется гасконцами. Мгновенно оценив подарок судьбы, Минятов подключился к разговору, наслаждаясь незамутненной французской речью. К концу маршрута он покорила гасконцев своим произношением и комментариями к видам за окном. При расставании туристы задарили Минятовых адресами с приглашениями приехать к ним в гости. Поблагодарив, Виктор Константинович говорит: «Вы тоже приезжайте к нам в гости. Мы живем в Кузбассе, в Сибири». Поскольку все это, - изысканность речи, благородство внешнего облика, учтивость манер, - не совмещалось с представлением французов о Сибири - ГУЛАГ, медведи, водка - то они на некоторое время онемели.

Среди знакомых Виктора Константиновича Минятова были и те, кого он по причине яркости характеров одарял своим вниманием больше остальных.

Юный Константин Харченко, например, расположил к себе Графа книгочейством, за что был ошастливлен «Нивой» за 1914 год и отпотчеван пирожками с вареньем и чаем в маленькой однокомнатной квартире «профессорского» дома на Весенней. Теплые доверительные отношения связывали Виктора Константиновича с коллегой по работе, доцентом Ю.П. Соболевым.

Семейная жизнь В.К. Минятова удалась. Он был женат на славной, доброй женщине, тоже окончившей в свое время реальное училище. В конце 50-х взрослыми были сыновья. Старший, Анатолий, кандидат технических наук, работал в Подмосковье, в научном институте, а младший, Константин, габаритами в отца, веснушками в мать, преподавал сопромат в Прокопьевском горном техникуме.

В 1962 году Минятов вышел на пенсию, поработав еще некоторое время почасовиком. Точная дата его смерти мне не известна. Знаю только, что случилось это в конце 60-х годов.

Где-то на белом свете живут его внуки и правнуки (хочется на это надеяться). Интересно было бы встретиться и «выследить» в них, в жесте ли, в слове ли, в блеске мысли, отсвет чудесной звезды

Кемеровского горного института - Минятова Виктора Константиновича, графа.

Анатолий Ковалев

Тяжелый МАРШРУТ.

**ДЕКАН ГОРНОГО ФАКУЛЬТЕТА
ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ МИХАЙЛОВ**

*В его походе мощь звучала,
Он не боялся в жизни мин
Как броненосец у причала –
Михайлов, горный властелин!
Неизвестный автор*

Почти 19 лет, с 4 июня 1984-го по 6 декабря 2002-го, горным факультетом КузПИ – КузГТУ руководил Валентин Николаевич Михайлов.

Он родился 1 июля 1941 года в селе Ново-Зеленово Гавриловского района Тамбовской области в крестьянской семье. Военные и послевоенные годы стали тяжелым испытанием для Михайловых: отец без вести пропал на фронте, а мать, Екатерина Осиповна, с детьми кормились еле-еле скудным колхозным заработком и небольшим огородом.

Нужда и голод заставляют ново-зеленовских Михайловых в поисках лучшей доли покинуть родные места. В 1951 г. Екатерина Осиповна, ее братья и сестры, со стариками и детьми, переезжают в город Прокопьевск Кемеровской области. Поселившись на Тыргане, в двухэтажных деревянных бараках, пошли работать на «Зиминке – 3».

Кузбасс, приютивший тамбовских переселенцев, взамен потребовал одного – честного, самоотверженного труда. К такому труду все Михайловы, без исключения, оказались готовы.

Постепенно шло обустройство. Бывшее «Ново-Зеленово» ставило свои домики в 2-3 комнаты с кухней, верандой, палисадником, женилось, выходило замуж, поднимало на ноги детей...

В общей массе тырганских мальчишек подрастал Валя, однако чисто детских утех – купания до тумана в глазах, «войнушек» в перееулках», голубей на крышах – ему досталось мало. Пришлось концентрироваться на учебе – сначала горнопромышленная школа,

затем – горный техникум, с получением в итоге профессии горного мастера. С 1959 года Валентин работает «Зиминке», узнав сладость собственного куска хлеба, заработанного трудовыми мозолями.

Важным этапом биографии стала армия. Служил герой моего очерка в пограничных войсках, в Карелии. Физически крепкий от природы - крестьянская закваска, постоянное занятие спортом – лыжи и турник (вертел солнышко) – он легко переносил тяготы солдатской жизни. Отшагав с товарищами по заставе сотни километров вдоль государственной границы, крепко ухватил значение мужской дружбы, мужской солидарности. Очевидно, именно здесь, среди скал и озер, Валентин проникся мыслью о необходимости высшего образования. Была даже попытка поступить в пограничное училище, но что-то в последний момент не выстроилось.

После армии Валентин Михайлов некоторое время вновь работает на «Зиминке», откуда по направлению приезжает в Кемерово и сдает вступительные экзамены на горный факультет Кузбасского государственного политехнического института.

Большой город обрушил на недавнего жителя прокопьевской глубинки массу впечатлений. Ко всему надо было привыкать – даже к шуму трамвая на кемеровских улицах. В учебе, особенно на первых двух курсах, брал природным трудолюбием, терпением, упорством, знания приобретал жадно, как бы про запас... Из этого составила репутация способного студента, диплом горного инженера с отличием («красный») и предложение остаться в Альма-Матер.

В 1969-ом Валентин Николаевич с должности старшего инженера отраслевой лаборатории поступил в очную аспирантуру и в 1974-ом под руководством Н.А. Федорова защитил кандидатскую диссертацию.

Осенью 1976-го у Михайлова появляется возможность поработать за рубежом, в Африке. Требуется знание французского и доцент кафедры РМПИ блестяще в течение года – через систему подготовительных курсов и изнурительную самоподготовку – языком овладевает. С сентября 1977-го по октябрь 1980-го Владимир Николаевич преподает в Конакрийском политехническом институте – читает лекции по «Экономике горной промышленности» и «Разработке месторождений», ведет практические занятия, руководит дипломным проектированием. Он подготовил и издал для гвинейских студентов курс лекций и три методических пособия.

Из Конакри В.Н. Михайлов вернулся с большим желанием практического применения полученных навыков и опыта работы в форс-мажорных обстоятельствах.

Четвертого июня 1984-го он заменяет Е.А. Бобра на посту декана горного факультета. Почти 19 лет Валентин Николаевич руководил крупнейшим подразделением Кузбасского государственного политехнического института – Кузбасского государственного технического университета.

МАРШРУТ СЛЕДОВАНИЯ при Михайлове стал, пожалуй, самым тяжелым в истории факультета: от «застоя» середины 80-х через миражи «перестройки» и «реформы» 90-х к стабилизации начала XXI века.

Шесть тысяч семьсот семнадцать (6717!) дней пребывания в должности потребовали от декана горного высокого уровня профессионализма, умения принимать взвешенные, принципиальные решения и организовывать людей на их выполнение.

Особенно несладко дались 90-е годы. Необходимо было не просто обеспечить выживание факультета, но и создать заделы на будущее – в виде механизмов саморазвития.

Не упуская из виду текущие интересы (учебный процесс, состояние дисциплины, материально-технические ресурсы, зарплаты преподавателей и т.д.), Михайлов принимает самое активное участие в подготовке и реализации креативных проектов переходного периода: системы бакалавриата и магистратуры (по свидетельству В.А. Полетаева, «именно благодаря усилиям и настойчивости Владимира Николаевича, был преодолен тотальный скепсис в отношении новых уровней обучения, очень активно сработали учебно-методические комиссии горного и горно-электромеханического факультетов); был открыт первый филиал в Прокопьевске, в горном техникуме, где учился когда-то Михайлов; первые шаги сделала система дополнительного образования...».

Студенческие массы – держал в черном теле, постоянно мобилизуя для учебы, такой, к какой он оказался готов лично сам в своей юности. Он требовал трудолюбия, ответственности, организованности, дисциплины. Прибегал к «фирменным» приемам своих предшественников, деканов: строгому окрику Бычкова, «фронтным» строгостям Проскурина, отеческим увещаниям Бобра... Но различие лиц, конечно, было. Он реагировал на особые обстоятельства, входил в конкретные положения, терпеливо вникал в

сложные жизненные коллизии, приходил на помощь, если этого требовала ситуация.

У него были интересные идеи в области горных выработок, однако сверхплотная занятость на факультете не позволяла, к сожалению, реализовывать данный научный потенциал.

От перегрузок, связанных с работой в режиме «потрескивающей лавы», Валентин Николаевич защищался семьей и друзьями.

С женой он познакомился на первом курсе в общежитии. Людмила Усачева, хорошо знавшая иностранный язык, предложила Валентину помощь в переводе знаменитых «тысяч» с английского («взяла на буксир»). Трудности перевода, однако, не помешали молодым людям приглядеться друг к другу. Людмиле уже нравился первокурсник Михайлов, разговорчивый, бьющей через край энергией, живыми темными глазами. А Валентин тоже не устоял: по сердцу была общительность новой знакомой, бойкость ее характера и прекрасные густые волосы, с трудом удерживаемые в двух косах шестьдесятю шпильками. Однажды он, помимо воли, вынул одну, потом вторую, третью... На тридцатой все и решилось... с последствием долгой, счастливой семейной жизни.

Круг общения декана горного по роду деятельности отличался широтой и разнообразием. Крупные даты поэтому (если дело происходило на даче в Писаных Скалах) отмечались размашисто, в несколько «смен». Но был и сакральный круг друзей – А.Д. Трубчаинов, О.С. Курзанцев, К.Г. Харченко, С.Д. Евменов, М.С. Вагапов... В компании с ними, на рыбалке, ремонтах автомобилей, застольях и разговорах Владимир Николаевич пополнял изрядно подсевшие на работе «аккумуляторы».

За свой труд В.Н. Михайлов был награжден Знаком «Шахтерская Слава» трех степеней, удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» и «Почетный работник угольной промышленности».

Умер Валентин Николаевич 6 декабря 2002-го года при возвращении из командировки в Китай по линии обмена опытом, уже в Кемерове, в маршрутном такси, по дороге домой, с подарками для родных, от сердечного приступа.

Такая абсолютно неожиданная, невероятная по сумме обстоятельств смерть заставила много говорить на эту тему, строить предположения... Но тайна кончины В.Н. Михайлова не может заслонить главного – понимания масштабности его деяний, не пере-

ходящего значения его самобытной, яркой личности в истории горного факультета и технического университета.

Анатолий Ковалев

НЕЖНОСТЬ К РЕВУЩЕМУ ЗВЕРЮ.

ЛЕВ ЛЬВОВИЧ МОИСЕЕВ

*Впереди у жизни только даль,
Полная надежд людских дорога.
Из песни*

«Из России» Моисеевы пришли вместе с Транссибом в конце позапрошлого (XIX) века. В начале прошлого века они вовсю крестьянствовали в Томской губернии, но уже ближе к первой мировой главный прибиток семье шел от кузницы. Деревня стояла на знаменитом Московском тракте, и ехавшие по нему нередко ломались в дороге.

Дед нынешнего Льва Львовича Моисеева, Сашка, сызмальства глядел в мастерового человека. Любил Сашка с огнем и железом повозиться в отцовской кузнице, только что не ночевал в ней. Выхватит, бывало, раскаленную до синя полосу, да и давай ее обрабатывать на наковальне. Сошники и подковы получались у него отменные. Все нравилось юноше в отцовской кузне: низкий, закопченный, как «из сказки», потолок, танец огня и металла, натруженность литых мускулов после тяжелой, но сладкой работы...

Еще одной несовладаемой страстью был Ветерок, молодой конь, жеребец «в яблоках», с точеными ногами, купленный отцом на большом торгу в Томске.

Любил Сашка погорячить коня в быстром ходу, за много километров ходил на Ветерке. Майским Николой до Троицкого в два часа доскакивал на весенние игрища сверстников. Но коня берег, не перегревал в дороге. Потому и были как друзья, человек и конь.

Пройдет сорок лет и Сашкины «склонности» взбурлят апрельским соком в жилах его внука Льва Моисеева.

Он родился 1 февраля 1940 года в селе Алтайском, неподалеку от Горно-Алтайска, столицы одноименной автономной республики.

Отец, Лев Александрович, закончил Томский политехнический по специальности «Гидрогеология», а мама, Мария Павловна — медицинский. Алтайское, собственно, и было местом ее распределения.

После войны (отец успел повоевать и поучаствовать в штурме рейхстага) Моисеевы переезжают в Ленинск-Кузнецкий, где Лев Александрович работает в тресте «Кузбассуголь» гидрогеологом.

В Ленинске-Кузнецком маленький Лева открыл для себя Мир Техники. Однажды отец посадил его на раму велосипеда и повез в баню. Восхищению мальчика, смешанному с легким испугом (глядел на бегущую землю с огромной высоты!), не было предела. В пять с половиной лет Лева сам проехал на велосипеде, правда, под рамой, так как ног до педалей через раму не хватало.

Еще через год в семье появился немецкий велосмотор, на котором ездили на охоту. Он-то и определил, пусть пока бессознательный, выбор пятиклассника Моисеева.

Окончательному решению помогло знакомство с Давидом Львовичем Гарбузом, соседом в Брусчатом поселке Рудничного района Кемерово, куда Моисеевы переехали в 1954 году по месту новой работы отца.

Давид Львович, заведовавший кафедрой горной механики, в только что открывшемся Горном институте, был страстным автолюбителем. Но Гарбуз-водитель на этом поприще безнадежно проигрывал Гарбузу-механику: ремонт «Победы» был для него казнью египетской. И тогда, движимый наитием, выработанным тысячелетним скитанием его народа по свету, он доверил ремонт машины девятикласснику Леве Моисееву. Полыхая, на первых порах, лицом от оказанного доверия, Лева оправдал все надежды ученого, нарезал гайки, менял масла, прикручивал крылья, подкачивал шины ...

По совету Гарбуза Лев в 1957 году поступает на горно-электромеханический факультет КГИ.

Начинаются годы напряженных занятий в институте. Лев Львович вспоминает, что «учебный процесс, направляемый твердой рукой декана И.Ф. Бычкова, был очень интенсивным. Приходилось выкладываться на всю катушку. «Гранит науки» грызли по-настоящему. Спать ложились в десять часов вечера, чтобы восстановить силы для нового дня».

Трудолюбие и организованность, способность к мобилизации постепенно приносили свои плоды. В зачетной ведомости пятикурсника Моисеева почти все пятерки. Относительные неудачи (на четверки) случились на истории КПСС (спутал «легальных» марксистов с «отзовистами») и на начертательной геометрии (подза-

был клаузуру № 6, столь любимую преподавателем Анатолием Владимировичем Евстифеевым).

Годы пребывания на студенческой скамье повлияли на отношения с техникой: из фазы просто «Увлечения», окрашенной в романтические тона, они плавно перетекли в фазу «Романа» с самыми серьезными перспективами на дальнейшее развитие.

Яркую страницу биографии составил мотоспорт, занятия которым начались с мотосекции при военной кафедре. Не успел Юрий Ефимович Киселев «объездить» первый «ИЖ-49», как понадобилось еще 5. Явилась компания энтузиастов Николай и Ростислав Масленниковы, Владимир и Виктор Гольцевы, Владимир Проноза, Лева Моисеев. В конце 50-х их имена становятся известными любителям и специалистам мотокроссов, звучат на городских, областных, зональных соревнованиях.

В лидеры выдвигается Моисеев, хозяин 350-ти «кубиков», соединивший в себе дерзость юности и зрелость мастера, великолепный «пилот», умный тактик и упрямый боец. Сильно пригодился Лева опыт «личного механика» Гарбуза: своего «железного коня» он мог разобрать и собрать с закрытыми глазами. Необыкновенная физическая сила давала ему возможность буквально няньчить своего любимца, выдергивать из грязи, ставить на сухое место, переносить через завалы, прижимая к груди...

60-е, первая половина 70-х - вершина спортивной карьеры Л. Моисеева. Он побеждает в состязаниях высокого уровня, в том числе в финале Спартакиады народов России, становится в двадцать лет (!) мастером спорта Советского Союза, приобретает огромную личную популярность. Высокого роста, спортивного сложения, с короткими, немного взъерошенными волосами, переполненный здоровьем, открытый для общения - именно таким запомнился он нескольким поколениям политеховцев.

Хотя скорость в мотокроссе не была самоцелью, прокатиться с ветерком Лев Львович любил. Однажды, будучи уже преподавателем, он приехал на мотоцикле в Ленинск-Кузнецкий посмотреть, как идут дела у его дипломника. Дела шли хорошо, но студент, решив сэкономить на автобусном билете, попросился в Кемерово с научным руководителем. Лев Львович не возражал. Доехали быстро, минут за сорок. Возле главного корпуса политеха дипломник пришел в себя, сполз с сиденья, и говорит: «Здорово Вы, Лев Львович, на мотоцикле ездите. Я три раза успел просохнуть».

С яркостью таланта спортивного спорилась яркость других талантов - научного, педагогического, организаторского.

В 25 лет защитил кандидатскую диссертацию, что само по себе было вызовом сложившимся тогда представлениям о «возрасте» для такого «дерзновения». Восход «сверхновой» звезды горной науки вызвал даже беспокойство у тогдашнего руководства Кузбасского политехнического, но юный кандидат явил и дипломатические способности - дал понять, что его амбиции лежат в иной плоскости, чем власть над вузом.

В 1967 году после смерти Д.Л. Гарбуза по предложению проницательного А.А. Поги, Лев возглавил кафедру горной механики, которой, с небольшим перерывом, руководил до 2001 года.

В 36 лет он защитил докторскую диссертацию, во многом определившую научное направление кафедры - «Оптимизация режимов работы стационарных установок предприятий».

По результатам исследований Л.Л. Моисеевым опубликовано около 200 научных работ; 10 человек под его руководством защитили кандидатские диссертации.

Последний (по времени, естественно) «хит» научной и организаторской деятельности Льва Львовича - открытие (с 1995 г.) специальности «Промышленная теплоэнергетика».

Автор очерка знаком со своим героем с той поры, когда тот (в 1995 г.) принес три страницы очень искреннего текста в сборник воспоминаний к 45-летию института. Редактирование заметок Льва Львовича из его студенческого прошлого положило начало нашему знакомству.

В последующие годы при встречах в коридорах главного корпуса мы обменивались рукопожатием и трехминутно обсуждали текущий политический момент. «Не все спокойно в королевстве Датском», - говорил (примерно) один из нас, а другой соглашался: «Далеко не все спокойно».

Так бы и катиться дальше нашему шапочному знакомству и год, и два, и три, катиться, если бы не «Меркурий». «Меркурий» - это кардиологический санаторий, километрах в 5-6 от Кемерова, по дороге на Журавли.

В начале февраля 2000 года, между семестрами, я подлечивал там свою неожиданную сердечную недостаточность. Атмосфера санатория была что ни есть мирная, точь-в-точь из романов Агаты

Кристи: размеренный распорядок дня, кормление белки с руки, прием лекарств, тихие голоса...

Четвертого февраля, в воскресенье, ближе к вечеру, пациенты и медперсонал пансионата были встревожены сильным шумом на входе. По могучей фигуре я узнал своего старого знакомого. На пороге с огромным рюкзаком в валенках стоял профессор Моисеев с «титаническим», как он объявил собравшимся, «желанием немедленно встать на лыжи и уйти на дистанцию километров в 50, не менее».

На следующий день Лев Львович «отштормил»: ЭКГ показала инфаркт, перенесенный на ногах. Богатыря тут же увезли на обследование в кардиоцентр. Еще через день он был «стабилизирован». Мы стали много гулять на воздухе и под вечерними звездами «Меркурия» он стал вдруг рассказывать о своих учителях-наставниках студенческой поры: Д.Л. Гарбузе, человеку огромной личной харизмы; И.Ф. Бычкове, волевом декане горно-электромеханического факультета; В.К. Минятове, преподавателе «из дворян»...

Так составилась «Список Моисеева» из восьми человек, положивший начало серии историко-художественных очерков «Старые мастера». Они были подготовлены мной в течение 2001-2006 годов, опубликованы в газете «За инженерные кадры», и получили теплый прием у читателя.

Последние 20 лет профессор кафедры стационарных машин прожил под знаком Илиндеевки, небольшого таежного поселения в полутора километрах от нынешних Тебеньков. Наверное, он был счастлив здесь со своими рычащими «железяками» - тракторами и снегоходами. Лев Львович часто уезжал на них в тайгу, к родникам с хрустальной водой и распадкам редкой красоты, набирая сил для жизни в городской цивилизации.

Анатолий Ковалев

АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ НИКИФОРОВ

Тридцать лет науку «мудрствования» в стенах Кузбасского политехнического института - Кузбасского государственного технического университета преподавал Анатолий Григорьевич Никифоров.

Он родился 5 апреля 1935 года в городе Серпухове Московской области. При рождении был записан в метрике «Григорьевичем» вместо «Георгиевича», что, очевидно, многое определило в его дальнейшей судьбе, но при этом, однако, не помешало прожить долгую и содержательную жизнь.

Раннее детство мальчика - по причине большой житейской занятости родителей - прошло в деревнях Верхняя Шахлово и Игнатьево Серпуховского района у бабушек и дедушек.

В своих воспоминаниях, рукопись которых хранится у автора, Анатолий Григорьевич с особой теплотой пишет о деде Михаиле Ивановиче Никифорове «Не было работы или дела, которое бы он не смог сделать: ковал железо в кузнице, стеклил рамы, разводил пчел на пасеке, прививал яблони в саду, держал коров, лошадей, кроликов, ловил рыбу в Наре...». Видимо, отсюда 3-х летний Толя взял свои первые уроки трудолюбия. А бабушки, Прасковья, «шахловская» («папина») и позже Вера, «игнатьевская», («мамина»), тоже внесли свою лепту в воспитание будущего философа, отводя от внука хворости, укрепляя здоровье молоком, киселями и яблоками, уча уму-разуму, наставляя на путь истинный.

Хотя Игнатьево лежало в стороне от основного театра военных действий начавшейся войны, пламя ее обожгло и жителей деревни. Шестилетний Никифоров навсегда запомнил появление нескольких немецких артиллерийских расчетов на южной окраине Игнатьево. Сибиряки-гвардейцы, стоявшие на постое в доме бабушки Веры, забросали гитлеровцев противотанковыми гранатами.

«Однажды, - вспоминает Анатолий Григорьевич, - осенью 1941 года, в или сентябре или октябре, через деревню проходил обоз с ранеными. Над обозом вился черный ворон. Один солдат верхом на лошади, дал очередь из автомата, сбил птицу, подскочил ко мне, протянул маленький кусочек сахара. Я спросил: «Нет ли моего папки с вами?»

Солдат усмехнулся: «Где твой папка воюет?» - «Под Ленинградом»¹ - отвечаю. - «А мы из-под Тулы, вот что осталось от нашего полка». Он показал на два десятка подвод с израненными солдатами. От них пахло порохом, потом и больничными бинтами в засохшей крови» (Никифоров А.Г. Воспоминания. Рукопись, с. 11).

Кроме того, в памяти шестилетнего мальчика отложились воздушные бои над деревней, фашистские бомбежки, трупы немецких солдат, лошадей, разбитые телеги, плывущие по Наре...

Весной 1942 года он возвращается в Серпухов, к матери, поступает в школу, заканчивает 9 классов, начинает трудовую деятельность учеником фрезеровщика на военном заводе.

Очень повезло с наставником - Николаем Ивановичем Захаровым, фронтовиком, майором-орденоносцем. Николай Иванович, имея за плечами высшее образование (Артиллерийскую Академию), огромный опыт, человек жизнелюбивый, широкого кругозора, в какой-то степени заменил юноше отца, погибшего на фронте. Его 5000 книг из личной библиотеки помогли не только начитаться вволю, но и определиться с культурными приоритетами (в отношении идеологических - сомнений не было). Нравились книги, в которых герои жертвуют собой ради других, герои романтические, страстно идущие вперед, прокладывающие пути в прекрасное будущее.

В 1956 г. Анатолий по комсомольской путевке и «зову сердца» приезжает в Кузбасс на ударную стройку - Новокемеровский химический комбинат. Работает разнорабочим, такелажником, монтажником-высотником в комплексной бригаде вместе с такими же юношами и девушками со всего Союза. Работы было невпроворот, работы молодой, азартной, работы без счета времени и оглядки на расценки, вот уж действительно - даешь молодежь!

После трудового дня, каждую неделю, по понедельникам, собирались в комитете комсомола. В комсомольских делах быстро окреп природный талант серпуховского парня - талант общения с людьми, талант организатора общественной работы. Не было ни одного мероприятия, в которых Анатолий Никифоров не принял бы живого, искреннего участия - субботники, воскресники, диспуты, помощь отстающим, борьба с аморальными явлениями.

¹ Никифоров Георгий Михайлович погиб смертью храбрых в боях под Ленинградом 23 октября 1941 г.

Трудовые успехи монтажника-высотника, активность его общественных позиций круто меняют «маршрут следования».

В вечерней школе он получает 10 классов, работает секретарем комсомольской организации строительного треста № 96 КМУ № 3, зав. орготделом Заводского РК, секретарем этого же райкома. Затем (по партийной путевке) - философский факультет Московского госуниверситета (1962 - 1967), начало научной и преподавательской деятельности в Кемеровском педагогическом институте (1967 - 1971), очная аспирантура в том же МГУ и защита кандидатской диссертации (1971 - 1975).

После трех лет работы старшим преподавателем кафедры философии пединститута, в июне 1978 года, Анатолий Григорьевич переходит в Кузбасский государственный политехнический институт. Здесь он преподает философию почти тридцать лет - до выхода на пенсию в августе 2007 года.

Среди его несомненных профессиональных качеств, выявленных в повседневном учебном процессе, было хорошее знание предмета, методическое мастерство, тонкое понимание студенческой души, широта кругозора. Сквозь призму господствующего тогда исторического и диалектического материализма Анатолий Григорьевич стремился сформировать у своих учеников позитивное, жизнеутверждающее отношение к окружающей действительности, сеял на доверенном ему участке учебной деятельности с молодежью «разумное, доброе, вечное».

Научная работа связана с темой кандидатской диссертации - функции трудового социалистического коллектива, однако в последние семь лет были сделаны попытки плодотворного освоения (в формате начатой докторской) проблематики философии технологий. Опубликовано более 30 статей и тезисов, в том числе - в главном философском журнале Советского Союза «Философские науки» (№ 2 за 1982 год). Кроме того, А.Г. Никифоров принял участие в подготовке трех монографий (вместе с В.Г. Раскиным и другими обществоведами города).

С 1978-го по 1983 год Анатолий Григорьевич руководил кафедрой философии. Общая обстановка в коллективе к моменту его прихода из КемГУ была нормальной, что избавило новоиспеченного заведующего от необходимости что-то резко менять в существующем порядке вещей. Порядок этот можно было лишь поддерживать, развивать его лучшие элементы и на этой основе двигаться вперед, с чем Никифоров вполне справился.

Природное («данковское») начало - служение людям - ярко реализовалось в общественной работе: Анатолий Григорьевич возглавлял партийную организацию кафедр общественных наук, руководил теоретическим семинаром на горном факультете, читал лекции по линии общества «Знание», вел воспитательную работу в студенческих общежитиях, консультировал политинформаторов. Особенно охотно он выступал перед стройотрядовцами политеха, раскрывая нравственные аспекты их труда, щедро делась собственным опытом строителя эпохи «комсомольцев-добровольцев».

Общественная (партийная) деятельность познакомила и свела его с П.И. Егоровым, В.Н. Михайловым, И.И. Цепиловым, Н.И. Городиловым, В.Н. Бизенковым, Г.П. Тороциным, Э.Н. Вольфсоном, А.И. и П.А. Герасимовыми, ценившими в доценте Никифорове прежде всего дар служения людям.

Именно этот дар («мораль во мне»- по определению Канта) и стал предметом испытания на прочность жизненных принципов. Несмотря на «смену вех» в истории страны, Анатолий Григорьевич остался в рядах коммунистической партии, продолжил активную партийную работу в новых условиях.

Трудовая и общественная деятельность А.Г. Никифорова оценены Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ за первое место в социалистическом соревновании, медалью «За доблестный труд» в ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, орденом «Партийная доблесть», Благодарственными Письмами ГК КПРФ (Кемерово), Благодарственными Письмами и Почетными Грамотами ректората КузПИ - КузГТУ.

Анатолий Ковалев

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА НОВИКОВА

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТВОРЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Среда 30 июня 2010 года стала последним рабочим днем кандидата филологических наук, доцента кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета Елены Сергеевны Новиковой. Ее общий преподавательский и педагогический стаж к этому времени составил почти 54 года, из них в КузГТУ - 50 лет.

Она родилась 13 июня 1926 года в семье служащих. Закончила Первый Московский Государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза. После окончания, с 1955-го по 1958 год преподавала английский язык в средней школе № 1 г. Междуреченска. Затем работала старшим инженером сектора информации кемеровского института «НИИПТМаш», откуда 17 сентября 1960 года (Приказ № 504) была переведена в Кемеровский горный на кафедру иностранных языков.

На прием к ректору пришла в шляпке с вуалью, чем произвела на Петра Ивановича Кокорина неизгладимое впечатление. Сама же шляпка стала частью культурного кода Елены Сергеевны - утонченность, непохожесть на других, новая эстетика внешнего облика...

В сентябре 1960 года она впервые вошла в студенческую аудиторию - к горнякам. «Совершенно взрослые люди, - пишет она в своих воспоминаниях, - почти мои ровесники, некоторые в военной форме. Встают не особенно дружно, на лицах удивление - опять новенькая! Они еще не знают, что предстоит изучать с «нуля» другой иностранный язык. Это был «ленинский набор» - предприятия области, заботясь о перспективах развития отрасли, направили на учебу демобилизованных из армии взрослых, семейных людей» («За инженерные кадры», 15 мая, 1996).

Первые дни и недели в стенах Кемеровского горного - они незабываемы, что-то радостное владело молодой женщиной, заставляло стараться в работе, строить далеко идущие планы. Прошло, однако, не менее 10 лет, прежде чем полученный опыт позволил «выстроиться» личной линии преподавания. Реализация этой модели в ее завершенных, зрелых чертах пришлось на 70-90-е годы XX века.

Блестящее знание английского языка и не менее блестящее методическое мастерство составили основу ее профессионализма, оценить

который в полной мере смогли нескольких поколений студентов, будущие командные кадры угольщиков и шахтостроителей Кузбасса. Елена Сергеевна кроме штатной занятости в текущем учебном процессе подготовила 10 студентов, защитивших дипломы на английском языке; 20 лет готовила аспирантов и соискателей к сдаче кандидатского минимума; обеспечила языковую часть соискателям-производственникам из «Ленинскугля» - Мазикину В.П., Ремезову А.В., Тациенко В.П., Роуту Г.Н. и др.

Становлению и развитию Е.С. Новиковой как преподавателя чрезвычайно способствовало занятие наукой, выросшее как из естественной необходимости освоения английской терминологии горного дела и электротехники, так и из желания последовать примеру зав. кафедрой М.Д. Бонелис. «Именно она, - пишет Елена Сергеевна в своих воспоминаниях, - твердой рукой направляла нас на тернистый путь науки, именно с нее началось научное становление кафедры. И когда на защите диссертации М.Я. Бейлиной в Москве нас, аспирантов и слушателей из далекого сибирского вуза, собралось 7 человек, это был триумф кафедры, триумф курса М. Д. Бонелис» (Страницы истории: КГИ - КузПИ - КузГТУ, Кемерово, 1995, с. 46).

А в 1972 году кандидатскую диссертацию «Деривационная продуктивность в различных терминологических системах» защитила и сама Елена Сергеевна. В последующие годы теоретическое поле проблемы было «исхожено» вдоль и поперек с максимально возможным вниманием к доступным аспектам данной проблемы. Опубликовано 80 работ - в Кемерово и Москве, Таганроге и Уфе, Омске и Таллине, Иркутске и Пятигорске, Пензе и Ленинграде... Концентрированным же итогом научной деятельности доцента Е.С. Новиковой стали «Англо-русские, русско-английские терминологические словари» по разработке месторождений полезных ископаемых открытым и подземным способом и электрическим сетям и системам. Три базовые кафедры Кузбасского госуниверситета, благодаря им, получили возможность стать на шаг ближе к мировым рыночным отношениям и глобализации в целом.

Занятия наукой не закрывали других форм реализации креативности - Елена Сергеевна прошла обучение в заочной школе практической психологии («Психология общения»), закончила курсы испанского языка, выполнив перевод важного для треста «Кемерововодоканал» зарубежного издания, пишет стихи...

Глубокие внутренние миры, тщательно оберегаемые от постороннего вторжения, уживались в ней с жаждой общения с людьми, открытостью. Она была профоргом кафедры, членом профкома института, руководителем методологического семинара, ответственной за проведение конференций, внештатным корреспондентом газеты «За инженерные кадры». В материалах за ее подписью, переводных из иностранных источников или оригинальных - всегда актуальная постановка проблем, всегда живая субстанция политеховской жизни с ее радостями, тревогами и вопрошениями.

До глубокой старости Елена Сергеевна не утратит своего женского обаяния. Я встретил ее в конце мая 2010 года на прогулке возле «Космоса» рядом с домом: небольшая стройная фигура в толстовке модного красного цвета, живость глаз, молодые интонации речи, пластичность разговора...

Пятьдесят, сорок лет назад все это было удвоено, утроено, удесятерено.

Однажды Елена Сергеевна заметила, что студенты-горняки во время ее занятий часто роняют авторучки под парты и долго за ними лазают. Она пришла в недоумение, пока один из старост, оставленный после всех для разговора, простодушно объяснил ей: «А мы, Елена Сергеевна, так вашими ножками любимемся!». В устной истории вуза (памяти тех, кто молчит, но все знает) сохранился жаркий роман моей героини с зав. кафедрой геологии Г.Е. Терентьевым. А уже поближе, к нашим дням, в 80-е годы, на общих новогодних встречах в первом танце непременно ее кружил один из самых красивых мужчин технического университета В.А. Плотников.

Новикова Е.С. награждена Знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР», медалью «Ветеран труда», Почетной грамотой департамента науки и высшей школы администрации Кемеровской области (к 50-летию КузГТУ).

По общей сумме достоинств, профессиональных и личностно-человеческих, творческому долголетию - ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ, ПОЛВЕКА! - Елену Сергеевну Новикову можно считать одной из самых заметных фигур институтского сообщества гуманитариев, ярким женским характером целой исторической эпохи.

Стихи Елены Сергеевны

Там все снилось в лазоревом свете
И мечталось красиво, легко,
Так хотелось по жизни, как в поле,
Прошагать широко, далеко!

И теперь представляется ясно:
Пруд заросший, кувшинки в пруду,
И росистой тропинкою звонкой
Я босая по лугу иду.

Солнце чуть приоткрыло ресницы
И лениво, от сна пробудясь,
Освещает ракушек верхушки
И высокий, развесистый вяз.

Пруд белеет от легкого пара,
И дрожит в середине струя ...
Мне казалось, что жизнь бесконечна,
Бесконечна, как юность моя.

Я иду, приминая травинки,
И навстречу мне солнце встает,
Отражается в каждой росинке
И дорогу мне к счастью дает.

Анатолий Ковалев

ИВАН ЕФИМОВИЧ ОБЛОМСКИЙ

*В рыбалку безумно влюбленный,
От этого чуточку пьян.
Душою своей окрыленный
Он с нами, Обломский Иван!
Неизв. автор*

Обломский Иван Ефимович - это толстовский капитан Тушин Кемеровского горного института 50-60-х годов прошлого века, один из тех крепких профессионалов-практиков, благодаря которым и обеспечивалось высокое качество подготовки специалистов.

Он родился в июне 1906 года в местечке Новые Санжары Полтавской губернии. Отец его, фельдшер, трагически погиб зимой 1909 года. Мать, учительница, после смерти мужа, тоже стала фельдшером.

Иван Ефимович родился и рос в бедной семье, постоянно терпящей большие недостатки. Так, уже в четыре года Ваня зарабатывал себе на хлеб - целыми днями пас гусей.

Первым «университетом» нашего героя стала церковно-приходская школа, затем - «семилетка», по окончании которой он приезжает в Полтаву. Здесь Иван слесарит на машиностроительном заводе, учится на рабфаке, готовится к поступлению в авиационный институт. Мечте о небе, по каким-то причинам не суждено было сбыться. Впрочем, судьба «отдала» Обломского встречей с черноглазой, статной дивчиной Анной, ставшей ему верной женой.

В жизни же Анны до ее знакомства с Иваном Обломским был эпизод, представляющий историческую ценность. Она нянчила дочь сестры Троцкого, одного из вождей Октябрьской революции. Семья сестры Льва Давидовича жила в Полтаве и нуждалась в прилежной няньке для своей хроменькой дочери. Анна Григорьевна Обломская сохранила воспоминание о полтавских Троцких как об исключительно хороших, порядочных людях.

С мая 1930 года по сентябрь 1935 года Обломский учился в Московском горном институте. Он был упорен и настойчив в учебе, задавал много вопросов преподавателям и ходил в любимчиках

у столичного светила горных наук профессора Шешко. Будучи студентом, подрабатывал, где мог, даже осветителем в Большом театре, знал всех артистов, но однажды, уставший, заснул, не дал вовремя свет «Борису Годунову», за что и был изгнан с должности.

После окончания МГИ в 1935 году Обломский едет по направлению в Кузбасс. Здесь, в Прокопьевске, вплоть до 1950 года он работает на различных должностях: механик участка, начальник подземного транспорта, зам. главного механика шахты, главный механик шахты, главный механик треста. Тяжкими выдались годы военного лихолетья. И.Е. Обломский вместе с другими подставил крепкое горняцкое плечо под помощь фронту. Главные награды Ивана Ефимовича - за ударный труд: орден «Знак Почета» (1942 г.) и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.).

Помимо каторжной на износ работы, без счета времени, нужно было содержать большую семью. Одно время после приезда полтавских родственников на содержании у Ивана Ефимовича находились 11 человек! Сильно выручали, конечно, двадцать соток, засаживаемые картошкой и свеклой, употребляемой вместо сахара.

С 1952 года после учебы в Академии угольной промышленности, начинается выдвижение Обломского на командные должности: он - начальник шахты «Тырганские уклоны» комбината «Кузбассуголь», начальник угольного треста «Прокопьевскуголь», начальник шахты «Зиминка» треста «Прокопьевскуголь».

Выявившиеся, однако, вскоре проблемы со здоровьем - сердечная недостаточность - делают карьерный рост Обломского по линии начальствующих должностей невозможным. Он принимает предложение о переходе на преподавательскую работу в Кемеровский горный институт.

В приказе по институту об этом сказано так: «Избранного по конкурсу инженера И.Е. Обломского с 22 октября 1954 года зачислить в порядке перевода доцентом кафедры горной механики с окладом 2000 рублей в месяц».

Итак, с 22 октября 1954 г. начинается научная и преподавательская деятельность И.Е. Обломского в Кемеровском горном институте. Продолжалась она до 1 сентября 1974 года до ухода на пенсию.

Иван Ефимович был чуть ниже среднего роста, сильный в кости, жилистый, держался прямо. Лицо имел круглое, подбородок

мягкий, с небольшой ямочкой с левой стороны, нос прямой, аккуратный, соразмерный величине лица. Совершенно замечательными были глаза - умные, карего цвета, излучающие теплую душевную энергию расположения к окружающим людям, впрочем, они могли быть и жесткими, и строгими. Наконец они были просто красивы в полукружье черных бровей.

Время показало, что в лице И.Е. Обломского Кемеровский горный институт приобрел отличного преподавателя, одного из тех, кто обеспечивал высокое качество учебного процесса в 50-60-е годы. Для лекций Ивана Ефимовича был характерен вдумчивый, обстоятельный, даже дотошливый анализ проблем горной электротехники. Лабораторные работы Обломского со студентами «отличались высокой практической направленностью» (из воспоминаний Л.Л. Моисеева). Сильный практик, он, очевидно, полагал, что ответственность за итоговую оценку своим обучаемым несет все-таки преподаватель, поэтому неудовлетворительных оценок горнякам не ставил. Студенты говорили между собой: «Господь Бог не помнит, чтобы он поставил двойку».

Иван Ефимович занимался научной деятельностью, имел публикации в журналах. Обозначились перспективы и на защиту кандидатской диссертации. Так, проучившись два года в Академии угольной промышленности (1950-1952 гг.), он подготовил такую работу, которая как это указывается в протоколе аттестационной комиссии, «при небольшой доработке может быть представлена как кандидатская диссертация» (из личного дела И.Е. Обломского). Была и годовичная аспирантура при Московском горном институте в 1956-1957 годы. Защита кандидатской диссертации, однако, не состоялась. И об этом приходится сожалеть, так как Обломский был инженером милостью божьей. Его гараж на Весенней под завязку был набит железяками и запчастями. Он мастерил прицелы к охотничьим ружьям, собирал радиоприемники, занимался фотографией. По воспоминаниям Елены Ивановны, дочери Обломского, «в гараже лежали даже заготовки для вертолета». Видно, мечта о небе так и не отпустила украинского хлопца.

На первом же месте среди своих увлечений стоял автомобиль. Еще в Прокопьевске к Ивану Ефимовичу попала трофейная «Татра». Он над ней долго колдовал, прежде чем она, смешная и красивая, бойко побежала по дорогам.

Однажды, возвращаясь с рыбалки, Обломский был остановлен гаишниками, попросившими предъявить документы на машину. - «Да кто же мне даст документы на такую?» - простодушно удивился начальник «Зиминки». Гаишники посоветовались и, согласившись с тем, что «... на такую, действительно, никто не даст», отпустили Ивана Ефимовича с миром.

В 1952 году он пересел на «Победу», любовно именуемую «Антилопой-Гну». Именно на ней с прицепом для лодки в компании с такими же страстными любителями активного отдыха, Обломский выезжал на свои же знаменитые рыбалки и охоты. Особый размах они получили в середине 60-х годов.

Рыбачили субботу и воскресенье, но уже с понедельника после обеда в кабинете у ректора собирались, естественно, сам Петр Иванович Кокорин, его зам. по снабжению Александр Федорович Озеров и, конечно же, Иван Ефимович Обломский. Они горячо обсуждали итоги рыбалки, вспоминали любимые эпизоды, подначивали друг друга. А с четверга начиналась усиленная подготовка к очередной поездке - приводились в порядок сети, закупались припасы, уточнялись предстоящие маршруты.

Под говор костерка, вокруг котелка с ароматной ухой, рядом с И.Е. Обломским, человеком открытой души и искреннего сердца, многие в институте набирались душевного здоровья и просветления в мыслях.

Обломский стал коммунистом в 1937 году и оставался им всю жизнь. Он жил с ощущением крайней важности правды и социальной справедливости, сам был рыцарем этих принципов, защищал их в партийной работе. Отстаивая свое видение правды, он часто спорил с Д.Л. Гарбузом и М.С. Сафохиним. Идеалы советской эпохи не были для него просто абстракциями партийной доктрины. Своих дочерей - Нинель и Татьяну - он назвал в честь символов великого времени - В.И. Ленина и Зои (Татьяны) Космодемьянской.

После выхода на пенсию Иван Ефимович пожил еще 9 лет и умер 10 сентября 1983 года. Упокоен он на новом кладбище под сенью березки. Свет же его жизни, простой и благородной, отражен в судьбах тех, кто с ним соприкасался, учась у него или работая вместе с ним. Это Л.Л. Моисеев, В.Г. Каширских, Г.И. Разгильдеев, М.П. Латышев, Е.А. Бессонов, П.Д. Гаврилов.

Анатолий Ковалев

ПРОФЕССОР, ПОЭТЕССА, ЖЕНЩИНА.

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ОСОКИНА

*Выражает себя и словами
И отточенным блеском ума,
И осанкой, ногами, словами
Что вполне понимает сама.
И поддержана внутренней верой
В этой брошке и ниточке бус
Проявляются полной мерой
Такт, изящество, тонкость и вкус.
К. Ваншенкин*

Они понравились друг другу с первой встречи, с первого взгляда - выпускница одной из школ областного центра тоненькая Наташа Осокина и еще более юный Кемеровский горный институт, синеглазый юноша тинейджер. В июне 1964 г., поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж красивого здания - Весенняя, 28 - недавняя школьница так разволновалась, что запнулась, потеряв на мгновение равновесие. Сорок два года, прошедшие с того времени, в принципе ничего не изменили: профессор, доктор экономических наук Н.В. Осокина и Кузбасский государственный технический университет, солидный мужчина в дубленке, норковой шапке, с лицом Дольфа Лундгрена и сегодня - «в романе». Платят друг другу теплыми чувствами, вниманием и заботой.

Героиня моего очерка родилась 8 сентября 1946 г. в городе Прокопьевске. Ее отец, Осокин Виктор Михайлович, «рыбинец» по корням, после окончания ленинградского института, инженер-строитель, приехал в Сибирь «за романтикой».

Мама, Вера Павловна, урожденная Козловская, родилась в Томске, училась в строительном техникуме.

Поэтому строительство (шире - созидание) как жизненный принцип усваивалось с детских лет, проистекая из примера родителей. А еще культурная атмосфера в семье: много книг, коллектив-

ное чтение «Дон-Кихота», «Детей Капитана Гранта»... Формировалось художественное восприятие мира, любовь к литературе вообще и к поэзии, в частности. Много в этом плане осталось от деда по материнской линии. Петр Егорович Козловский, пассионарий, в свое время зажигал по полной программе - член ВКП(б) с 1915 г., активный участник кооперативного движения, громил белогвардейщину в частях особого назначения и с энтузиазмом играл на сцене Кемеровского дворца Труда.

После Прокопьевска Осокины переезжают в Ленинск-Кузнецкий, потом в город Березовский, затем в Анжеро-Судженск - по месту новых назначений отца. Жизнь в городах с мощным биением угольных сердец, вольно или невольно помогла маленькой Наташе выделить людей шахтерского труда, проникнуться к ним симпатией и уважением.

В 1956-ом семья перебирается в Кемерово. Моя героиня учится в школе, заканчивает ее и по совету старшей сестры поступает на шахтостроительный факультет по специальности «Экономика и организация угольной промышленности». На вступительных экзаменах по математике она вряд ли запомнила интеллигентного молодого человека с вежливой улыбкой - Михаила Курчина, выпускника Томского госуниверситета, год назад по распределению приехавшего с семьей в КГИ. До их новой судьбоносной встречи, как в сказке, было еще тридцать лет и три года.

Студенчество стало временем напряженных поисков собственной идентичности. Представление о студентке Осокиной можно составить из воспоминаний в книге «Годы и судьбы» (Кемерово, 2005). Она предстает кипучей, деятельной личностью, непрерывно занятой «открытием мира». Учится не на страх, а на совесть, без стона на губах конспектирует три тома «Капитала». В четыре руки с подругой Раисой Прониной играет вальс Хачатуряна (в формате художественной самодеятельности), поет в вокальном ансамбле ШСФ, начинает писать стихи. Занимается в научном кружке первого в Кемеровском горном институте доктора экономических наук В.Э. Попова, прививавшего студентам интерес к развитию производительных сил Сибири.

Два месяца практикует под землей, дежурит в шахтерской робе и кирзачах, делая замеры воздуха на вентиляционном участке. И видит в этом романтику: «Шахтные поля Прокопьевска по-своему красивы. Особенно необычно было ночью на поверхности, когда

звезды, далеко внизу горят электрические огни, и на несколько километров вокруг - ни души» [Годы и судьбы, с. 64].

Отдых тоже предпочитает деятельный, например, пятидневный пеший переход через горные перевалы Северного Кавказа. Нет, конечно, ей не приходилось нести тяжелый рюкзак - догадайтесь, почему.

Способную студентку замечает руководство ИЭФ - ей предлагают остаться преподавателем на кафедре политической экономии, которой в ту пору заведовал А.А. Дмитриев. Под его попечением недавняя пятикурсница прошла «курс молодого бойца»: Алексей Андреевич вел семинары начинающих преподавателей, учил методике проведения занятий, тонкому искусству общения со студенческой группой. У него, человека с громадным жизненным опытом, фронтовика, пропагандиста, хорошего лектора, было чему поучиться. В юную преподавательницу политической экономии влюбляются будущие главные механики Кузбасских шахт. Но поздно - еще на пятом курсе института она вышла замуж за Геннадия, представителя известной угольной фамилии, которая между прочим, совпадает с ее собственной - вскоре главного инженера шахты «Южная», а впоследствии - директора шахты «Ягуновская».

Годовой отпуск в связи с рождением сына позволяет задуматься над дальнейшей жизнью: быть ли одной из «первых леди» в шахтном поселке, уйдя из вуза, или дальше идти преподавательской стезей, а для этого - покинуть родной город и семью, и учиться дальше. Наташа выбрала второе. В октябре 1973 г., вверив трехлетнего сынишку добрым заботам родителей, она уезжает в аспирантуру Ленинградского госуниверситета.

Город, восклицательный знак России императорской и советской, был кровно близок кемеровчанке - здесь умер в блокаду ее дедушка по линии отца, Осокин Михаил Алексеевич. Началось кропотливое освоение премудростей экономической науки, да еще приходилось выкраивать время на занятия со студентами, лекции и беседы в рабочих коллективах: умели в ЛГУ задействовать фактор соискателей ученых степеней. Ощущался дефицит базового образования. В гранит науки поэтому приходилось вгрызаться едва ли не в буквальном смысле этого слова. Часть сил, правда, возвращало культурное пространство Ленинграда, экс-Петербурга. Восхищаясь, душа жадно наполнялась токами бесчисленного числа мировых шедевров архитектуры, музеев, театров...

На культурных и цивилизационных квасцах Северной Пальмиры взошли многие таланты нынешней Натальи Викторовны.

В 1977 г., защитив кандидатскую диссертацию, она с головой окунается в стихию крупнейшего инженерного вуза Кузбасса. Политех обретается ею как альфа и омега бытия, как религия и истина в последней инстанции. Хрупкая, женственная, она была тверда, если дело касалось принципиальных вопросов. Была у нее чисто мужская страсть - она увлекалась футболом. Ее единственной футбольной любовью был бесковский московский «Спартак» 80-х: Черенков, Хидиятуллин, Романцев...

Вкусив однажды сладостных плодов науки, она и дальше шла по ее каменистым тропам. Проблемы экономической теории, сложные, неоднозначные требовали интеллектуального напряжения и даже духовной медитации. В 1993 г. Н.В. Осокина защищает докторскую диссертацию, посвященную развитию производственной активности в условиях трансформации российской экономики в рыночную. В конце 90-х годов ее главным научным интересом становится глобализация экономики. В настоящее время на счету Н.В. Осокиной около 100 публикаций в кузбасской и российской печати, в том числе - пять монографий, 3 учебных пособия.

В ноябре 1993 г. Наталья Викторовна принимает заведование кафедрой экономической теории ИЭФ. Опыт управления людьми пришел далеко не сразу. Хотя она сама считает, что «с коллегами ей просто повезло. Фактически с каждым можно идти в разведку» (Годы и судьбы, с. 76). Она - признанный лидер коллектива, авторитетный ученый и преподаватель, человек ярко выраженных общественных позиций, внимательный и чуткий товарищ. Пять преподавателей из восьми членов коллектива кафедры при ней получили ученые степени и звания, стали кандидатами и докторами наук, причем четыре - под ее непосредственным руководством. На кафедре ежегодно издается сборник научных статей «Глобальные и локальные проблемы российской экономики».

В личной жизни Натальи Викторовны Осокиной было много перемен. Менял и имена ее родной вуз. Но верность ему, своему единственному избраннику, она сохранила на всю жизнь.

А еще Наталья Викторовна сохранила молодость души и романтизм светлых юношеских лет. Профессор кафедры экономической теории Кузбасского технического университета пишет прекрасные стихи, в которых доверяет нам свои сокровенные мысли и

чувства. Стихотворение «Коллегам» (в сокращении) из сборника «Я помню чашу чудную любви» (Кемерово, 1997) предлагается нашим читателям:

Политех, судьба моя решенная!
Не порвать неведомую нить
Как семью, от предков обретенную,
Мне тебя не выбрать, не сменить.

Над твоим двором за аркой каменной
Золотистой осени венец.
В нем на век как в электронной памяти
Тысячи студенческих сердец

Вот идут по лестнице лавиною
Плечи хрупки, взгляды как костер.
В будущее, нам необозримое,
Устремлен бестрепетный их взор.

Мы глядим им вслед с надеждой тайною
В круговерти пламени и тьмы
Пусть поможет путь им выбрать правильный
Факел, что с собою дали мы.

Политех, обитель наша кровная!
Бесконечно жить тебе и жить.
Словно край, что кличут малой родиной,
Мне тебя не выбрать, не сменить.

Анатолий Ковалев

АЛЕКСАНДР АВГУСТОВИЧ ПОГА

Двадцать лет заочным и вечерним отделением Кузбасского политехнического института, с сентября 1969-го по сентябрь 1989-го года, руководил А.А. Пога. Двадцать лет его высокая сухощавая фигура римского прокуратора была символом Административного Порядка в жизни КузПИ.

Он родился 28 декабря 1923 г. в деревне Васюган Татарского района Новосибирской области в крестьянской семье.

После окончания 9 класса, в марте 1942-го, призван в ряды Красной Армии. Воевал в составе эстонского стрелкового полка 249-ой стрелковой дивизии, командовал отделением в роте ПТР («истребители танков»). Позже Александр Августович вспоминал: «С 29 декабря 1942 г. наше подразделение вело упорные бои за овладение мощным опорным пунктом гитлеровцев под Великими Луками Новгородской области. В одном из боев я был тяжело ранен и эвакуирован в московский госпиталь». («За инженерные кадры», 6 мая. – 1995.)

Демобилизовавшись по ранению – всю жизнь прихрамывал на правую ногу – Александр вернулся домой, работал учеником бухгалтера, полеводом. В 1944 г. переехал с родителями в село Октябрьское Мечетинского района Ростовской области – по месту нового трудоустройства отца. Некоторое время исполнял обязанности секретаря Октябрьского сельсовета указанного района.

С 1946-го по 1950 год Александр Пога учился в Ростовском-на-Дону техникуме угольного машиностроения, закончив который, был направлен в город Киселевск Кемеровской области на машиностроительный завод. Работал мастером, начальником участка, зам. начальника цеха, зам. главного технолога, зам. главного инженера.

В 1955-1958 годах Александр Пога учился в Томском политехническом институте по специальности «технология машиностроения».

В апреле 1962-го Александр Августович переводится в аппарат управления машиностроения Кемеровского совнархоза, где (с января 1968 г.) был назначен начальником технического отдела. Проявил себя инициативным, технически грамотным специали-

стом. Под его руководством и при его непосредственном участии «организовано высокомеханизированное производство шахтных вагонеток, освоен метод групповой обработки деталей, внедрены поточные линии» (из личного дела А.А. Поги).

В марте 1965-го начинается трудовая деятельность Александра Августовича в Кузбасском политехническом институте: сначала почасовиком, а затем, с сентября 1966-го на постоянной основе доцентом в штате кафедры технологии машиностроения. Проработав с мая по сентябрь 1969 г. деканом горно-электромеханического факультета (точнее – «И.О.»), он стал проректором по заочному и вечернему отделению.

Двадцать лет А.А. Пога руководил важным сегментом работы крупнейшего вуза Кемеровской области.

Главные черты его управленческого стиля, несомненно, сложились на базе политической культуры предшествующего времени с доминированием в ней служения и ответственности.

Александр Августович был человеком самоотдачи, строгого спроса с себя и окружающих, нетерпимым к расхлябанности, умел организовать людей на выполнение поставленных задач. Отношения с подчиненными выстраивались в зависимости от деловитости последних. Так всегда на хорошем счету была зав. типографией Д.И. Шерстобитова, чье подразделение четко функционировало, обеспечивая нужды учебного процесса. Пога по своему даже ревновал Дину Ивановну к ее профессионализму.

О принципиальности проректора из КузПИ ходили легенды в кемеровских вузах. Если где-то ожидали комиссию, то первым делом интересовались ее персональным составом. Фамилия Пога (в родительном падеже) прочитываемая шутниками в соединении с окончанием «бель», заставляла готовиться к проверке на пределе сил – от зоркого глаза представителя Кузбасского политехнического не ускользала ни одна шероховатость, вносимая в итоговый документ твердой рукой.

Эстонская медлительность моего героя, переплавленная в обстоятельность, проявлялась в манере работы с бумагами разного рода (через проректора «текли» многие материальные ресурсы) – они подписывались «только в кабинете за столом после внимательнейшего ознакомления с ними» (Т.А. Афанасьева)

Прямые служебные обязанности А.А. Поги со временем дополнились еще одной, не прописанной в Уставе высшей школы или

определенной решениями партийного комитета – он стал специалистом по кризисным ситуациям. Возникло крупное накопление напряженности, грозящее сбоем в политеховской системе – ректор М.С. Саfoxин тут же поручал Александру Августовичу «разобраться», и тот, обстоятельно вникнув в суть дела, терпеливо выслушав мнения сторон, учтя баланс интересов, в конце - концов предлагал единственно правильное решение, гасящее разгорающиеся конфликты. Степень доверия Михаила Самсоновича к Поге была очень высокой. Лишь однажды ректор «нахмурил брови»: Александр Августович в его отсутствие распределил поступившую по лимиту машину – была такая практика - преподавателю, который перевелся в другой вуз.

Суховатая официальность общения в минуты пребывания в духе смягчалась поговорками – доказательствами возможности какого-то «иного» Поги, более «теплого», более человеческого что ли. «Держись за трубу – из нее дым идет!» - сказал в свое время Александр Августович юному В. Шаламанову, только-только вступившему на стезю общественной работы; «Таисия! Горшки не побьются», - художнику Афанасьевой в ответ на вопрос, почему он здоровается с ней по несколько раз на дню – пи каждой очередной встрече; «Лучшее – враг отличного» - Ю.А. Рыжкову при обсуждении вопросов текущего учебного процесса.

Огромные объемы организационной работы по институту не заслоняли от Александра Августовича активного участия в кафедральной жизни: на его счету 35 научных статей и тезисов, два учебных пособия, он читал лекционные курсы, руководил курсовым и дипломным проектированием. Награжден шестью (юбилейными медалями) и Почетными грамотами Министерства высшего образования РСФСР.

Смерть его была в традиции служения делу и институту: став пенсионером, продолжал вести занятия со студентами, умер после лекции на приеме у врача 24 января 1996 г.

Анатолий Ковалев

Вера Леонидовна Правда (Лаврина)

Две линии одной судьбы

Вера Леонидовна Правда родилась 21 ноября 1956 года в селе Лавровка Кокчетавской области республики Казахстан в семье сельских учителей. Родители являлись потомками казачьих родов, живших в станицах Кокчетавского уезда и приписанных к Сибирскому казачьему войску.

Детство Веры Леонидовны прошло в маленьком, затерянном в степях Северного Казахстана целинном поселке, название которого вполне соответствовало поэзии тех мест – Раздольное. Отец Леонид Александрович работал директором школы-интерната, преподавал историю, мать Анна Яковлевна – учительницей начальных классов. В семье было еще двое детей: старшая сестра Наталья и младший брат Владимир. В доме царил культ книг. Леонид Александрович являлся страстным библиофилом, собрал очень большую библиотеку. Любил музыку. У него была замечательная коллекция пластинок, в основном классика.

Последние три класса средней школы Вера Леонидовна заканчивала в селе Красный Яр Кокчетавского района. С особой благодарностью она вспоминает учительницу литературы Людмилу Михайловну Снегиреву. Ее любовь к русской литературе передалась и героине нашего очерка. Когда Людмила Михайловна рассказывала о поэзии Есенина, у нее на глазах блестели слезы. Для выпускных классов она организовала факультатив по литературе. На занятиях знакомила с русскими писателями и поэтами, которые по идейным соображениям остались за рамками школьной программы: замечательной прозой Куприна, Бунина, стихами Есенина, Ахматовой.

Класс был не очень дисциплинированным, не каждый учитель мог с ним справиться. Учитель физики Фархат Миниханович яростно метал куски мела в злостных нарушителей дисциплины. Некоторые учителя, так и не укротив дикий нрав школьников, рассказывали себе тихонько у доски про законы Менделя и особенности географического положения Саудовской Аравии, ученики им не очень мешали: тихо беседовали между собой, переписывали задания по математике, перекидывались записочками. Были даже драки с учителями. Но когда в класс заходила учительница математи-

ки Любовь Григорьевна Худорожкина, то она усмиряла учеников одним грозным взглядом. Тем не менее, ее не только боялись но и любили. На олимпиадах по математике ее ученики неизменно занимали первые места. Историю у Веры Леонидовны преподавал и отец, что во многом определило выбор будущей специальности, да и повлияло позднее на ее преподавательскую манеру. Он никогда не устрашал учеников, обстановка на уроках была живая, но не развязная, могли чуть-чуть и пошуметь. Спрашивал двоечников чаще других. Леонид Александрович тогда уже использовал широко тестирование в особой форме. Ученики на листочках создавали систему координат: по вертикали ставили цифры по количеству вопросов, а по горизонтали – буквы от «А» до «Д». Учитель устно задавал вопросы и давал варианты ответов. Если ответ правильный – ставился плюс, если неправильный – минус. Такая простая и оперативная система позволяла за 15 минут опросить весь класс по большинству вопросов темы. Эту систему опроса Вера Леонидовна до сих пор использует на занятиях по культурологии и очень благодарна за нее отцу. Отец часто приносил для учеников книги из своей библиотеке по текущей теме и давал читать всем желающим, правда, записывал в тетрадку фамилии читателей.

После окончания школы, охваченная романтическим настроением, юная выпускница хотела поехать на комсомольскую стройку. Это было начало 70-х годов. На всю страну гремели названия: Усть-Илим, Тында. Молодежь упоенно пела: «А я еду, а я еду за туманом...» Вера Леонидовна хотела работать крановщицей. В воображение вставали яркие картины: вот сидит она выше всех в кабине огромного башенного крана в рабочем комбинезоне, легкой ситцевой косыночке, дергает за всякие рычаги, и ползут вверх-вниз гигантские блоки бетона, кирпичей. Даже пошла в комитет комсомола, чтобы узнать в какие отдаленные места есть путевки или направления на комсомольские стройки. Путевка была в Кызыл-Орду. «Кызыл-Орда... Фу-у-у, как не романтично. Вот бы в Усть-Илим, или Тынду, или в Комсомольск-на-Амуре!». Конец юношеским мечтаниям положила мама. «Сначала закончишь институт, а потом езжай на любую стройку», – твердо сказала она.

И Вера Леонидовна поступила в Томский университет на исторический факультет. В Томске к тому времени уже училась ее старшая сестра в медицинском институте. Исторический факультет поразил созвездием талантливых преподавателей. Умные, эрудиро-

ванные, прекрасно знающие и любящие свои предметы, складно говорящие, они вызывали подлинное уважение. Можно сказать, что встреча с университетскими преподавателями во многом определила дальнейший путь Веры Леонидовны: «Я хочу быть такой, как они: заниматься наукой, глубоко изучить свой предмет, преподавать», – поняла она. Это осознание стало вектором, направляющим усилия и поиски на ближайшие полтора десятилетия. Как бы не складывались конкретные жизненные обстоятельства, в конечном итоге она осуществила свое желание и стала преподавателем университета. Правда, Вера Леонидовна первые два года не могла определиться в своих окончательных симпатиях между историей и филологией, все порывалась перевестись на филологический факультет. В конечном итоге тяга к литературе реализовалась не в изучении филологии, а в литературном творчестве.

Великолепным методистом была Колыхалова Тамара Фомишна, которая вела историю КПСС. Студенты в большинстве своем дружно не любили этот предмет, которым их истязал два года: необходимо было изучать нудные материалы бесконечных партийных съездов, партконференций, курсы пятилеток и руководящую и направляющую роль партии в каждой из них. Но Тамара Фомишна безукоризненно с методической точки зрения выстраивала семинарские занятия, вовлекая в процесс обсуждения темы как можно большее число студентов. Подводя итоги занятий, отмечала вклад каждого выступающего, даже если он сделал совсем крошечное дополнение. Вера Леонидовна считает, что Т.Ф. Колыхалова преподавала им образец проведения семинарского занятия по гуманитарным дисциплинам. С глубокой симпатией юная студентка относилась к Вадиму Сергеевичу Гурьеву, преподавателю истории Древней Греции и Древнего Рима. Она даже отказалась от записи его лекций: сидела, слушала и во все глаза смотрела на мудрого учителя. И первую курсовую работу по золотому веку римской литературы писала у Вадима Сергеевича. Получила пятерку. Когда нужно было определяться со специализацией, то сомнений не было: пошла на кафедру древнего мира и средних веков. Заведующим кафедрой был замечательный ученый Борис Георгиевич Могильницкий, ученик Александра Ивановича Данилова, академика и министра просвещения РСФСР. Специализацией кафедры являлась историография и методология истории. Это определяло тематику исследований и диссертационных сочинений аспирантов и соискате-

лей. Трудно было себе представить, что Бориса Георгиевича могло что-либо еще интересовать, кроме историографии и методологии. Он был замечательным лектором. Читал студентам курсы историографии и методологии истории. Приходил на лекцию «налегке», без портфеля или папки. После начала лекции, минут через двадцать доставал из внутреннего кармана пиджака едва заметный листочек бумаги и клал его на кафедру, но даже и этими записями не пользовался. Много ходил по аудитории. Его выражение лица, манеры, были отмечены печатью раздумья: казалось, он не «читал лекцию», а публично размышлял о проблемах, приглашая и студентов быть сопричастными этому процессу, задавая им время от времени вопросы. Аспиранты и студенты звали Бориса Георгиевича просто Б.Г.

Излюбленными темами студенческих девчоночьих разговоров были: наряды, хорошие и плохие парни и преподаватели, последнее считайте учебной темой. Но не учебой единой живы были студенты. Летом уезжали на археологические и другие практики. Под влиянием старшей сестры Вера Леонидовна увлеклась спелеологией, туризмом, путешествиями. В поисках приключений и впечатлений объездили с друзьями пол Союза. В списке путешествий за студенческие годы пещеры Кавказа, Хакасии, острова в Японском море, заповедные места Байкала, города Якутии, горы Алтая, лыжные походы по Кузнецкому Алатау и так далее. Вкус к путешествиям сохранился на всю жизнь.

В студенческие годы сформировались «общекультурные» интересы: древнерусская иконопись, культура, в особенности поэзия Серебряного века, японское искусство, европейская живопись второй половины 19-нач 20 вв. Эти предпочтения не изменились до сегодняшнего дня. Увлечение иконописью привело к созданию объемного курса по иконоведению, который Вера Леонидовна читает на епархиальных и богословско-катехизаторских курсах. Любовь к японской поэзии завершилась тем, что она стала писать в стиле хайку, и впоследствии издала книгу таких стихов. Вот несколько стихов Веры Леонидовны:

южная ночь
за виноградный лист.
закатилась луна

цветет
в излучине месяца
водяная лилия

на снегу
нервно читает собака
птичью клинопись

Стихи Вера Леонидовна начала впервые писать на пятом курсе университета. Это были беспомощные и корявые творения, как оценила их сама автор. Хорошо, что не встретился грамотный критик, который мог бы навсегда отбить охоту к писанию стихов. Она благоразумно эти стихи никому не показывала.

На последнем семестре над студентами нависла угроза распределения. Всех студентов исторического факультета Томского университета принудительно распределяли учителями в сельские школы Томской области. Спасали от этого несколько причин: замужество, целевой вызов, ну и очень способных – одного-двух человек с курса оставляли в аспирантуре. В пылу романтических настроений Вера Леонидовна решила поехать в сельскую школу на самый Крайний Север. А Крайний Север – это Чукотка. Туда, в отдел народного образования города Анадыря, она написала письмо, сообщив, что хочет работать учителем истории на Чукотке. Уже представляла себе, как заходит она в класс: жарко топится печь, маленькие чукчи в оленьих шубках почтительно встречают свою учительницу. И вот она начинает рассказывать им о Ледовом побоище, Куликовской битве, Петре Великом. А за окном воет пурга, и трещат чукотские морозы. Скоро пришел ответ из Анадыря: Чукотка в учителях истории не нуждается. Судьба никак не хотела потакать романтическим настроениям.

Тогда Вера Леонидовна засобиравшись домой, в Кокчетав, откуда пришел вызов на работу в Кокчетавский пединститут. Перед отъездом Борис Георгиевич предложил ей стать соискателем при кафедре истории древнего мира и средних веков:

– Тема вашей дипломной вполне может быть темой диссертации, – задумчиво сказал он, – только надо немного ее расширить. У вас как она звучит?

– Проблема падения Западной Римской империи в советской историографии 30-70-х годов, – трепеща ответила она.

– А мы ее сформулируем так: проблема перехода от античности к средним векам в советской историографии. Начните с того, что напишите статью по этой теме. Ну, и готовьтесь к сдаче кандидатских экзаменов.

И так Вера Леонидовна получила тему диссертации, чему она была очень рада: это совпадало с ее планами заняться научной работой.

В Кокчетавском пединституте она работала старшим лаборантом на кафедре научного коммунизма, преподавала философию, готовилась к сдаче кандидатского минимума, трудилась над диссертацией. И впервые стала посещать литературную студию при областной газете. Называлась она традиционно; «Исток», а может, «Родник», что не меняет дела. Так и определились две ее жизненные линии: научно-преподавательская и литературная.

Но заниматься наукой вдали от научных центров и крупных библиотек было сложно. Через год она вернулась в Томск. Сестра Наталья к тому времени работала гинекологом в больнице. Девушки поселились в поселке Тимирязево близ Томска в небольшой деревенской избушке с печкой и сверчком. Вера Леонидовна устроилась работать старшим лаборантом в музей истории томской медицины. Этот музей находился при кафедре организации здравоохранения Томского мединститута. Там она проработала два года. Описывала фотофонды, составляла картотеки, в общем, занималась архивной работой.

В 1983 году Б. Г. Могильницкий пригласил ее к себе в аспирантуру. Такую честь надо было заслужить. Борис Георгиевич был крайне осмотрителен и жесток в выборе аспирантов. «Прошу к столу – вскипело!» – пошутил приятель Веры Леонидовны, когда узнал, что она поступила в аспирантуру. «Какое чудесное слово – «аспирантка!» – радовалась новоявленная ученая. Аспирантура была отмечена не только свободными занятиями, радостью научного труда, но и его трудностью. Трудно давался стиль и научный слог. Изрядно помучилась, пока написала первую статью. Кроме немецкого языка, надо было заниматься еще английским. На кафедре считалось хорошим тоном использовать в исследовании литературу на нескольких языках. Кандидатский экзамен по немецкому языку к стыду своему сдала на тройку. Комиссия (в присутствии Бориса Георгиевича, что вызвало прямо-таки отчаянный стыд аспирантки) решила поставить двойку, чтобы можно было пересдать на более

приличную оценку на следующий год. Это была единственная двойка на экзамене. За все 18 лет учебы, а экзамены Вера Леонидовна начала сдавать с четвертого класса, у нее не было ни одной тройки. И вот – завал. На следующий год она пересдала немецкий язык на пятерку. Вере Леонидовне по-прежнему не давали покоя ее увлечения: восточная философия, поэзия, путешествия, Ницше, русская икона.

– Вот защитите диссертацию, тогда и занимайтесь своей хатхайогой, – не раз ворчал Борис Георгиевич на свою подопечную.

В годы аспирантуры пришло желание быть принадлежащей к некой общности, объединенной высокими интересами и единой устремленностью к ним. Вера Леонидовна не совсем ясно осознавала, что это за общность. Скорее всего, в этом проявился общечеловеческий трансцендентный опыт, который приводит к появлению братств, церквей, монастырей или даже партий и коммун. Вот именно, хотелось какого-то братства. Привело это к тому, что возник маленький неформальный просветительский кружок из друзей-аспирантов, подруг. Проводились встречи, на которых обсуждались интересные для всех вопросы. Приглашали вузовских преподавателей или кто-то из членов кружка делал сообщение. Душой этого кружка была Ольга Геннадьевна Мазаева, преподавательница философии, удивительная женщина, с даром глубокого сопереживания. Ее квартира с аскетичной обстановкой вся сплошь была уставлена книгами. Здесь и собирались кружковцы: Вера Правда (тогда Попова), Виктор Мучник, Лена Бармина и др.. Бывал здесь и Вадим Сергеевич Гурьев, большой друг Ольги Геннадьевны. Он рассказывал о поэзии Серебряного века. Ольга Геннадьева хорошо играла на фортепиано, рассказывала о музыке. Вера Леонидовна делала доклады по восточной философии. Братства не получилось, но след остался.

В 1984 году Вера Леонидовна встретила с поэтом Андреем Правдой, тогда студентом пятого курса мединститута. Он поразил молодую аспирантку своим ранним самоопределением. Андрей называл себя поэтом, не опубликовав ни одного стихотворения. И каждый новый стих читал всем, кто готов был его слушать. Такая дерзость поражала. Себя назвать поэтом Вера Леонидовна не смела. Кто в молодости не пишет стихов, и что, он после этого поэт? Ведь «поэт» – это Пушкин, Лермонтов, Вознесенский, на худой конец. Это: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...»

– и все такое. А тут ходит мальчишеского вида студент в коротеньких обтрепанных брючках и называет себя поэтом. Андрей поставил перед ней вопрос: «быть или не быть». Она решилась быть и вышла за него замуж.

Завершить диссертацию к окончанию аспирантуры не удалось, видимо, помешали европейская живопись, русская икона и восточная философия. Надо было искать место для работы. В Томске найти место на кафедрах гуманитарных наук было трудно, устроиться с жильем еще труднее. Новая подруга из Кемерово Людмила Бордунова предложила свою помощь в поиске места на кафедрах в Кемерово. Такое место нашлось на кафедре философии в Кузбасском политехническом институте, которой заведовал Э.Н. Вольфсон. Так Вера Леонидовна с семьей оказалась в Кемерово. Шахтерский край – тоже своеобразная романтика. В 1985 году уже с маленькой дочкой на руках защитила кандидатскую диссертацию.

В 1989 году в вузе была создана кафедра эстетического и правового воспитания. Вера Леонидовна очень хотела заниматься проблемами истории искусства и культуры, поэтому с радостью перешла на новую кафедру уже в должности доцента. Затем, после очередного преобразования, в 1994 году ее слили с кафедрой отечественной истории, куда и была зачислена Вера Леонидовна. Читала курсы истории мировой культуры, культурологи. С этого же времени началась и ее более интенсивная литературная деятельность.

Вместе с мужем она стала посещать литературную мастерскую «Аз» поэта Александра Ибрагимова. Александр раскрепостил жажду писать маленькие трехстишия в стиле японских хайку. «У тебя это получается», – с уверенностью сказал он. Там же, в мастерской появился и псевдоним – «Лаврина». Было решено, что две Правды на один город – слишком много, поэтому Вера Леонидовна взяла псевдоним по месту своего рождения – селу Лавровка.

Первая подборка стихов Веры Лавриной была опубликована в журнале «Огни Кузбасса» в 1997 году. А вот сказки, которые она тоже писала в это время в большом количестве, получались не сразу. Убийственная и беспощадная критика ранних ее сказок на мастерской «Аз» со стороны Александра Ибрагимова привела к бессонной ночи, тяжелому стрессу и вновь поставила вопрос: «быть или не быть». «Если я не научусь писать хорошо – я пропала», – в отчаянии думала Вера Леонидовна. И начала все сначала. Через пару лет Александру попала ее самиздатовская книжка новых ска-

зок. «Ты сделала кульбит, – сказал он, – это настоящие сказки» Первую книгу «настоящих» сказок Веры Лавриной «Диковинки» профинансировал брат Владимир. А муж, работая в издательстве «Кузбасс», поддерживал, курировал и частично финансировал остальные детские книги. Среди них «История Кузбасса в рассказах для детей», которая выдержала три издания и получила несколько наград, в том числе медаль «За веру и добро» в 2009 году, а также Диплом I степени международной выставки-ярмарки «Всекузбасский образовательный форум» (2012 год), «Трепесток», «Что нужнее? Что вкуснее?» и другие. Благодаря идейной и финансовой поддержке брата, в 2008 году появилась книга об истории рода «Так было». В 2013 году по заказу Кемеровской епархии совместно с Сергеем Павловым была написана книга «Жизнеописания кузбасских святых». Стихи и проза Веры Лавриной публикуются в периодической печати: «Дружба народов» (Москва), «Субъект и реальность» (Санкт-Петербург), «Знаки», «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово). С более полным перечнем книг и публикаций Веры Лавриной можно познакомиться на Литературной карте Кузбасса, адрес доступа: <http://www.kemrsl.ru/litmap/35>.

В техническом университете в 2002 году Вера Леонидовна совместно с мужем поэтом Андреем Правда создали литературную студию «Лист», которая работала до 2011 года.

Заседания студии проводились два раза в месяц, с начала октября по конец мая. Во время занятий обсуждались стихи и проза преподавателей и студентов, читались любимые стихи поэтов прошлого и современности, заслушивались доклады. Со времени создания студии ее заседания посетили более сотни человек.

За 2002-2011 годы при поддержке администрации вуза, попечительского совета было издано семь альманахов студии, в которых представлены лучшие работы студийцев, обсуждавшихся на заседаниях. В 2003 – «Как нарисовать поющую птицу», 2004 – «Я формулу гармонии ищу», 2005 – «Зерно слов», 2006 год – «Листья «Листа», 2007 – «Небо на ладонях», 2008 – «Ветер на привязи», 2010 – «Политех, судьба моя решенная». Все альманахи представлены в университетской и областной библиотеках.

Издание сборников завершалось презентациями, на которые приглашались участники и гости. Так возникла идея фестиваля. В 2006 году в театре КузГТУ «Ложа» по инициативе студии «Лист» состоялся первый фестиваль литературных студий города Кемерово-

во. Помимо «Листа» в нем участвовали студии «АЗ», «Притомье», «Свой голос». В 2007 году в «Ложе» прошел второй городской фестиваль студий.

В 2008 году совместно с мастерской «АЗ» студией был осуществлен творческий проект «Город поэтов», который включал проведение фестиваля, конкурса поэтов и издание сборника, представляющего творчество участников городских студий. В 2008 году был издан первый такой альманах литературных студий Кемерово «Город поэтов».

В 2010 году при поддержке администрации вуза студия провела литературный конкурс, посвященный 60-летию КузГТУ. На конкурс принимались поэтические, прозаические и публицистические работы, повествующие о буднях и праздниках КузГТУ, о людях, работающих и учащихся в нашем вузе. Работы конкурсантов были опубликованы в итоговом альманахе «Политех, судьба моя решенная».

В мае 2011 году студия «Лист» в лице ее руководителей и студийцев принимала участие в организации и проведении кузбасского поэтического форума «Во весь голос». В ходе праздника состоялись: вечер поэзии в областной филармонии, встречи поэтов со студенчеством города, в том числе и в нашем вузе, поэтический марафон в «Ложе».

Творчество студийцев регулярно освещалось на страницах вузовской прессы, в газете «За инженерные кадры». Совместно со студенческими советами не раз проводились поэтические вечера. До сих пор существует Интернет-сайт студии, адрес доступа: list.kuzstu.ru.

В 2009 году Вера Леонидовна была принята в Союз писателей России. С этого же года стала членом редколлегии журнала «Огни Кузбасса», являясь его постоянным автором. Дважды становилась лауреатом премии журнала «Огни Кузбасса» в номинации «проза» (2006 г.) и «публицистика» (2010 г.).

С 2009 по 2012 год руководила клубом «Православная книга» при Кемеровской Областной библиотеке. Является Почетным читателем этой библиотеки. Также является лектором епархиальных Богословско-катехизаторских курсов и православного лектория при епархии, на которых, как упоминалось, читает курс лекций по церковному искусству.

В КузГТУ читает курсы лекций по культурологии, мировой культуре и искусству. Является автором около полусотни научных статей и методических пособий, в том числе шести учебных пособий. Среди них монография, оригинальный электронный учебник «Язык видов искусств» (2010 год). Сферы научных интересов разнообразны, но предпочтительны – проблемы культурогенеза и краеведения.

Награждена медалями «За служение Кузбассу» (2004 год), «За веру и добро» (2009 год) «За воспитание детей» (2010 год).

В 2013 Вера Леонидовна стала лауреатом международного литературного конкурса им. П. П. Ершова, победив в номинации «Выбор мецената» с оригинал-макетом книги «История Сибири для детей» Над этой книгой совместно с художницей Ольгой Помыткиной она работала в течение нескольких лет. И теперь мечтает издать ее в хорошем издательстве.

Иннокентий Орегано

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРОСКУРИН – НАВЕЧНО В СПИСКАХ КузГТУ

Василий Владимирович Проскурин родился 24 февраля 1912 года в селе Нярки Калининского района Алтайского края в семье фельдшера. По некоторым сведениям он был единственным ребенком, рано лишился матери и воспитывался отцом.

С 16 до 22 лет Василий добывал кусок хлеба работой по найму в различных организациях, в том числе на шахтах Кузбасса - конгоном, откатчиком вагонеток, горнорабочим. В 1934 году по комсомольской путевке поступил на горный факультет Томского индустриального института.

Целеустремленность и трудолюбие в студенческие годы, исследовательские способности уже в скором времени принесли свои плоды. Проскурин был замечен известным специалистом горного дела профессором Д.А. Стрельниковым и после получения диплома с отличием, в апреле 1940 года стал ассистентом кафедры разработки пластовых месторождений.

Работу в высшей школе прервала война. Проскурин воевал в составе 380-й стрелковой дивизии, пройдя путь от рядового до полкового инженера. К концу войны на широкой груди капитана-сапера уложился «иконостаc» из пяти боевых орденов: Отечественной войны I и II степеней, двух орденов Красного Знамени и ордена Красной Звезды. Побывал сибиряк Проскурин и в логове поверженного зверя, расписавшись на Рейхстаге.

Тяжкой воинской работы на долю Проскурина выпало сверх меры. Приходилось разминировать поля под шквальным огнем противника, наводить переправы, где ад - на расстоянии вытянутой руки... Однако - ни одного ранения, ни одной царапины. Очевидно, что кроме простого везения, спасли аналитический подход и интуиция. «Однажды, - рассказывал Василий Владимирович своему ученику, ныне профессору В.А. Колмакову, - полковые саперы обезвредили 2000 мин без потерь в людях. Мне бы радоваться, я же не ем, не сплю, мысль моя, как норовистый конь, упрямо заворачивает в сторону бесспорной печальной истины: за 300 ликвидированных мин армия платит жизнью одного солдата. Я не выдержал,

подошел к командиру, чтобы тот распорядился насчет бдительности в работе. Но тот только отмахнулся. На следующий день погибли пять человек».

После демобилизации в 1946 году Проскурин возвратился в Томск к любимому делу. Сменив своего учителя, профессора Д.А. Стрельникова, он возглавил кафедру разработки пластовых месторождений, а в 1955 - горный факультет Томского политехнического института.

Как пишет Ю.А. Рыжков, «...здесь раскрылись его организаторские способности. Кафедра укрепились молодыми кадрами. Начал работать совет по защите диссертаций. В несколько раз увеличился прием студентов на факультет».

Пятидесятые годы - вершина научного творчества Василия Владимировича. Он защищает в 1952 году кандидатскую диссертацию, становится доцентом. Успешно работает над докторской. Выполнены 43 научно-исследовательские работы. Его исследования, посвященные проблемам разработки месторождений полезных ископаемых, печатаются в журналах «Уголь», «Вопросы горного дела», «Горном журнале». Декан горного факультета ТПИ был членом горно-геологической секции научно-технического Совета МВ и ССО РСФСР, членом научного Совета Института горного дела.

В 1961 году ректор Кемеровского горного П.И. Кокорин «выпросил» Василия Владимировича у ректора Томского политехнического А.А. Воробьева для работы в своем юном вузе. На горном факультете в должности декана боевой офицер-сапер, орденоносец чувствовал себя уверенно, твердой рукой направляя свой боевой корабль среди рифов и мелей. В это время шло становление факультета. Большие объемы административной работы не только не мешали, но и, наоборот, выявляя неожиданные грани, укрепляли преподавательский и педагогический таланты Василия Владимировича.

Его лекции приобрели гармонию между формой и содержанием: читал доходчиво, убедительно, умело сопрягая теорию с очень ценными практическими советами. Загружал пространство доски формулами и чертежами, придавая своим словам почти физическую осязаемость.

Для студентов Василий Владимирович был «батей», отцом, порой суровым, жестковатым, умеющим снять стружку за провин-

ности, но одновременно справедливым, готовым защитить своих детей.

Декан был выше среднего роста, после 50-ти приобрел грузноватость, однако, это не отнимало подвижности. Внешность Василия Владимировича вообще выдавала великорусские корни: простое лицо, великоватый, картошкой, нос, добрые голубые глаза и в то же время властноватый подбородок, указывающий на тенденцию характера.

Как всякий русский человек, Проскурин любил общение, шумные застолья по праздникам с песнями под баян. На баяне сам играл хорошо и ценил мастеров жанра. Однажды, распекая нерадивого студента за пропуски, узнал из случайной обмолвки последнего, что тот играет на баяне. Ну, декан горного не устоял, дал студенту шанс на «реабилитацию»: закрыл дверь деканата на ключ, достал баян, стоявший в шкафу, и полчаса слушал переливчатые аккорды провинившегося.

Важное место в духовной жизни Проскурина занимала война. Он часто рассказывал коллегам, товарищам о фронтовых делах, вспоминал в малейших подробностях тяжелейшую армейскую работу, свинцовую тяжесть вод при смертельных переправах, гибель товарищей... Тяготясь и тревожась воспоминаниями о войне, Проскурин говорил, что тот, кто прошел фронт и дожил до 50 лет, зажил на этом свете. Орденов не носил, разве что на 9 Мая.

В заботах и хлопотах по факультету быстро проходили шестидесятые. Декана В.В. Проскурина все чаще видели беспокойным: никак не удавалось поставить последнюю точку в работе над докторской диссертацией, «холодный» же, то есть не остепененный профессор не прошел в Президиуме ВАК (1966 г.). Привязавшиеся болезни заставили Василия Владимировича оставить руководство, сначала кафедрой - в 1970 году, затем и факультетом – в 1973 г.

Умер он от астматической остановки сердца на 63-м году жизни 17 июня 1974 года. Могилу ему, как и было принято в те годы, выкопали студенты, его ученики. Один из них, к сожалению, ныне тоже покойный, В.Н. Михайлов, рассказывал мне в октябре 2002 года, что к окончанию работы прошел теплый дождик. Теплый, как слезы прощания с хорошим человеком.

Анатолий Ковалев

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

СТАС АНДРЕЕВИЧ СБИТНЕВ

*Пока библиотечный институт
Работает, на полки книги ставят,
Нас никакие бомбы не сметут,
Нас никакие орды не раздавят!
А. Слуцкий*

В любой профессии успех дела определяется, кроме хорошего образования, еще и умением, мастерством, опытом, индивидуальными особенностями человека. Особенно если этот человек стоит во главе коллектива, даже небольшого. Именно такой человек стоял во главе библиотеки Кемеровского горного института, созданной в 1950 году на базе библиотеки горно-строительного техникума, которая известна сегодня как одна из крупнейших в городе, - научно-техническая библиотека Кузбасского государственного технического университета.

По предложению горкома партии в декабре 1951 года ее возглавил Стас Андреевич Сбитнев. Видимо, это было не случайно, что именно ему, бывшему фронтовику, потом энергетiku, комсомольскому работнику, активному лектору общества «Знание» предложили заведовать библиотекой Кемеровского горного института. Выбор оказался удачным. Это поручение переросло в профессию, стало делом всей его жизни.

Почти на голом месте пришлось создавать Стасу Андреевичу библиотеку. Нелегко ему приходилось. Это потом его назовут корифеем библиотечного дела, генератором идей, а в те годы ему приходилось осваивать новую профессию, формировать фонд, создавать каталоги, заниматься самой разной работой, от хозяйственной до исследовательской. Да, да, уже в те годы Стас Андреевич со свойственной ему энергией предпринимает первые шаги по изучению читательского спроса, созданию таблиц классификации, про-

ектированию помещения библиотеки, работая с коллективом, в котором только двое из девяти человек имели высшее образование.

Это потом в отчете о работе за 1959 год он напишет: «За 9 лет существования библиотека превратилась из учебной в научную с основным фундаментальным фондом в 100 тыс. томов. Создана база, на которой можно вести научно-исследовательскую работу». Сколько было сделано за эти годы.

Много сил вложил Стас Андреевич в формирование книжного фонда, основу которого составили обменные фонды библиотек Московского горного, Ленинградского горного, министерств и Академии угольной промышленности, книги из личных библиотек ученых (П.М. Ковачевича, Д.А. Стрельникова, П.Ф. Лукьянова, А.Н. Кулибабы и других). А в самом начале фонд библиотеки составлял всего 5 тыс. изданий.

В 1955-1956 годах Стас Андреевич разрабатывает «Схему рубрик систематического каталога». В основу таблиц были положены таблицы Троповского и Русинова, а также использовалась схема классификации произведений печати, принятая в ГПНТБ, и рубрики систематического каталога районной библиотеки (6-й отдел «Техника»). Включительно до 1974 года литература в НТБ КузПИ систематизировалась по таблицам классификации, составленной заведующим библиотекой, которые вместе с фондом, расставленным по этим таблицам, до сих пор так и называют Сбитневскими.

Под руководством Стаса Андреевича в институте открывается около 15 кафедральных библиотек, создаются генеральный читательский алфавитный и систематический каталоги.

Уже в те годы, при проектировании помещения в новом корпусе на ул. Весенней, 28, Стас Андреевич предполагал внедрение в библиотеке автоматизации. Правда, в те годы эта идея воплотилась лишь в грузоподъемнике, на котором на протяжении многих лет поднимались книги из подвального помещения книгохранилища на 1-й этаж на абонемент и на 2-й этаж в студенческий читальный зал. Только в конце 80-х - начале 90-х годов в библиотеке начнут воплощаться в жизнь мечты и идеи Стаса Андреевича об автоматизации библиотечных процессов. Можно сказать, что он предвидел это за много лет вперед.

В 1957 году библиотека переезжает в новое здание. Большие трудности возникают с библиотечным оборудованием. В те годы

оно доставалось с еще большими трудностями, чем в настоящее время. Как человек творческий, Стас Андреевич предложил оригинальное решение этой проблемы. По его эскизам в мехмастерских института были изготовлены библиотечные стеллажи из...старых железных кроватей, списанных из студенческих общежитий. Эти стеллажи до сих пор служат верой и правдой в хранилище библиотеки.

Первоначально в новом здании института библиотеке было выделено небольшое помещение. Стас Андреевич всегда радел за расширение площади библиотеки, выходил с предложением об организации открытого доступа к фондам на Советах института. Конечно, основной прирост площади библиотека получила в 70 - 80-х годах, но начало этому было положено в 50-е годы. Под его руководством создаются первые указатели: «Разработка угля в Кузбассе», «Автоматизация в угольной промышленности», начат выпуск информационного бюллетеня «Новые книги». Этим было положено развитие библиографической и справочно-информационной работы. При этом следует заметить, что штатная единица библиографа была выделена только в 1959 году. На Совете института Стас Андреевич вносит предложение о проведении тематических библиографических обзоров на практических занятиях научными работниками института, разрабатывает программу учебных занятий по библиографии для студентов Кемеровского горного института.

Как заведующего его интересовало качество обслуживания студентов, которое он связывал с уровнем образования библиотечных работников.

Из девяти человек трое учились в институте, двое - в техникуме. Он считал, что библиотекари должны прослушать курс основ горного дела, химической промышленности, и выходил с этими предложениями на Совет института. И в последующем, уже будучи заведующим кафедрой научно-технической информации Кемеровского государственного института культуры, он воплотил в жизнь свои идеи, студенты технического отделения библиотечного факультета стали изучать «Основы промышленного производства».

Стас Андреевич придавал большое значение чтению художественной литературы студентами института и в 1959 году провел большое исследование по изучению читательских интересов на примере группы ГИ-57-4. Цитирую некоторые данные проведенного исследования:

«Из 18 студентов, записанных в библиотеку в прошедшем году, художественную литературу брали 5 студентов, другие же выбор оставили на учебниках. Из 10 взятых книг - 5 книг советских писателей, 5 книг зарубежных писателей современных и прогрессивных. Очень мало студенты читают книг русских классиков. Установлено, что 85% студентов не читали «Евгения Онегина» Пушкина. Они знакомы с этим произведением по хрестоматии. С Байроном же знакомы по фамилии. С Шиллером, Гете, Гейне, Шекспиром знакомы между прочим... Значение классической художественной литературы в духовном мире человека весьма и весьма велико... Кто же виноват в том, что читатель мало читает эту литературу? В первую очередь, библиотека. Во вторую, все лица, соприкасающиеся с работой по воспитанию студентов».

Далее он развивает эту мысль и видит причину такой ситуации в том, что существует барьер между читателем и книгой, посредник в которой - библиотекарь. Считает, что не нужно возводить барьеров между читателем и книгой, нужно разгрузить библиотекаря от трудной технической работы, сделать открытый доступ к библиотечному фонду и тем самым создать все условия для общения библиотекаря и читателя.

Стас Андреевич притягивал к себе людей, был колоритной фигурой, и поэтому не случайно, отчитываясь о работе библиотеки на Совете института, он скажет, что коллектив библиотеки всегда находил живой отклик и помощь у большинства научных работников и читателей. Огромная работоспособность, высокая мобильность, умение необычно популяризировать свои интересы, «заражать» собеседника своими идеями помогали создавать имидж библиотеки как первой лаборатории вуза.

Несомненно, что Стас Андреевич был личностью одаренной. Это очень ярко проявлялось в энергетике его речи, наполненной неординарными, самыми невероятными образными сравнениями, взятыми из жизни. Студенты, учившиеся у Стаса Андреевича, помнят многие его высказывания. Но это проявлялось не только в живом общении с ним. Он мог, не задумываясь включить такое сравнение и в серьезный отчет. Работники вузовских библиотек хорошо знают, что нагрузка по посещаемости и книговыдаче может сильно колебаться в течение определенного отрезка времени. Анализируя нагрузку по книговыдаче в отчете, Стас Андреевич напишет: «Нагрузка по книговыдаче в течение месяца распределяется неравно-

мерно и напоминает кривую температуры лихорадящего пьяного». Это истина, «сбитневская речь». Многие его фразы нужно было додумывать, домысливать. Он был не из тех, кто давал сразу готовый ответ на какой-то вопрос. Он высказывал идею, а все остальное ты должен был сделать сам.

С.А. Сбитнев возглавлял библиотеку до 1960 года, заложил ее основу. В последующие годы библиотеку возглавляли уважаемые библиотечной общественностью, получившие впоследствии звание, «Заслуженный работник культуры РСФСР» (впрочем, так же как и ее первый директор) Шеленко Лидия Васильевна и Деринг Галина Евгеньевна, под руководством которых библиотека получила развитие, превратилась в крупную вузовскую библиотеку, методический центр вузовских библиотек Кемерова со штатом 70 человек и фондом более 600 тыс. изданий. Получили развитие научно-исследовательская, методическая работа, библиографическое и справочно-информационное обслуживание, структура библиотеки. Если при Стасе Андреевиче были только абонемент, читальный зал и сектор комплектования и обработки, то сегодня в библиотеке 7 отраслевых отделов, 5 абонементов, 6 читальных залов, Библиотечный Центр Интернет.

Достойным преемником предыдущих директоров стала Киндиченко Елена Николаевна, возглавившая библиотеку в 1997 году. Под ее руководством начинают внедряться новые информационные технологии, это направление работы становится приоритетным в развитии библиотеки. В 2001 году НТБ КузГТУ выигрывает грант Европейского Союза и приступает к работе в международном проекте ТЕМПУС, начинается внедрение современной автоматизированной библиотечной системы VIRTUA американской корпорации VTLS (штат Вирджиния). Внедрение интегрированного программного обеспечения нового поколения с набором пользовательских интерфейсов и многочисленными сервисными программами позволит библиотеке видоизменить весь комплекс существующих технологий и способствовать развитию высококачественных информационных услуг. Идеи Стаса Андреевича обретают плоть и кровь.

Необычный характер Стаса Андреевича и его незаурядная личность особенно ярко проявлялись во время лекций. Помню, как на одной из лекций по информационно-поисковым языкам он рассказал нам о ключевых словах, о том, что эти слова несут наиболь-

шую смысловую нагрузку. В пример привел свою фамилию. Спроси нас:

- От какого слова произошла моя фамилия?
- От слова «сбитень».
- А что это такое?
- Горячий напиток из меда с пряностями.
- Выделите в этой фразе ключевое слово.

Мы наперебой стали перечислять: «мед», «напиток», «пряности». Но все это не давало цельного представления об этом напитке. Стас Андреевич подвел нас к самостоятельному выводу, что только одно слово «сбитень» может заменить всю фразу. Специалисту этого будет достаточно. Для нас этот пример заменил целую лекцию о способе выделения ключевых слов из текста.

С.А. Сбитнев сделал очень многое для развития библиотечного дела в Кузбассе. Нет ни одной библиотеки в Кемерове и в Кузбассе, в которой бы не знали Стаса Андреевича. Во многих он сумел внедрить свои идеи, внес большой вклад в развитие информатизации в библиотечном деле, работал над созданием баз данных, информационного пространства Кузбасса. И первая библиотека, которой он руководил почти 10 лет, является библиотекой в Кемерове, где его идеи полностью осуществляются. Очень жаль, что он буквально несколько дней не дождался до того дня, когда в НТБ КузГТУ, у истоков развития которой стоял он, со 2 сентября 2002 года стала осуществляться электронная книговыдача на абонементе учебной литературы. Это стало реальностью. Воплотилась в жизнь мечта Стаса Андреевича об освобождении библиотекаря от рутинной работы.

До конца жизни его не покидали идеи, он не мог представить себя без любимого дела.

Жизнь ученого и педагога С.А. Сбитнева продолжается в его трудах, учениках, последователях.

Валентина Соколова

Владимир Михайлович Середюк

В памяти механико-машиностроительного факультета, прежде всего кафедры металлорежущих станков и инструментов, Владимир Михайлович Середюк остался светлой личностью с огромной жаждой жизни.

Он родился 3 мая 1949 года в Кемерово.

Его отец, Михаил Васильевич, прибыл сюда осенью 1941 года в составе Ногинского машиностроительного завода. Прошел путь от лекальщика до заместителя директора завода. Мать, Анна Николаевна, много лет проработала на том же Кемеровском механическом заводе. Дружная семья Середюк жила на одной из улиц Новой колонии.

Учился Середюк-младший на твердую четверку, не отдавая до поры до времени явного предпочтения ни одной из дисциплин школьного курса. Однако в старших классах (кемеровская школа № 12) многое изменилось. **Анатолий Белюков**, доцент кафедры отечественной истории, друг Володи Середюка, живший с ним на одной улице, вспоминает: *«Учитель физики Новиков А.Н. своим ярким талантом буквально перевернул сознание Володи, «влюбил» его в свой предмет. Физика, потеснив математику, к которой мой друг был тоже равнодушен, вышла на первый план».*

В десятом классе друзья познакомили Володю с Галей Бурцевой. Началась дружба, выдержавшая, как говорят в таких случаях, проверку временем и переросшая постепенно в настоящее чувство.

Интересно отметить, первым «крупным» подарком Гали была книга Джека Лондона «Любовь к жизни». Эту книгу он перечитывал много раз. Воля, любовь к жизни, проявленные героем американского писателя в чрезвычайных обстоятельствах, отвечали духовным исканиям 16-летнего Володи Середюка.

После окончания школы в 1966 году, очевидно, не без отцовского совета, он поступает на механико-машиностроительный факультет Кузбасского государственного политехнического института (КузПИ).

Началась глубокая вспашка почвы для будущей деятельности. Окунувшись в стихию высшей школы, молодой Середюк постигает ее на «клеточном» (студенческом), уровне, получает профессиональные знания, делает первые шаги в научной деятельности, обзаводится семьей.

Трудно переоценить на этом этапе значение личных контактов с преподавателями. В числе тех, кого он выделял – А. С. Ефименко, зав. кафедрой технологии металлов и деталей машин, А. А. Пога, В. А. Полетаев, А. У. Маргулес, Очевидно, именно А. У. Маргулес, научный руководитель коллективной дипломной работы с активным участием Середюка, предложил ему остаться на кафедре.

С 1 сентября 1971 г. В. М. Середюк приказом № 775 ректора В. Г. Кожевина (личное дело В. М. Середюка, архив КузГТУ) зачисляется ассистентом (преподавателем) кафедры технологии машиностроения.

Володя сообщает новость друзьям, **«... и с гордостью показывает им преподавательскую книжку, в которую он будет ставить студентам оценки!» (А. Белоков).**

Молодой преподаватель читал лекции, проводил лабораторные и практические работы, руководил курсовым и дипломным проектированием, принимал экзамены и зачеты.

В. М. Середюком лично подготовлено большое количество методичек, некоторые из них он печатал дома на собственной машинке с маленькими сыновьями на руках. Желание совершенства в подаче учебного материала и колоссальный труд сделали его мастером методической работы.

В. Ю. Блюменштейн, коллега героя нашего очерка, ныне проректор по научно-инновационной работе КузГТУ, вспоминает: **«Нужно было (как председателю УМК факультета) идти проверять доцента Середюка В. М. Пришел к нему на практическое занятие по резанию металлов, очень сложной дисциплине. Володя спокойно ведет занятие. Ходит по рядам, уточняет задания, смотрит результаты. Все - в режиме активного диалога. У одного студента не получается выявить угол резания у инструмента. В. М. говорит: «Лопату себе представляете?» -**

Да, говорит, студент. «Какие у лопаты углы, за счет чего лопата режет грунт?». Студент рисует лезвие лопаты, необходимые плоскости и находит решение. Далее переходит к заданию и быстро с ним справляется».

Огромна роль В.М. Середюка в пропаганде и продвижении в учебный процесс активных форм обучения: он стал организатором и руководителем центра технических средств обучения (ТСО) КузГТУ. Благодаря его стараниям, 3-я и 4-я лекционные в 3-м корпусе были оснащены телекомплексами: телевизоры, микрофоны, передающие устройства и др. Преподаватели отныне могли читать лекции в микрофон, чертить на планшете, транслируя изображение на экраны телевизоров, демонстрировать учебные фильмы... Для середины 80-х годов это прорыв. Преподаватели ММФ и других факультетов **«...включали в свои программы разделы, связанные с ТСО, подробно, в деталях, описывали методику их использования (В. Ю. Блюменштейн).**

Важную роль в институтской жизни Владимира Михайловича играла научная работа. Им была выбрана сложная тема в области теплофизики процесса резания. Специалистов по данной проблематике в родном вузе не было. Пришлось обращаться за помощью на кафедру металлорежущих станков и инструментов Тольяттинского политехнического института к доктору технических наук, ведущему специалисту в своей области Б. М. Резникову, который и стал научным руководителем аспиранта из Сибири. Работой своего подопечного профессор Резников остался доволен. Его привлекали к себе инженерный талант молодого кемеровчанина, упорство, даже упрямство, в научном поиске, умение ставить и решать в определенной логистике необходимые задачи.

Так, В. М. Середюком на базе созданной им же лаборатории была смонтирована установка, изготовлены термодпары, встроенные в резцы, проведены объемные эксперименты, результаты которых после математической обработки легли в основу диссертации, блестяще защищенной 21.01.1980 года в Ученом Совете Тольяттинского политехнического института.

Особое место в раскрытии личных качеств В. М. Середюка принадлежит кураторству. Просто сказать о том, что он был хорошим куратором – не сказать ничего. Кураторствовал он с первого года работы в вузе. Для своих студентов он был старшим товарищем - добрым, умным, понимающим, в меру строгим, абсолютно

бескорыстным, на которого в трудную минуту можно положиться.

Середюк навещал подопечных в общежитии, ускорял зачистку «хвостов» в сессии, ездил с группами в колхоз на сельхозработы, заботился о том, чтобы студенты побольше заработали, пел с ними бардовские песни у костра, опекал их во время прохождения практики (возил в Тольятти и Светловодск), отвечал на вопросы о жизни, хотя был старше ненамного. Удивительно было то, что Владимир Михайлович поддерживал связь с родителями своих студентов. Жена Владимира Михайловича, Галина Ивановна, рассказывала случай о том, что отец одного студента привез его из Моздока и, отыскав куратора Середюка, сдал тому свое «сокровище» лично в руки.

Закончив институт, студенты не забывали о своем кураторе: звонили на дом, искали встречи со своим старшим товарищем, заходили в гости, когда заболел – передавали приветы, оказывали помощь, печалились.

Жизнелюбие, личностная одаренность В. М. Середюка проявлялись в его общении с коллегами по кафедре - Сергеем Рябовым, Юрием Манохиным, Владимиром Терехиным, Людмилой Сухих, Надеждой Андреевой, Наташей Зыковой и другими. Все они были молоды, легко находили общий язык, выезжали на турбазы и рыбалки, пили вино у костра и пели песни под гитару, вели разговоры о работе, спорили о смысле жизни.

Тяжелая болезнь дважды подступала к нему. В первый раз силой воли и характера, любовью к жизни он заставил ее отступить, во второй раз – сил уже не хватило. Умер Владимир Михайлович Середюк 15 апреля 1994 года.

Его сыновья, Илья и Никита, закончили экономический факультет Кузбасского государственного технического университета. Они стали успешными людьми, поддерживают высокий уровень человеческой памяти о своем отце успехами в жизни: старший, Илья Владимирович - глава администрации Кемеровского района, младший, Никита Владимирович – начальник отдела Холдинговой компании «Сибирский деловой союз».

Анатолий Ковалев

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФИЛОСОФИИ

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВИЧ СОКОЛОВ

В.Д. Соколов родился 11 апреля 1907 года в селе Курба Курбского района Ярославской области в семье священника Дениса Александровича и учительницы начальных классов Ольги Павловны Соколовых.

Очевидно, во второй половине 20-х, он с родителями переехал в Новосибирскую область - город Прокопьевск, где отец стал работать нормировщиком на шахте. Однако сам Володя некоторое время жил у томских родственников, окончил среднюю школу, физико-математическое отделение пединститута и получил первый опыт педагогической деятельности, учительствуя в фабрично-заводской семилетке.

В августе 1931-го Владимир Соколов возвращается в Прокопьевск, преподает в городском комбинате рабочего образования и заведует учебной частью в горном техникуме.

Внезапно открывшаяся болезнь горла заставляет героя нашего очерка переменить профессию: с октября 1936-го по май 1942-го он - сотрудник горноспасательной лаборатории, занимается вопросами обеспечения безопасности шахтерского труда. Но бодрости духа и светлого мироощущения при этом не теряет, демонстрируя творческий потенциал: получает патент на изобретение, связанный с осветительными фонарями в шахте и публикует научную статью по этому поводу. Кроме того, Владимир Денисович активно участвует в художественной самодеятельности коллектива, а исполнение роли Расплюева в спектакле по пьесе А.В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» привлекло к нему внимание со стороны сослуживицы Нины Саборанской, ставшей позже его женой. Чудесное избавление от болезни (как бы само собой) позволило сотруднику горноспасательной лаборатории вернуться к активной работе. С мая 1942 г. он становится штатным лектором Ленинск-Кузнецкого горкома партии, чуть позже - зав. парткабинетом, а в октябре 1944

г. зачисляется в аппарат Кемеровского обкома ВКП(б), где заведует сектором пропаганды и руководит лекторской группой.

Очевидно, именно в этот период времени, Владимир Денисович по-настоящему увлекается философией, осваивает огромный пласт литературы и оттачивает свое лекторское мастерство.

В августе 1956 г. он переводится в штаты кафедры философии Кемеровского горного института. Начинается его деятельность в стенах высшей инженерной школы Кузбасса, продолжавшаяся (с учетом работы почасовиком после выхода на пенсию) более 20 лет: старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой (с мая 1966).

К середине 60-х годов репутация доцента кафедры философии была не просто высокой - он стал духовным гуру. Находясь формально внутри идеологических форматов своего времени, Владимир Денисович привнес в жизнь вузовского социума ощущение свежести обществоведческой мысли. Преподаватели, аспиранты, студенты тянулись к нему с вопросами о смысле жизни, искали человеческого общения.

Сам ректор тогдашнего Кемеровского горного, легендарный В.Г. Кожевин, по воспоминаниям Ю.А. Рыжкова, «провел немало часов в разговорах («умствованиях») со своим лучшим философом, задавая последнему вопросы о самых сложных аспектах морали, культуры, бытия...»

Его характеризовали глубокие профессиональные знания. Обладая феноменальной памятью, он великолепно знал первоисточники, мог вспомнить цитату из любой главы, любого параграфа, точно, своевременно, к месту.

«Однажды, - рассказал нам Э.Н. Вольфсон, доцент кафедры муниципального и государственного управления, - я, юный ассистент, заспорил с Владимиром Денисовичем относительно наличия одной важной мысли на 120-ой странице «Анти-Дюринга», прочитанного мной накануне. Вроде точно помню: «ее» на 120-ой - не должно быть. Пришлось идти в читальный зал, доставать книгу с полки. Я бегло пробегаю текст глазами и торжественно показываю страницу своему оппоненту: нету, нету! Тот же спокойно спрашивает: «А в подстрочнике?». Я перевожу взгляд на подстрочник и вижу снизу страницы, в четвертой сноске то, что стало предметом нашего спора!»

Лекторская манера Владимира Денисовича - блестяще отточенная в формально-логическом плане - по сути сильно напоминала беседу на лавочке возле деревенского дома: он мягко, ненавязчиво и в то же время убедительно, за счет доходчивых примеров из жизни, негромким, хрипловатым голосом вел слушателей по хорошо известной ему дорожке обретения истины. Очевидно, в этом была даже какая-то реинкарнация духа тех проповедей, которые 40 лет назад его отец читал прихожанам на родине князя Андрея Курбского. Сотни людей, взрослых и студентов, на партийных курсах в кемеровском Доме политпросвещения и в аудиториях Кемеровского горного института затихали, ловя каждое слово небольшого росточка человека.

Научному перу В.Д. Соколова было присуще бродило актуальности. Его исследования о превращении науки в производительную силу общества опережали время лет на двадцать. Может быть, именно поэтому и не состоялась его кандидатская диссертация, отклоненная ученым советом Томского госуниверситета, под предлогом присутствия у соискателя степени «избыточного» идеализма. Вместе с тем его труды общим числом 36 нашли своего читателя, а объемные вступительные статьи (совместно с М.Б. Чернобродом) к сборникам документов «Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны» и «Дружба, закаленная в огне», сохранили свое значение для историков и поныне.

Высокие профессиональные качества в сочетании с глубокой порядочностью, даже деликатностью, а также художественной одаренностью натуры - рисовал картины маслом, знал наизусть «Евгения Онегина» - справедливо делали его явлением общественной жизни Кемеровского горного института: на него реагировали, выделяли из общей массы преподавателей гуманитарного цикла.

В его доме по улице Орджоникидзе с выходом окон с западной стороны на памятник Пушкину, по воспоминаниям дочери Татьяны Владимировны (март 2009 г.), «...в выходные и праздничные дни было много людей, приходивших за консультацией по предмету или докладу, житейским советом или просто любителей интересной беседы. Разговоры о вечном и бренном продолжались за полночь».

Ровная приветливость философа Соколова к окружающим имела исключение из правил: особенно хорошо, особенно комфортно ему было в кругу единомышленников, т. н. «Когорты». В

нее, кроме самого Владимира Денисовича, входили: историк М.Б. Черноброд, политэконом Дмитриев А.А. и еще один философ - Якушенко Л.Т. Объединенные крепкой мужской дружбой, они много времени проводили вместе, а летом массово выезжали в Журавли, в дачные домики - к купанию в реке, солнечным ваннам, песчаным отмелям и рыбалке...

Умер Владимир Денисович 17 сентября 1977 года. Дочь его (Чуйкова) Татьяна Владимировна закончила в свое время химико-технологический факультет нашего института, защитила кандидатскую диссертацию и многие годы преподает химию в КемГУ, а ее сын (внук «нашего» Владимира Денисовича), названный дедом в честь своего отца Денисом, инженер-программист, работает в одной из крупных организаций областного центра.

При подготовке статьи использованы: личное дело В.Д. Соколова из архива КузГТУ, воспоминания о нем коллег по работе и родных.

Анатолий Ковалев

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ СУМЕНКОВ

ЖИЗНЬ КАК ПОДВИГ

Профессия библиотекаря считается женской, редко можно встретить библиотекаря-мужчину. Но раньше в библиотеках работали в основном мужчины. Например, на службу в созданную в 1795 году Российскую национальную библиотеку женщин принимали в качестве «вольнотрудящихся». И лишь с 1917 года на штатные должности стали принимать лиц обоего пола.

В библиотеке, вновь созданного в 1950 году Кемеровского горного института работали женщины, но «у руля» стоял мужчина. И какой! Френтовик, защитник Севастополя, статный красавец Стас Андреевич Сбитнев. Спустя полтора десятилетия в женском коллективе библиотеки КузПИ вновь появляется представитель сильного пола, не мене яркий и интересный - Николай Сергеевич Суменков. Жизнь его была насыщенной, эмоционально богатой, он тонко чувствовал страну, любил и защищал ее.

Николай Сергеевич родился 15 августа 1926 года в Омской области в селе Новосергиевка вторым ребенком. Семья Суменковых была многодетной: три девочки и пять мальчиков.

Отец, Сергей Степанович, партийный работник, корреспондент районной газеты, умер рано, когда ему еще не было и 50 лет, по пути домой из командировки в Москву, на станции Можга Ижевской области. Старший брат Василий заменил отца. Мама, Матрена Евдокимовна, одна поднимала детей, все дети выучились, получили образование. Воспоминание о детстве Николай Сергеевич отразил позднее в своих стихах:

Восемь душ, восемь ложек и мисок,
Восемь кружек с парным молоком
И шестнадцать росистых редисок.. ¹

После смерти отца Колю забрала сестра отца, Ксения Степановна, которая жила в Северном Казахстане, в городе Петропавловске, она стала для него второй мамой. Спустя много лет Николай Сергеевич взял

¹ Стихи Н.С. Суменкова были представлены в первом выпуске литературного альманаха «Лист» (2002 год).

ее в свою семью. Ксения Степановна прожила долгую жизнь, умерла в возрасте 95-ти лет.

В школьные годы Николай посещал кружок юных натуралистов, вместе со своими друзьями он хотел сделать Сибирь цветущим садом. Он вспоминал, как на школьном участке закладывали с ребятами сад, выращивали яблони, помидоры, картофель. Проводя эксперименты с растениями, привили помидоры к картошке. Выросли и помидоры, и картошка. Только помидоры были горькие, хотя на вид они ничем не отличались от обычных.

Еще школьником он стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Как вспоминал Николай Сергеевич, в выставочном зале стоял гибрид подсолнуха и астры, выращенный юными натуралистами. Макушку украшал золотистый подсолнух, а по бокам вместо листьев цвели астры. Рядом с подсолнухом-гибридом располагалась фотография Николая. Ему дали грамоту и отправили в Артек, где он познакомился с испанскими детьми.

Николай мечтал стать агрономом, хотел поступать в Омский сельскохозяйственный институт. Но война изменила все планы. Когда все взрослые парни ушли на фронт, он стал комсоргом школы, вместе с другими ребятами собирал посылки на фронт, работал в колхозе.

В 1943 году, после окончания 9-го класса, его призывают в армию и отправляют учиться на авиамеханика. Здесь он получает настоящую армейскую закалку: зарядка, обтирание снегом, жизнь в казарме, учеба в авиашколе, занятия в которой продолжались с 7 утра до 11 вечера. Мальчишки очень уставали, иногда засыпали на уроках. Но желание учиться было огромным, сдавать все предметы нужно было в срок. Курсанты знали, что если они не сдадут физику, то их ближе, чем на 100 метров, к самолетам не подпустят. А они так хотели применить знания на практике.

Тем, кто закончил авиашколу на отлично, предоставлялась возможность выбрать любое место службы. Николай вместе с другими отличниками (их было 8 человек) выбрал фронт. Добирались на фронт, как он вспоминал, на чем могли. Здесь снова пришлось учиться в суровых условиях зимы и сдавать очередные экзамены. С мая 1944 года он служил авиамехаником в 32-м истребительном авиаполку 256-й истребительной авиадивизии 1-го Украинского фронта.

Фронтовые аэродромы, самолеты, уходящие в небо на схватку с врагом, снились Николаю Сергеевичу спустя много лет после войны. Эти воспоминания он запечатлел в стихах.

Седой механик

Ушли «Ильюшины» за фронт.
Осиротело на стоянках.
Глядит на дымный горизонт
Седой механик у стремянки.
Который раз за дни войны
Он провожает в бой пилота
И ожиданием полны
Его тревоги и заботы.
Он лучше сам бы полетел,
Чем ожидать, что скажет время,
Он в бой с врагом вступить хотел,
Уничтожать фашистов племя,
Но в мир войдя в голодный год,
Ел лебеду он вместо хлеба,
И тот ужасный недород
Перечеркнул дорогу в небо.
Не раз внезапно замирал,
Держась за сердце и бледнея.
«Не годен», - доктор написал,
В душе сурово сожалея.
Ползут минуты на часах.
Идут! Идут из боя «Иль»!
И радость светится в глазах
За командиров, сердцу милых.
Он поседел за дни войны,
Их ожидая возвращения ...
Десятки лет спустя те дни
В нем будят гордость и мученья ...

Уже в зрелые годы Николай Сергеевич будет писать стихи о войне, в память о тех событиях, участником которых ему довелось быть.

Вместе с полком он принимал участие в освобождении Западной Украины, Польши, Чехословакии. Участвовал в Львовско-Бродской операции, в сражениях на Сандомирском плацдарме, освобождал Пра-

гу, брал штурмом Берлин. День Победы встречал на аэродроме Хальбаум, недалеко от столицы поверженной фашистской Германии.

Утро Победы

Пропахший махорочным дымом
В звенящем сосновом бору
Подземный блиндаж под Берлином
Гремел от острот поутру.

Победа была где-то рядом,
Вот-вот завершится успех,
И пусть пролетают снаряды –
Сильнее снарядов стал смех!

Вдруг кто-то как пуля ворвался
И замер у самых дверей,
Смех, как струна, оборвался:
- Что? Где? Говори поскорей!
Но тот как-то судорожно-странно
В ракетницу правил патрон,
Глаза как глубокие раны –
В них боли и радости стон...

И вот пистолет наготове.
- Победа... - охрипше сказал,
И это охрипшее слово
Гремело как горный обвал.

- Победа, Победа! По-бе-да!
В мгновенье блиндаж опустел,
А в небе под лесом ракета
Рассыпалась тысячью стрел! ...

После войны Николай Сергеевич продолжил службу в Чехословакии, Польше, затем учился в Рижском военно-политическом училище. Здесь он и познакомился с молоденькой лаборанткой Александрой, которая через год стала его спутницей жизни. В его жизни получилось как в песне, которую любили все, кто был причастен к авиации: «...Первым делом, первым делом самолеты, ну а девушки, а девушки - потом...».

Они познакомились на танцах. Пышноволосяя голосистая украинка из-под города Сумы привлекла внимание Николая. Александра активно участвовала в художественной самодеятельности училища: пела, читала стихи.

Ее юность тоже была опалена войной. До войны Александра училась на филфаке в Харьковском университете, со студенческой скамьи была призвана в армию медсестрой. С Харьковским эвакогоспиталем прошла всю Европу. Обладая прекрасным голосом, она выступала с концертами перед ранеными. В марте 1944 года, когда часть находилась под Будапештом, Александру пригласили солисткой в ансамбль песни и пляски 6-го Гвардейского ордена Суворова кавалерийского корпуса.

Воспоминания о фронтовой юности, общие интересы, увлечение художественной самодеятельностью, посещение театров, прогулки по улицам и паркам Риги сблизили молодых людей. По словам Николая Сергеевича, он женился, «как присягу дал». Присягу на верность жене, семье.

После окончания Рижского военно-политического училища Николай Сергеевича часто переводили с одного места на другое. Бесконечные переезды почти каждые три года. Где только они не жили! Иркутск, Краснодар, Новосибирск, Крымск, Павлодар, Пермь, Камчатка, Семипалатинск. И это, очевидно, далеко не полный перечень. Как все семьи военных, ютились по углам. Николай Сергеевич все время пропадал на службе. А жена растила детей, работала, да еще успевала участвовать в художественной самодеятельности, привлекая к этому и детей. Она была душой любой компании, пела разные песни - украинские, русские и, конечно, военные.

Уже в мирное советское время Николай Сергеевич вновь попадает на войну - во Вьетнам, куда был направлен в 1969 году из Иркутского авиатехнического училища старшим офицером Генерального штаба СССР для разведывательной работы. 13 месяцев он не видел семью, но письма писал каждый день.

Военные заслуги Николая Сергеевича отмечены 2 орденами, многочисленными медалями, в том числе от вьетнамского правительства.

Из Вьетнама советского военного специалиста направили в Кемерово, где он продолжил службу вместе с супругой в Кемеровском высшем военно-командном училище связи. Здесь они, наконец, получили свою квартиру.

После выхода на пенсию в 1971 году Николай Сергеевич нашел себе новое занятие, стал лектором общества «Знание». Он пришел записаться в областную библиотеку, чтобы получать литературу для своих лекций, и увидел объявление о том, что там требуются библиотекари. Так он обрел вторую профессию. В одной из своих заметок он писал: «...человек, понимающий свою задачу, преодолевает все...». Он успешно преодолел задачу, которую поставил сам себе, освоил библиотечное дело и, работая в библиотеке, реализовал себя как лектор.

Ему очень понравилось проводить лекции, беседы, обзоры. В областной научной библиотеке им. В.Д. Федорова он познакомился с Завьяловой Галиной Семеновной, Якушенко Верой Леонидовной, Костенко Надеждой Васильевной, которые в середине 70-х годов перешли работать в библиотеку КузПИ. Николай Сергеевич тоже меняет место работы и устраивается в КузПИ библиотекарем читального зала общественных наук в 5-м корпусе, где он проработал с 11 октября 1976 года по 1 ноября 1988 года.

Как и в областной библиотеке, он проводил беседы, обзоры, вел политические занятия среди сотрудников, был активным участником всех событий. Это были годы активной партийной и комсомольской жизни института и библиотеки, в которой Николай Сергеевич играл не последнюю роль. Вспоминаются многие мероприятия в библиотеке с его участием: теоретические семинары, прием в коллектив новых сотрудников, «Встреча поколений» и другие.

На праздники в особые торжественные дни он надевал военную форму, медали, приходил в библиотеку. Красивый, статный он нравился всем женщинам. Мог долго разговаривать о политике, его интересовало все, что происходило в стране и в мире. В общении был деликатным, обходительным. И зрелым сотрудницам, и молодым девчонкам нравилось общаться с ним, он подкупал своим душевным теплом, добротой, мудростью. Жаль только, что не догадывались расспросить подробно о его жизни.

По-прежнему Николай Сергеевич сотрудничал с городским обществом «Знание», ходил везде, куда бы его ни позвали: в детские сады, школы, в общественные организации, на заводы, выезжал в совхозы. Как вспоминают сотрудники читального зала, после поездок в совхозы и колхозы у него часто было угнетенное, подавленное настроение. Он видел, что сельское хозяйство страны приходит в упадок. Очевидно, помнил свои школьные мечты «превратить Сибирь в цветущий сад», детский энтузиазм юных натуралистов, испытывал сердечную боль от

того, что деревни рушатся, а у молодежи нет особого желания там работать.

В 80-х годах Николая Сергеевича, как уникального лектора Кемеровского общества «Знание», приглашали на Всесоюзные комсомольские ударные стройки. Он выезжал с лекциями в Сургут, Нефтеюганск на агитационном поезде в составе агитационно-пропагандистской группы.

Можно сказать, что до последнего дня своей жизни он читал лекции. Уже накануне смерти, когда Николай Сергеевич был в больнице, в квартире раздался телефонный звонок. Нужно было уточнить время проведения лекции в одной из общественных организаций. На вопрос «Когда придет Николай Сергеевич?» Александра Александровна ответила, что он уже не придет.

После ухода из библиотеки Суменков Н.С. не расставался с вузом. С 27 февраля 1989 по 1 февраля 1991 года работал корреспондентом газеты «За инженерные кадры» вместе с Красносельской Татьяной и редактором газеты Зубицкой Людмилой Викторовной. Николай Сергеевич часто публиковал там свои заметки, стихи. Сотрудничал и с другими газетами («Земляки», «Кузбасс»), делился с читателями своими воспоминаниями о войне: о наступлении на Сандомирском плацдарме, о польских встречах, об освобождении Вьетнама. Описывал, как принимал участие в боях вместе с другими солдатами, будни солдат на аэродромах, которые вместе с фронтом двигались на Запад.

Николай Сергеевич раскрылся как поэт, он обладал даром рифмы, выражая в стихах самое сокровенное, публиковал их на страницах многотиражной газеты вуза. Емугодились знания, полученные на факультете русского языка и литературы Петропавловского пединститута, который он закончил заочно, когда служил в Казахстане.

Когда в октябре 2002 года в университете начала свою работу литературная студия «Лист», Николай Сергеевич принимает в ней активное участие. К тому времени у Суменкова Н.С. уже были опубликованы поэтические сборники: «Я живу в 45-м», «Проснитесь, люди!». В первом сборнике студии под названием «Как нарисовать поющую птицу», посвященном десятилетию преобразования Кузбасского политехнического института в Кузбасский государственный технический университет, опубликованы стихи Николая Сергеевича: «В роще весной», «Весна 1945 года», «Весна все равно идет», «Нынешняя весна», «Утро Победы». В одном из своих стихотворений он пишет:

Он давно не носит автомат солдата,

Но былое в сердце без конца строчит...

Очевидно, что эти строки он писал о себе. Писал стихи о войне, трудных солдатских подвигах, об огромной цене победы, о немецкой девочке, которую спас советский солдат, о женщинах - военных летчицах, защищавших Родину, которые в послевоенное время без устали трудились во имя ее процветания. Посвящал стихи своим погибшим фронтовым товарищам, друзьям: Герою Советского Союза Денисенко Владимиру (погиб 26 апреля 1945 года в воздушном бою, имел 26 сбитых самолетов противника), штурману 32 истребительного авиаполка Шаранда Николаю (повторил подвиг Гастелло), летчику-истребителю 1-й авиационной эскадрильи истребительного авиаполка Денисову Александру и многим другим:

Попала бомба прямо в грузовик,
Когда на мост заехала машина.
Их было 30 в кузове в тот миг,
Лишь одного нашли потом в машине...

Помнил все и всех, призывал живущих сегодня и будущие поколения не забывать погибших солдат:

Но сколько б миру не стареть,
На всех гранитных плитах
В веках присягою гореть:
- НИЧТО НЕ ПОЗАБЫТО!

Как сказала вдова Николая Сергеевича, он много работал, сам печатал свои статьи и стихи на машинке, не вставая порой из-за письменного стола целый день.

Кроме воспоминаний о войне, он писал в многотиражной газете «За инженерные кадры» заметки о жизни вуза, партийной, комсомольской организации, студенчестве и, конечно же, о перестройке. Николай Сергеевич не лишен был чувства юмора, на страницах газеты публиковал свои юморески.

Еще одна грань деятельности Николая Сергеевича - работа в Совете ветеранов. При выходе из штата газеты «За инженерные кадры» он оставался ее внештатным корреспондентом, исполнял обязанности председателя Совета ветеранов КузПИ, а затем был рядовым сотрудником.

Николай Сергеевич и Александра Александровна вместе прожили долгую и счастливую жизнь - 52 года, воспитали прекрасных детей.

Дочь, Валентина Николаевна Шурыгина, кандидат педагогических наук, окончила факультет РГФ Кемеровского государственного университета, осталась работать на кафедре, сотрудничает с институтом имени Гете (Немецким культурным центром им. Гете в Новосибирске). Сын, Сергей Николаевич окончил Омский политехнический институт, пошел по стопам отца, стал военным. Дети обзавелись своими семьями и подарили Николаю Сергеевичу и Александре Александровне двух внуков и трех внучек. Старшая внучка Валюся, как ласково называет ее бабушка, живет в настоящее время в Германии, замужем за испанцем.

Александра Александровна вспоминает, как отмечали золотую свадьбу. Торжественная церемония состоялась в Центральном ЗАГСе, во время которой юбиляры расписались в Книге регистрации Золотых свадеб. Свадьбу организовала дочь, Валентина Николаевна. Было все: венок невесты, свадебный каравай, праздничный кортеж из семи машин, а в конце, как и полагается на свадьбе, застолье. Сначала Александра Александровна противилась этому, но потом была благодарна дочери за праздник.

Через два года после золотой свадьбы Николая Сергеевича не стало. Александра Александровна очень тяжело переживает его смерть до сих пор. Рассказывает, что он очень берег ее, был заботливым, внимательным. Уже когда болел, не соглашался лечь в больницу, боялся оставить ее одну, т. к. у нее в то время были проблемы со здоровьем. Все случилось неожиданно. Александра Александровна сохранила все, как было при нем: вещи, книги, рукописи. Часто перебирает фотографии. Она окружена заботой и любовью, дети и внуки ее не оставляют. Но нет рядом самого дорогого и близкого человека. После его смерти у нее пропал голос, она не может петь, как раньше. Несмотря на свои 87 лет, Александра Александровна написала очень трогательные стихи «Тебе, мой милый, посвящаю». Заканчиваются стихи так:

Опустела без тебя земля,
Как мне дальше без тебя прожить...
Любящая вечно А. А.,
твой верный спутник жизни
на протяжении 52 лет.

Без него она встретила 65-ю годовщину Великой Победы. Для семьи Суменковых 9 мая - самый большой праздник. Как всегда, собрались дети, внуки. Александра Александровна сама накрыла праздничный стол. Вспоминала фронтовые будни, друзей-товарищей и, ко-

нечно же, своего мужа, который пришел к Дню Победы, «пройдя ады солдата трудным маршем».

В молодости мы бываем порой не дальновидны, и только с возрастом начинаем понимать и ценить встречи, подаренные судьбой. Именно такая встреча состоялась в библиотеке КузПИ в середине 70-х годов. Кто-то совсем молодым, кто-то в зрелом возрасте соприкоснулся с Суменковым Николаем Сергеевичем. Оказывается, как мало мы о нем знали! Очевидно, корни этого нежелания знать кроются в прошлом нашей многострадальной Родины, когда боялись сболтнуть чего-то лишнего, не совпадающего с официальной идеологией. Одни не интересовались, а другие не делились своими воспоминаниями.

Изучая очень скудные материалы, написанные о Николае Сергеевиче в печати (большой частью некрологи), встретившись с вдовой, беседуя с теми, кто работал с ним бок о бок, анализируя его поэтическое творчество, приходишь к выводу, что главное качество, которым обладал Суменков Николай Сергеевич - любовь. Любовь к Родине, к людям, к жене, детям, делу, которому он служил. И жизнь свою он прожил на острие всех тех событий, которые происходили в стране, ежедневно совершая подвиг.

В автографе к сборнику стихов «Проснитесь, люди!», подаренному им библиотеке, Николай Сергеевич привел цитату Сент-Экзюпери: «...самое главное глазами не увидеть, нужно уметь видеть сердцем!». Точнее не скажешь. Он сердцем чувствовал всю горечь и страшной войны, и послевоенного лихолетья, и перестроечного, и постперестроечного времени. До конца жизни, как писал в своих стихах, жил в 45-м:

Я седой уже давным-давно.
Видно, годы в этом виноваты...
Сколько их мелькнуло, как в кино!
Но всегда живу я в Сорок Пятом!

В день вхожу как в праздничный парад,
Сердцем чую - будет радость, будет!
Сорок Пятый много лет подряд
В День Победы превращает будни

Валентина Соколова

ТРУДОЛЮБИЕ. ОДАРЕННОСТЬ. НАСТОЙЧИВОСТЬ.

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ АЛЕКСАНДРА ТАШКИНОВА

Герой нашего очерка родился 30 сентября 1941 года в деревне Ключи Чернушинского района Пермской области в семье Сергея Семеновича и Анастасии Агафоновны Ташкиновых, живших нелегким колхозным трудом.

В 1953 году мать с пятью ребяташками (отец погиб на фронте) переехала в город Карпинск Свердловской области, население которого массово работало на угольных разрезах. Две сестры Ташкиновых также трудоустроились в угольную промышленность.

Весной 1959 года перед выпускными экзаменами в средней школе Саша получил письмо от своего старшего брата Алексея, направленного после окончания горного техникума в Кемеровскую область, на Кедровский разрез. Не скрывая восхищения красотами Кузбасса, брат писал о больших перспективах угольной отрасли, звал к себе.

Устоять было трудно. Юный выпускник Карпинской средней школы приехал в августе 1959 года в Кемерово и поступил в горный институт по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых открытым способом».

Не имея производственного опыта, он должен был получить его на одном из предприятий – требование к первокурсникам тех лет. Его направили на шахту № 8 города Прокопьевска. «Очень тяжело давалось совмещение работы и учебы, так как работали мы в полную смену, а занимались по вечерам. Вскоре от этого эксперимента отказались, так как он отрицательно сказывался на учебном процессе» - вспоминал позже Александр Сергеевич («Годы и судьбы. КГИ – КузПИ – КузГТУ». – Кемерово, 2005, с.87).

Жадное насыщение знаниями в студенческие годы не мешало занятиям спортом. Ташкинов старался, имел неплохие результаты в вольной борьбе, но достичь уровня известности Бориса Костельцева, ведущего игрока сборной области по волейболу, не смог – тот орлом взлетал над сеткой, пробивая любые блоки, точно и красиво припечатывая площадку противника мячом.

От праведных студенческих трудов после летней сессии наш герой «отдыхал»... работая на Кедровском разрезе под присмотром

опять же старшего брата. Лишняя денежка карман не тянула, да и нравилось потратить на себя и родных заработанное честным трудом.

После окончания института Александр более года проработал на Коршуновском ГОКе в г. Железногорск - Илимский Иркутской области – тогда вместо диплома выдавали «распашонки» - свидетельства об окончании вуза – и предприятие должно было, испытав выпускника трудовой деятельностью, само определить целесообразность присвоения выпускнику квалификации горного инженера.

Молодой выпускник Кемеровского горного института зарекомендовал себя с хорошей стороны, показав необходимый уровень технической компетенции. Находясь на одном из современных карьеров страны, он получил возможность приглядеться к различным составляющим открытого способа изнутри, увидеть и оценить место каждого компонента. Возник интерес к буровзрывным работам. Захотелось узнать об этом больше и глубже. Вновь были перелистаны страницы студенческих конспектов и вузовских учебников. Постепенно формировалось устойчивое ядро знаний, ставших основой будущего научного интереса А.С. Ташкинова.

В июне 1966 года он приехал в Кемерово в свой первый отпуск. На выходе из главного корпуса после обмена «распашонки» на диплом установленного государственного образца он столкнулся с однокурсником Сашей Воровским. После бурных приветствий и расспросов, как и полагается в таких случаях, последний сказал, что Ташкинова хотел видеть заведующий кафедрой открытых горных разработок Н.Я. Репин.... В легком недоумении Александр поднялся на четвертый этаж. Николай Яковлевич тепло приветствовал своего недавнего студента, расспросил о делах, планах на будущее и сделал предложение, от которого отказаться было действительно трудно: остаться работать на кафедре. Так вот, почти одновременно, решилась судьба героя нашего очерка.

Правда, нужно было еще получить разрешение на увольнение с Коршуновского карьера, но его директор Буров, сам родом из Кузбасса, с пониманием отнесся к сложившейся ситуации.

Второго июля 1966 года началась трудовая деятельность Александра Сергеевича в стенах Кемеровского горного института, продолжающаяся по сей день, почти 44 года.

Первое время пришлось много заниматься организацией научных исследований студентов и аспирантов, выполнением хозяйственных тем по заказам предприятий и отраслевых институтов.

Общение с людьми, работающими в институте, постижение уникальной «архитектоники» высшей школы горняцких кадров Кузбасса дали Александру Сергеевичу понимание особой ценности в ней человеческих отношений.

Помог случай. В конце 60-х годов для проведения научного эксперимента кафедре понадобились «скважинные-шасси». Александр Сергеевич обратился с рекомендательным письмом к начальнику производственного отдела опытно-экспериментального завода СО АН СССР, но получил отказ. Тогда, по совету старших товарищей, он обратился повторно, но на этот раз к директору самого института Т.Ф. Горбачеву, кстати, первому ректору Кемеровского горного. «Т.Ф. Горбачев, - пишет Ташкинов в своих воспоминаниях, - принял меня, расспросил о заказе и немедленно дал распоряжение включить заказ в ближайший план завода. Этот случай еще раз подтвердил мое мнение, насколько крепкими остаются нити, связывающие институт и людей, когда-либо работавших в нем» («Годы и судьбы...», с. 89).

...В общей массе дел аспирантской поры не затерялся и свой личный научный интерес – буровзрывные работы.

В 1968-ом Ташкинов был зачислен в очную аспирантуру, которую успешно закончил в 1971 г., защитив кандидатскую диссертацию. Буровзрывные работы остались его главным исследовательским интересом. Двадцать лет он «карабкался» по «каменистым тропам» науки, чтобы в конце концов достичь ее «сияющих вершин»: в 1991 году была защищена докторская диссертация.

В Представление его к избранию в действительные члены Академии горных наук (2000 год) сказано: «Разработки А.С. Ташкинова внесли существенный вклад в науку и практику введения буровзрывных работ на угольных разрезах и позволили повысить эффективность подготовки пород к выемке за счет рационализации распада взрывчатых веществ, снижения экологической нагрузки на окружающую среду, учета горно-геологических условий и усиления полезной эффективности взрыва» (Из личного дела А.С. Ташкинова).

Результаты его научных изысканий реализованы в учебном процессе – лекционных курсах, практических занятиях, учебно-методических пособиях.

Одна из впечатляющих граней служения героя нашего очерка родному вузу – бескорыстная общественная деятельность: куратор, член профбюро и партбюро горного факультета, председатель головной группы народного контроля, работа в составе факультетских партбюро, зам. ответственного секретаря приемной комиссии и ее ответственный секретарь позже...

Список его увлечений долгое время возглавлял театр. В 1972 году, будучи на повышении квалификации в Москве, он посмотрел 40 спектаклей. А на Таганке был просмотрен весь репертуар, кроме «Гамлета». «Особенно, - рассказывал Александр Сергеевич, - запомнились «10 дней, которые потрясли мир»: над зданием реяли красные стяги, при входе в театр нужно было наколоть билет на штык винтовки; в фойе, где революционные мелодии на баяне играли Б. Щербаков и Б. Хмельницкий, раздавали красные банты. В самом зале – дощатый настил, и артисты по ходу действия плясали на нем, непосредственно общаясь со зрителем».

Научно-педагогическая деятельность Александра Сергеевича Ташкинова в стенах нашего вуза отмечена почетными званиями и наградами: действительный член Академии горных наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник топливно-энергетического комплекса, награжден медалями Трудовой славы 3-й степени, 60 лет Кемеровской области, Серебряным знаком «Шахтерская доблесть», Знаком «Шахтерская слава» 3-х степеней, Почетным Знаком «Честь и слава КузГТУ».

И сегодня он в строю, передает свои огромные знания новому поколению инженеров-открытчиков, консультирует аспирантов, докторантов и производственников.

Анатолий Ковалев

ЗОЛОТОЙ ПРОРАБ ПОЛИТЕХА

КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ ХАРЧЕНКО

*Ветер бросает чет и нечет,
Где-то не зная кручины,
Темный и смуглый выросли парень,
Рядом - дивчина.
В. Хлебников*

Рабочие-путейцы Федор Наледин и Григорий Харченко - дело было в конце 30-х годов прошлого века - с молодых лет дружили семьями. Сближала похожесть характеров, общая работа, да и деваться, пожалуй, было некуда: жили Наледины и Харченко в одном казенном шлакоблочном доме на разъезде, известном в железнодорожном околотке Южного Урала как «казарма». «Казарма» была открыта всем ветрам, зимой ее заносило снегом по окна, зато весной и летом она утопала в зелени.

В семьях появились дети. Харченки, родившие первой девочку, с нетерпением ожидали сына. Их ожидание вольно или невольно передавалось Налединым. И однажды Федор, вернувшись с обхода путей, увидел улыбку на лице соседа. Сразу же с вопросом: «Нормально, Григорий?!» А тот: «Отлично - Константин!»

Константин появился на свет 20 ноября 1938 года. Роды принимала бабушка по матери Ульяна. Она же и нарекла младенца в честь деда и близости имени своего любимого святого - Константином.

На «казарме» прошли первые десять лет жизни Константина. Он рос худеньким, подвижным мальчиком, подставляющим еще неокрепшее плечо под взрослые заботы семьи. В семь лет Костя получил отцовское «спецзадание»: каждый день с мая по август приносить по ведру раков с Троицкой ГРЭС. Заданием отца не тя-

готился, раков таскал с большим удовольствием, о чем часто вспоминал в своей взрослой жизни.

В 1949 году семья Харченко переехала в крупный поселок Федоровка Кустанайской области Казахстана, поселившись в собственном домике с голубыми ставнями. Детей со временем стало семеро - трое мальчиков и четверо девочек. Зарплаты с новой отцовской должности путевого мастера хватало только-только, но семья жила дружно, защитившись в подобных случаях исконно русским - покосами, скотиной, огородами.

Средоточием интересов Кости Харченко стала школа. Учился он легко, с явным предпочтением математике и физике, немного «хромал» русский язык.

Уже с первой четверти в пятом классе стал он глядеть да поглядывать в сторону одноклассницы Любы Кардивар, сидевшей перед ним на второй парте. С седьмого класса вообще взялся провожать девочку в школу и обратно. Гуляли еще в составе большой компании сверстников среди федоровских достопримечательностей. Особенно любили размять молодые ноги по берегу озера Джаркуль в поселковой черте, вблизи плеска волн, камышей, лодок с рыбаками.

Так и выросли они рядом - смуглый паренек тонких черт лица Костя Харченко и стройная, голубоглазая Люба Кардивар.

В конце 1956 года после выпускных экзаменов он принимает предложение своего школьного друга Толи Корнеева поехать в Кемерово: «Там у меня, Костя, дядька живет и Горный институт есть».

Юноши запросто приезжают в Кузбасс и поступают в Кемеровский горный институт: Корнеев - на горный, а Харченко - на шахтостроительный факультет.

С большим желанием и усердием грызет К. Харченко гранит науки, насыщается техническими и гуманитарными дисциплинами. Уже со второго курса приходит уверенность в собственных силах, в том, что выбор профессии инженера-строителя верен. Не останавливает стесненность в материальных средствах: Костя учится «вжиматься» в стипендию, подрабатывает разгрузкой вагонов. Это, кстати, формировало личную неприхотливость. Позже, будучи зав. кафедрой, не любил новых вещей, занашивал рубашки, а галстук после лекции снимал и прятал в карман.

В студенческие же годы был замечен в книгочействе самым образованным человеком Кемеровского горного, преподавателем сопромата Виктором Константиновичем Минятовым, дворянином по происхождению, одарен «Нивой» за 1914 год и отпотчеван пироженками в однокомнатной квартире «профессорского» дома на Весенней.

Триумфальным, для Константина Харченко становится лето 1961 года. Он защищает на отлично диплом, получает приглашение работать в институте и женится на долгожданной Кардивар, с которой все эти годы не терял связи - сердечной и письменной. После свадьбы на родине молодые приезжают в Кемерово и поселяются в общежитии на Демьяна Бедного.

С сентября 1961 по май 1966 года Константин работает ассистентом кафедры сопротивления материалов и строительной механики, поступает в аспирантуру. Отношения с наукой однако не складываются: теоретические изыскания молодого Харченко раз за разом упираются в отсутствие личной строительной практики. Переживания на этой почве, даже невралгия приводят к сильнейшим головным болям. И тогда Костя решительно меняет свою жизнь: уходит из института на производство. Почти три года, с 1966 по 1968 год, он работает прорабом, старшим прорабом в строительном управлении № 4 треста «Кемеровожилстрой».

Прорабство с его фронтовыми буднями - «Обеспечить!», «Достать!», «Сдать в сроки!» - как рукой сняло головные боли бывшего аспиранта, а самое главное - дало ценнейший практический опыт. В конце концов происходит закономерное, «СУ-4» вновь возвращает Харченко к науке.

В 1969 году он становится старшим научным сотрудником лаборатории экономических исследований и научной организации труда Минуглепрома, выполняет ряд ответственных исследований, результаты которых ложатся в основу кандидатской диссертации, защищенной в 1972 году.

А в 1973 году Константин Григорьевич приказом ректора В.Г. Кожевина № 264 от 5 сентября возвращается в Кузбасский политехнический институт на кафедру технологии строительного производства.

Он читает лекции и ведет практические занятия по курсу «Строительная механика», руководит курсовым и дипломным проектированием, активно участвует в выполнении хоздоговорных и

госбюджетных работ по проблеме «Исследование свойств и повышение долговечности строительных материалов». Он автор 46 научных работ, а также учебного пособия, подготовленного в соавторстве с Л.С. Владыко и И.И. Берген.

Своих студентов учил на совесть, не жалел времени на общение с теми, кто «пробуксовывал» по предмету, но тянулся к знаниям на пределе сил. В то же время пресекал расхлябанность и высокомерие, мог жестко и аккуратно «поправить».

Впечатляет общественная активность. Константин Григорьевич был председателем профсоюзного бюро ШСФ, членом методической комиссии факультета, председателем первичной организации общества «Знание», зам. председателя областного Совета НТО СИ и т.д.

С 30 мая 1994 года по 1 сентября 2001 года К.Г. Харченко заведует кафедрой технологии строительного производства. Отражая общие настроения, лауреат Премии Совета Министров СССР в области науки и техники М.И. Диамант отмечал в свое время: «... Умеет ненавязчиво руководить и без нервотрепки организовывать работу коллектива, готов сам много работать, учить и учиться».

Профессионализм, педагогический дар, цельность натуры органично дополнялись в Константине Григорьевиче талантом общения с людьми. За многое был ценим К.Г. Харченко - открытость и доброжелательность, душевную сердечность, отменное жизнелюбие и чувство юмора.

Однажды - эта история есть в устных «святцах» кафедры - Константин Григорьевич, принимавший экзамен, заметил у студента на среднем ряду длинную шпаргалку, торчащую из кармана. Он подошел и говорит: «Достанет шпаргалка до стены - получишь четыре. Студент: «Нет, Константин Григорьевич, если на то пошло - ставьте «пять». - «Это еще почему?» - удивился экзаменатор. «А моей шпаргалки, - поясняет студент, - до деканата хватит!»

В своей речи и кулинарных пристрастиях он хранил остатки родины своих предков - отдельные фразы произносил певуче и налегал на борщ и сало. Был страстным грибником. Однажды вместе с внуком «наломал» 16 ведер опят, обременив жену каторжной работой по их чистке, варке и засолке. Его любимым автором был А.П. Чехов, из которого он в известной житейской ситуации повторял фразу: «Что есть? Что есть?» - «А что подадут, то и будешь»

есть!». Любил тихонько напевать из «Земли Санникова»: «Прозрачно все...» и т. д.

К.Г. Харченко, высмотревший свою судьбу зоркими глазами еще в пятом классе Федоровской десятилетки, был счастлив со своей избранницей в жизни. «Любаша сказала», «Любаша приготовила»... - он не скрывал своей нежности к жене и за пределами квартиры. Семья для Константина Григорьевича была альфой и омегой бытия, он не щадил себя в труде ради ее благополучия.

Дети Любаши и Кости, Ольга и Сергей, закончили инженерно-экономический факультет нашего вуза, выросли достойными людьми, работают в настоящее время на благо Кузбасса, ставшего когда-то второй родиной их замечательного отца.

Умер Константин Григорьевич от тяжелой, скоротечной болезни 16 декабря 2003 года. Однако свет и тепло личности К.Г. Харченко простерли свои лучи далеко за пределы его жизни.

Анатолий Ковалев

ИСТОРИК, ПОПЕЧИТЕЛЬ КУЗБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРНОБРОД

Старые мастера

У нескольких поколений студентов химико-технологического факультета Кузбасского политехнического института - Кузбасского государственного технического университета одно лишь произнесение имени историка Черноброта сравнимо с включением главного рубильника мощной электростанции - мгновенно, ярким светом освещаются, казалось бы, самые забытые, давно отступившие в тень, подробности учебы на первом курсе. Ходят легенды о его лекциях и семинарских занятиях, требовательности на экзаменах и строгости на переэкзаменовках, счастливых, попавших под его попечительство и неудачниках - «штрафниках», угодивших под «государеву грозу».

Игорь Михайлович родился 10 сентября 1941 года на станции Удельное Раменского района Московской области. Его отец, призванный в армию в первые дни войны, погиб при обороне Москвы, еще до рождения Игоря. А мать, Элла Исааковна, с сыновьями, Борисом и Игорем, была эвакуирована в глубокий тыл.

В 1948 году Игорь пошел в первый класс кемеровской средней школы № 4. Учился он, по воспоминаниям Л.А. Шевченко, школьного друга, сидевшего с ним за одной партой, «хорошо, успевал по всем предметам, однако к истории проявлял особую склонность. По крайней мере, историк Владимир Александрович Павловский выделял Игоря за успехи в изучении своего предмета».

Гуманитарная одаренность нашего героя крепла в атмосфере семьи - его второй отец, Черноброт Михаил Борисович, заведующий кафедрой истории КПСС Кемеровского пединститута, был заметной фигурой в научной, интеллигентской среде Кемерова. Частенько, по вечерам и праздникам, к нему на чашку чая «забрели» философы Л.Т.

Якушенко и В.Д. Соколов, политэконом А. Дмитриев... В атмосфере разговоров видных представителей общественно-политической мысли областного центра 50-х-60-х годов прошлого века подрастал наш герой.

После окончания школы в 1958 году, он поступил на историко-филологический факультет Кемеровского государственного педагогического института. В 1963 году зачисляется в очную аспирантуру Томского госуниверситета. За три года сдал кандидатские экзамены, собрал материал для кандидатской диссертации, опубликовал ряд статей в научных сборниках.

С третьего мая 1966 года начинается трудовая деятельность Черноброта в Кузбасском политехническом институте - преподавателем кафедры истории партии.

Очень быстро поняли: способный, пришел надолго и всерьез, по всем направлениям пашет глубоко. Через пять лет на кафедре и институте в негласном рейтинге шел молодым талантом, а еще через пять, к середине 70-х годов, имел устойчивую репутацию одного из лучших лекторов в городе и области.

Помню разговор в 204-й комнате по улице Васильева 20 «б». Дело было в 1976 году. Я учился тогда на историческом факультете Кемеровского университета. Однажды в нашей компании возникла тема оскудения лекторских талантов. Узнав от Круссера о профессоре Московского университета Т.Н. Грановском (славянофилы и западники), чьи лекции собирали большие аудитории (студенты набивались в них как сельди в бочку), мы склонились к мнению об остром дефиците мастеров такого уровня.

И вдруг наш общий товарищ, Сергей Кравченко, говорит: «Подождите, подождите... Слышал я, один парень из политеха лекции здорово читает. Кажется, Черноброт его фамилия».

Работая с августа 1981 г. преподавателем кафедры истории рядом с И.М. Чернобротом, я имел возможность много раз убедиться: лекции он читал действительно здорово.

Игорь Михайлович знал, как увлечь и чем заворожить слушателей. Рабочий «инструментарий» сложился постепенно, по мере накопления личного опыта и опоры на творческие заимствования - постоянное общение с зубрами лекторской группы обкома партии - В. Астафьевым, Я.Н. Елуниным, В.П. Карогодом, Б.И. Берлинтейгером - дорогого стоило.

Лекции Черноброта отличались безупречной логикой построения, насыщенностью актуальной фактологией, новаторской подачей

анализируемого материала. Сквозь идеологические форматы (а это было время окостенения марксистской теории) молодой преподаватель из политехнического умел пробиться к душам людей свежей мыслью, удачным обобщением, ярким стилистическим приемом. Как вспоминает доцент кафедры государственного и муниципального управления Э.Н. Вольфсон, хорошо знавший Игоря Михайловича по совместной работе, «Сила лектора Черноброда состояла еще в том, что он увлекал слушателей силой своих убеждений. Трудно было не поверить в то, что он говорил». Опять же ораторское искусство - Игорь Михайлович обладал властью над словом. Даже в минуты гнева (были такие) ни на секунду не тушевался, не дрожал голосом, нарезая фразы и смыслы - словно по лекалу.

В учебно-педагогической деятельности Игорь Михайлович был профессионалом самого высокого класса. (Слово «профессионал», кстати, по частоте употребления стояло на одном из первых мест в его лексиконе). Со временем освоив мудрости преподавания истории (на это ушло не менее восьми лет, по его более позднему признанию), приобретя необходимый опыт, он стал настоящим мастером учебного процесса. Все формы работы были ему подвластны, в каждую вложено максимально возможная серьезность и ответственность.

На семинарских занятиях тщательнейшим образом конспектировались и анализировались первоисточники (документы и материалы) - приснопамятные, марксистские: «Манифест...», «Что делать», «Две тактики...», «Детская болезнь...»; и - с начала 90-х годов - классические, по русской истории: «Русская Правда», «Духовная Грамота Ивана Калиты», «Соборное Уложение», «Жалованная Грамота дворянству» и др. Экзамены Игорь Михайлович превращал в «праздник со слезами на глазах» в прямом смысле этого слова - у сдавших распирало грудь от радости, а неудачники, выплакавшись (тоже в прямом), готовились к знаменитым пересдачам. В одной из его групп, где я был на замене в марте 2007 года, меня уверяли, что кто-то из лузеров, попавших под его горячую руку, пересдавал историю 24 раза. « На просьбы коллег более снисходительно отнестись при приеме зачета или экзамена к тому или иному студенту, имеющему какие-либо заслуги перед факультетом или вузом, неизменно отвечал: «Пусть приходит, и через какое-то время он (она) обязательно будет знать предмет хотя бы на тройку». Ставить оценку за заслуги, не относящиеся к предмету, было не в его правилах» (из воспоминаний С.Д. Евменова).

Поэтому предмет студенты Игоря Михайловича знали хорошо. Так, в 1995 году сборная технического университета, составленная в основном из химиков, заняла первое место на областной олимпиаде по истории. Первыми студенты химико-технологического факультета были и на внутривузовских олимпиадах в период с 1995 по 1998 год.

К подготовке своих «олимпиоников» Черноброд относился настолько тщательно, что складывалось впечатление: предполагается высадка на Луну. На консультациях исподволь внушалась мысль «Мы - лучшие!», перед стартом составы (один - запасной) подкармливались шоколадками. Комиссию по подведению итогов в этот вечер, примерно с 18 до 20, несколько раз «бодрили» телефонными звонками с чернобродовской квартиры, собственно говоря, мешая, итоги эти нормально подвести: «Как там химики?!», «Когда будут готовы результаты?!». И вот итоги: химики - первые! Кафедра облегченно вздыхала - как минимум неделю ее заведующий будет в прекрасном настроении.

Сорок четыре года он работал на химико-технологическом факультете. Было ли это следствием тех незабываемых ощущений, которые он, вчерашний аспирант, получил, придя на свой первый семинар в группу химиков, сказать трудно. А может в этом потаенно пульсировала боль от незащищенной кандидатской диссертации, посвященной химической промышленности Западной Сибири в годы семилетки? Так или иначе, с факультетом Игорь Михайлович сросся, сроднился, стал его патриотом. Он постоянно находился в тесном контакте с руководством факультета, опирался на его помощь, координируя свои действия в улучшении учебной и воспитательной работы. «Какие бы трудности не возникали, - вспоминает нынешний декан ХТФ Т.Г. Черкасова, - всегда можно было положиться на поддержку Игоря Михайловича. Он вникал во многие проблемы, знал все и вся. Помнил о важных событиях, юбилеях и никогда не «опаздывал» с поздравлениями. Его советы нам очень помогали».

В истории вуза Игорь Михайлович - пример самого успешного «хождения» историка, обществоведа во власть: мнение Исполнительного директора (1994 - 2010) звучало весомо при принятии всех решений, касающихся настоящего и будущего технического университета.

В нем рано проснулась тяга к попечительству («содействие», «благодетельство», «помощь»). Уже в сорокалетнем возрасте он берет под

свое покровительство молодых преподавателей. Хорошо помню, как в первом семестре 1981 - 1982 учебного года он часто собирал нас, тогдашних «рекрутов» кафедры - меня, О. Ведьмина, С. Ештокина, Н. Гаврилову, Л. Евдокимову - и учил вдумчивому прочтению первоисточников, живописал схватки В.И. Ленина с «легальными марксистами», рассказывал о бабушке русской революции Брешко-Брешковской, об Эдуарде Бернштейне с его знаменитым «Движение - все, конечная цель - ничто»...

Но в полной мере попечительский талант Игоря Михайловича развернулся в должности Исполнительного директора Совета Попечителей Кузбасского государственного технического университета, созданного в апреле 1994 года. Трудно переоценить на этапе становления абсолютно новой для вуза структуры значение личных, дружеских связей Чернобрда с выпускниками КузПИ, руководителями Российской угольной компании Ю.Н. Малышевым и В.Е. Зайденваргом. Был сформирован и механизм реализации принимаемых решений по практическому оказанию помощи университету - через специально созданную строительную фирму «Густрэм-инженеринг», руководимую специалистом высокого класса, сербом по национальности, Мирко Драгашем.

Консолидировав усилия администрации области, «Росугля», руководителей промышленных предприятий по спасению технического университета (а вопрос тогда стоял именно так), удалось в достаточно короткие сроки (1995 - 1998 гг.) выполнить большой объем строительных работ: отремонтировать главный корпус (фасад, кровля, вестибюль), читальный зал библиотеки, зал заседания Ученого Совета, мужские и женские комнаты во всех учебных корпусах. И в последующие годы ремонтно-строительное направление в деятельности Совета попечителей продолжало крепнуть.

Одновременно развивались и другие направления благотворительной деятельности. Так, преподаватели кафедры истории России С.А. Ковалевский, В.А. Бутьян, Д.Н. Белянин, Р.С. Бикметов и другие получили возможность издать монографии. Литературная студия «Лист» технического университета, руководимая А.В. и В.Л. Правда, ежегодно при содействии Совета Попечителей, выпустила 7 сборников стихов и прозы студентов и преподавателей КузГТУ. Попечительствовал Игорь Михайлович хору студентов химико-технологического факультета. Огромен вклад Чернобрда в организацию концертов симфо-

нического Губернаторского оркестра Кузбасса в стенах технического университета, которые уже стали традицией.

Работа в должности исполнительного директора Совета попечителей дала ему возможность реализовать несколько крупных творческих проектов, среди которых на первом месте - полная систематическая письменная история технического университета (КузГТУ: Страницы истории. 1950-2010 гг. - Кемерово. 2000, 2002, 2010). Организовав работу большого исследовательского коллектива, Игорь Михайлович лично вложил пером в подготовку книги. «КузГТУ сегодня, - писал он, - это общность людей, имеющая культурные, духовные, научные и чисто человеческие измерения. Глубинная связь данной общности с Кузбассом» (КузГТУ: Страницы истории...с. 265).

Высокие профессиональные качества историка Черноброда периода работы в Совете Попечителей подтверждены также подготовкой книг, посвященных ректорам КГИ – КузПИ - КузГТУ - В.Г. Кожевину, М.С. Сафохину, В.В. Курехину. Им инициировано проведение научных конференций, получивших общественный резонанс: «Октябрь 1917 года и судьбы России», «Уроки Афганистана», «Кузбасс на рубеже веков», «В.И. Ленин. Личность в контексте эпохи» и др.

В обычной жизни («структурах повседневности») Игорь Михайлович был семьянином, любил свой дом и всячески его благоустраивал; ценил хорошую кухню, лично хаживая на центральный рынок за продуктами, обладал «раблезианским» аппетитом, в молодые годы в компании с товарищем по политехническому Л. Азархом за вечер мог легко «откушать деревенского гуся» (из воспоминаний А.Д. Трубчакина); в одежде был по-хорошему консервативен, предпочитая классику, костюмы и пальто носил подолгу. Имел привязанность к вещам. Среди «любимчиков» - большой черный портфель и норковая темно-коричневая шапка.

Реагировал на юмор, в определенных случаях сам мог «генерировать» его. Самое смешное, что мне удалось услышать от Черноброда, это: «Человек аппарата - не человек» (о разложившейся бюрократии последних лет жизни Брежнева) и «Пусть наш курятник будет яйценосным!» (таким призывом Игорь Михайлович завершил однажды выступление на партийном собрании, призвав обществоведов политехнического быть эффективными в работе). Рассказывают еще, что в начале 80-х, читая спецкурс о вождях Октябрьской Революции, Игорь Михайлович так вошел в образ одного из них, что на звонки друзей, отвечал: «У телефона - Троцкий!».

Смерть И.М. Черноброда 1 июля 2010 года стала потрясением. Трудно, невозможно в первые минуты и часы было поверить в то, что не стало человека, еще физически здорового, работающего по 12 часов в сутки, ставшего знаковой фигурой, брэндом кафедры истории, химического факультета, университета последних сорока лет.

Иногда, по дороге из пятого корпуса в первый, на лекцию, увижу на расстоянии какую-нибудь фигуру и невольно вскинусь взглядом - кажется, он идет навстречу: тот же неторопливый шаг, размеренность походки, серьезное выражение лица, внимательный взгляд из-под очков...

Анатолий Ковалев

ВЕРА ПЕТРОВНА ШУРАНОВА – СВЕТЛОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

*Кто б ни был ты, но, встреться с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.
Ф. Тютчев*

Вера Петровна Шуранова родилась 29 сентября 1922 года в деревне Демидово Кесовогорского района Калининской области в крестьянской семье. Петр и Клавдия Щербаковы, отец с матерью, и их семеро ребятишек, не бедствовали, но все это оплачивалось тяжким трудом в поле и по домашнему хозяйству. На подворье семьи всегда теснилось не менее 20 овец с ягнятами, корова с телятами, свиньи, требовавшие ежедневного приложения всех сил семьи, в том числе детских. Зато на столе был крупеник на вкусных овечьих шкварках, «яблочница» - картофельное пюре, запеченное в русской печи, и вдоволь молока с хлебом.

Рано проснулась тяга к знаниям. Вера была лучшей ученицей - сначала в семилетней школе, а позже - в Бежицком педучилище. Имена же учителей истории помнит и сегодня: Пузырев Дмитрий Владимирович и Сергеев Василий Сергеевич. Благодаря им формировался интерес к истории, складывались направления поиска жизненных смыслов.

В августе 1940 года Вера Щербакова приезжает в Ленинград и успешно сдает вступительные экзамены на исторический факультет педагогического института имени А.И. Герцена. Учиться почти в столичном вузе, жить на Мойке рядом с квартирой-музеем А.С. Пушкина - это было похоже на сказочный сон.

Незаметно пролетел первый курс. В июне 1941 года Вера приехала к родителям на каникулы. Через неделю, 22 июня, началась война.

Вера решает возвратиться в Ленинград. Город менялся с каждым днем, с каждой неделей. Коллектив пединститута был эвакуирован, в его здании разместился госпиталь. Вера пошла в него работать. Постепенно стал ощущаться голод. Особенно заметно - после пожара на бадаевских продовольственных складах в сентябре 1941 года. Продовольственный паек сразу же уменьшили наполовину. Помог случай: в конце ноября - начале декабря она была вывезена на машине по льду Ладожского озера.

Где сама, где с помощью добрых людей добралась-таки до матери. Изголодавшись, намерзнувшись в пути, она вошла в родительский дом и воскликнула, увидев хлеб на столе: «Неужели это никто не съел?»

В 1942-1946 годы Вера Щербакова учительствует на селе, ведет «все», заканчивает заочно исторический факультет Калининского пединститута и становится слушателем Высшей комсомольской школы в Москве.

Здесь она встречает рязанского парня с открытым взглядом серых глаз, симпатичного Николая Шуранова, тоже слушателя Высшей школы. Молодые люди понравились друг другу, соединили свои судьбы и, поработав некоторое время по направлению на Сахалине, переехали в Кузбасс.

Николай Павлович Шуранов в 50-70-е годы прошлого века работал в партийных и советских органах Прокопьевска и Кемерова, постепенно все больше и больше сосредотачивается на научной, вузовской работе. Он защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал признанным авторитетом в области изучения истории России.

Вера Петровна занимала ряд ответственных должностей в комсомольских и партийных органах, защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом Кемеровского пединститута.

В январе 1975 года, будучи проректором по вечернему и заочному обучению КГПИ, В.П. Шуранова получает предложение тогдашнего ректора Кузбасского политехнического института В.Г. Кожевина возглавить кафедру истории КПСС. «Конечно, - рассказывала Вера Петровна автору этих строк, - было опасение, справлюсь ли. Вуз считался мужским, суровым».

Предложение Кожевина имело внутреннюю подоплеку. После отъезда в Москву зав. кафедрой, доктора исторических наук В.А. Кадейкина коллектив кафедры лихорадило. Естественная смена поколений сопровождалась борьбой мелочных амбиций, болезненных самолюбий. Как вспоминает исполнительный директор Совета попечителей И. Черноброд: «Заседания кафедры длились по 5-6 часов. Шла говорильня с растратой миллионов слов по ничтожному поводу с ничтожными результатами».

Появление Веры Петровны сразу оздоровило обстановку. Ровным, корректным отношением ко всем своим коллегам, без деления на любимцев и изгоев, точным распределением обязанностей среди кафедралов, введением процедур обсуждения вопросов в разумное русло она внесла спокойствие, погасила тлеющие конфликты. Сразу же получили возможность продуктивно реализовать свои идеи молодые преподаватели - Т. Кузнецова, Н. Романенко, А. Белюков, В. Брель, И. Черноброд.

Кафедра истории стала быстро возвращать себе коллективистские качества, занимать первые места в социалистическом соревновании среди обществоведов, вырос в целом ее общий вклад в дело подготовки инженерных кадров. Не случайно В.Г. Кожевин, сдавая «хозяйство» М.С. Саfoxину, прощаясь с внутривузовскими коллективами, сказал на одной из встреч, что открытие читального зала гуманитарных наук и приглашение Веры Петровны лучшие из его последних ректорских дел.

Как человек, преподаватель В.П. Шуранова располагала к себе с первого взгляда, с первого слова, произнесенного ею в общении. Среднего роста, темноволосая, с лицом - эталоном неброской женской красоты средней полосы России, тщательной ухоженностью в одежде, умением простой ниточкой бус оттенить достоинства своей фигуры, очевидные даже не очень внимательному взгляду, она производила сильное впечатление.

Уровень эстетических представлений Веры Петровны о человеке, пусть отчасти идеалистический, был столь высок, что ее интеллигентность и прекраснодушие ошеломляли, и все, вольно или невольно, студенты, коллеги по работе, старались внутренне подтянуться, соответствовать ему.

Деятельность В.П. Шурановой в нашем вузе, включая работу почасовиком после выхода на пенсию, продолжалась до 1996 года и была закончена в 73-летнем возрасте. Причины столь завидного

долголетия - в системе ценностей, заложенных родителями, учителями, всем ходом ее жизни, - трудолюбии, порядочности, постоянной жажде движения вперед, честном исполнении своего долга перед людьми.

Большое место среди вышеперечисленных основоположений принадлежало семье. Вера Петровна была хранительницей домашнего очага, берегиней своих близких. В семье, в стенах дома гасились волнения внешнего мира, улегались тревоги рабочего дня, накапливались свежие силы...

В атмосфере любви и согласия между родителями, профессиональными историками, подрастали дети. Дочь Лена уже в раннем возрасте пыталась читать К. Маркса, но 100%-й «историзации» семьи Шурановых и попаданию на этой основе в Книгу рекордов Гинесса «помешал» сын Сергей, ставший известным джазовым музыкантом со столичной пропиской. Лена же с дороги родителей не свернула, защитила кандидатскую диссертацию, успешно работает над докторской.

Автор очерка беседовал со своей героиней в январе 2003 года. Перед ним сидела уже немолодая женщина, со следами, как говорят в таких случаях, прожитых лет на лице. Но по-прежнему с ясной речью, прекрасной памятью и глазами, в которых не угасал искренний интерес к жизни.

Умерла Вера Петровна 31 марта 2012 года на 90-м году жизни, пережив своего дорогого Николая Павловича на три года.

Анатолий Ковалев

ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ.

МИХАИЛ КИРСАНТЬЕВИЧ ЦЕХИН

Родился М.К. Цехин 18 февраля 1920 г. в сибирском селе Соль-Заводское, что в Тасеевском районе Красноярского края. Жители села зимой добывали соль, складировали, а весной сплавливали до окрестных селений «по высокой» воде быстро мелеющих летом речек. Отец Михаила Кирсантьевича был мастером, который строил барки и сплавливал в них соль.

Миша из пятерых ребятишек был старший и в свободное от учебы время помогал отцу строить барки.

Жернова, перемалывавшие судьбы многих миллионов невинных людей в 30-е годы уходящего столетия, не обошли стороной и эту трудолюбивую семью. В 1932 г. отца и остальных членов семьи погрузили на баржи и по Енисею сплавили в северный порт - г. Игарку. И здесь Миша продолжал отлично учиться, активно участвовал во всех школьных мероприятиях, особенно любил дальние лыжные переходы. Светлые воспоминания тех лет у него связаны с челюскинцами. В 1934 г. он встретился с прибывшими в г. Игарку руководителем экспедиции на пароходе «Челюскин» О.Ю. Шмидтом и одним из первых Героев Советского Союза, спасавших челюскинцев со льдины, летчиком В.С. Молоковым. М. Цехину в числе отличников и пионерских активистов поручалось повязать пионерский галстук легендарному О.Ю. Шмидту.

Школу он закончил с отличными оценками и был оставлен преподавателем математики и физики - предметов, которые он любил и хорошо ими владел.

В 1937 г. отца арестовали и вскоре расстреляли, о чем семья узнала много лет спустя, когда отца полностью реабилитировали. Однако мрачная тень того периода многие годы лежала на детях и

близких родственниках отца. На военную службу его призвали в 1942 г., когда сверстники уже участвовали в событиях Великой Отечественной войны. Призывников, прибывших из г. Игарки пароходом в г. Красноярск, направили на запад, а его - в трудармию с пребыванием в г. Анжеро-Судженске. Через год от шахты 9/15 Анжерского рудника его направили учиться в Донецкий индустриальный институт, который находился в эвакуации в г. Прокопьевске, а после скорого возвращения вуза в освобожденный от немцев Донецк, он перевелся на горный факультет в Томский политехнический институт. Избранный секретарем бюро ВЛКСМ ГФ ТПИ он много внимания уделял организационной и воспитательной работе с комсомольцами - в спортивно-оборонной их подготовке, строительстве студенческих общежитий, в учебе. Еще студентом был принят в члены КПСС.

Общественная активность М. Цехина была замечена в институте, и по окончании его с отличием в 1948 г. он был оставлен в должности ассистента на кафедре разработки рудных месторождений и одновременно избран секретарем комитета ВЛКСМ ТПИ и членом Томского горкома ВЛКСМ. На комсомольской работе с огромным коллективом студентов, продолжившейся около 4-х лет, раскрылся талант М. Цехина как умелого воспитателя и организатора, который использовался им в последующей педагогической и общественной деятельности.

В 1951 г. М.К. Цехин переводится на должность старшего преподавателя и серьезно начинает заниматься научной работой. Он несколько лет практически не выезжает из г. Прокопьевска, проводит эксперименты на многих шахтах, ищет пути повышения темпов проведения подготовительных выработок по крепким породам, особенно в области совершенствования наиболее трудоемких буровых работ. Он исследует режимы бурения, вносит коренные изменения в конструкцию колонковых сверл, применяет мокрое бурение, что важно для подавления пыли в забое. Скорости бурения шпуров по крепким породам модернизированными им колонковыми сверлами повышены в 2-2,5 раза. Их быстро и широко стали внедрять на шахтах Кузбасса.

М.К. Цехин также является пионером внедрения на шахтах более безопасного и эффективного короткозамедленного способа взрывания шпуров.

Установленные им закономерности по режимам бурения крепких пород легли в основу кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1955 г.

Позже стало известно, что наряду с трудами других ученых ТПИ «фундаментальные труды доцента М.К. Цехина были использованы для создания автоматических устройств для бурения скважин на луне», о чем писал академик О.Д. Алимов в своих воспоминаниях в газете ТПУ «За кадры» № 5 от 13.04.1999 г.

И что самое примечательное, о чем пишет О.Д. Алимов, «попытки решить эти задачи с привлечением столичных ученых не увенчались успехом».

В 1957 г. М. К. Цехин избирается доцентом и назначается заместителем декана горного факультета ТПИ.

В 1962 г. в составе совместной комиссии ТПИ и КГИ он провел большую организационную работу по переводу ГФ ТПИ и кафедры разработки рудных месторождений в Кемерово. Этой кафедрой он заведовал в течение последующих 11 лет. На этой должности он много внимания уделяет совершенствованию учебного процесса, в частности организации выполнения комплексных дипломных проектов, заканчивающихся изготовлением моделей.

Была развернута под его руководством научно-исследовательская работа по совершенствованию технологии добычи руд на Салаирском полиметаллическом руднике. К этим исследованиям были подключены все преподаватели, аспиранты кафедры и многие студенты.

В результате многолетних исследований были получены новые данные по структуре рудного массива, которые позволили теоретически объяснить большой выход негабаритов при выпуске руды из блоков. Разработанные и внедренные способы расположения скважин в блоках, массы зарядов и очередность их взрывания позволили сократить до минимума выход негабарита и значительно повысить эффективность горных работ на руднике.

В 1974 г. М.К. Цехина, как одного из опытных воспитателей, избирают деканом заочного факультета, где он трудился до 1982 г.

Многие годы он был членом диссертационного совета, исполняя обязанности ученого секретаря, выполнял многочисленные другие общественные поручения.

За успехи в педагогической, научной и организационной деятельности он многократно награждался Почетными грамотами, за-

носился в Книгу почета, отмечен медалью «Ветеран труда». Но самая большая награда - это благодарность его учеников. Многие из них стали крупными руководителями объединений и рудников (Т.П. Байдин, В. Ефимов, А. Дрон, Ю.Н. Попов), учеными (д.т.н. Г.И. Садовский, А.А. Ренев), общественными деятелями (П.Я. Слезко, В.П. Цареградский, В.И. Бедин).

Герой очерка - основатель династии преподавателей Цехиных, которые верой и правдой служили и служат нашему университету: сам Михаил Кирсантьевич, его жена Мария Федоровна, более 20-ти лет отработавшая в отделе комплектования НТБ; сестра Галина Кирсантьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории (ныне живет в Москве); дочь Светлана Михайловна (Бугрова), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации машиностроительной промышленности, зам. декана ИЭФ; сын Александр Михайлович, кандидат технических наук, доцент кафедры горных машин и комплексов, зам. декана ГЭМФ.

В 2001 г. кандидатскую диссертацию защитил внук Михаила Кирсантьевича (сын А.М. Цехина) Андрей, работавший на кафедре металлорежущих станков и механизмов.

Всего в общей сложности династия Цехиных в трех поколениях имеет стаж работы в вузе более 150 лет.

Юрий Рыжков

Смешные истории

У кассы, или как декан Богомолов доцента Ковалёва удивил

Первого июля 2002 г. выдавали отпускные. Суммы получились солидные, поэтому я был наряжен кафедрой в «караул» для охраны общественного кассира. Стою я, словно секьюрити из кинофильма «Телохранитель». Народу же мимо кассы по коридору в главном корпусе ходило много и шумно, что отвлекало меня, мешало сосредоточиться на подсчете, сколько дадут, выходило почему-то сильно меньше, чем требовалось для беззаботного летопроживания. Нервы мои, естественно, играли, как русская балалайка.

Краем глаза вижу, как ко мне с сияющим лицом направляется человек внешности пана Володиевского из одноимённого романа Г. Сенкевича, только постаревший лет на 20. Ба! Это же декан горно-электромеханического факультета Богомолов собственной персоной! Он подходит почти вплотную, крепко жмёт руку и говорит: «Поздравь! Мой сын у тебя историю сдал!»

- «Поздравляю!» - говорю.

- «Сидел у окна в первом ряду за четвёртым столом, всё списал и сдал на «четыре!» - продолжает Игорь Дмитриевич.

- «Толковый хлопец, - отвечаю я опять Богомолову. - Обычно на четвёртой у окна у меня больше чем на тройку никто и не списывает».

Как дрозды профессора зауважали

Дрозды обнаглели. Словно эскадрилья «Лафайет» из бездонной сини неба пикировали они на грядки спелой клубники. А потом важно расхаживали, выклевывали ягоды и нахально поглядывали в сторону хозяев: знай, дескать, наших!

И.Д. Богомолов, профессор кафедры горных машин и комплексов, чего только не делал: чучело снарядил, сына в дозор снаряжал, жену заставлял руками хлопать - дроздам хоть бы хны!

Тогда Игорь Дмитриевич, Заслуженный Изобретатель Российской Федерации, самолично уложил между грядками, привезенные из дому осколки зеркал, оставшиеся после ремонта ванной комнаты.

И когда «лафайеты» в очередной раз свалились в пике, предвкушая десерт, из глубины зеркал им явились чудища с клювами и когтями. В ужасе отлетели дрозды за периметр садоводческого товарищества. Однако, успокоившись и произведя какую-то аналитику в своих птичьих мозгах, они вновь появились на Богомоловской даче. Но к грядкам клубники теперь подходили сбоку и с некоторой опаской. А в сторону профессора поглядывали, кажется, с уважением.

Обмен по-киевски

Эту историю когда-то рассказал мне зав. кафедрой технологии строительного производства, к сожалению, ныне покойный К.Г. Харченко.

В сентябре 1981 г., будучи в Киеве на курсах повышения квалификации, Константин Григорьевич любил после занятий проехать в троллейбусе по Крещатику. Место занимал обычно у окна с правой стороны. Он долгим, ласкающим взглядом смотрел на осенние каштаны и жадно улавливал мову, речь его далеких предков с «неньки-Украины».

Во время одной из таких поездок Константин Григорьевич обратил внимание на женщину средних лет, сидящую перед ним. Она держала на коленях торт «Киевский» и рассеяно, даже печально, глядела перед собой. Ехавшие в троллейбусе, как заметил доцент Харченко, задерживали взгляды на «Киевском». Торт был кулинарным хитом столицы Украины. Чтобы купить его, очередь занимали с раннего утра и раскупали в драку-собаку.

На одной остановке в салон вошло трое парней с двумя большими тортами в руках, но явно не «Киевскими». Они, словно замороженные, уставились на даму, точнее, на коробку с кулинарным шедевром и о чем-то тихо переговаривались.

Троллейбус тем временем мягко катил по Крещатику, останавливаясь в положенных местах, высаживал одних и брал других пассажиров.

У памятника Богдану Хмельницкому тоже была остановка, на которой все и произошло. В момент открытия дверей парни «поменяли» даме «Киевский» на свои два больших, обыкновенных и в считанные секунды выскочили из салона. Троллейбус, лязгнув дверями, тронулся с места, набирая ход.

Вагон онемел, а потом зашумел, обсуждая случившееся. А женщина с тортами на коленях вдруг запричитала: «Васенька!», «Васенька!». Оказалось, в коробке из-под «Киевского» она везла мертвое тельце своего кота на кладбище для животных. Жаль, что успокоиться любимому Васеньке (читатель, без смеха! Здесь - маленькая человеческая трагедия!) предстояло на свалке городских отходов.

Хватит до деканата!

Однажды доцент кафедры ТСП Константин Григорьевич Харченко принимал экзамен. У студента на среднем ряду он заметил длинную шпаргалку, торчащую из кармана. Он подошёл и говорит: «Достанет шпаргалка до стены - получишь «четыре». Студент: «Нет, Константин Григорьевич, если на то пошло - ставьте «пять». «Это ещё почему? - удивился экзаменатор. «А моей шпаргалки, - поясняет студент, - до деканата хватит!»

Оказавшие сопротивление

Во второй половине 50-х начале 60-х годов деканом ГЭМФ был Иван Фёдорович Бычков.

О Бычкове первокурсник узнавал от своих старших товарищей в день зачисления. Репутация декана была однозначной. В борьбе за образцовый учебный процесс он гонял прогульщиков в хвост и гриву, безжалостно лишал стипендий, жёстко спрашивал с отстающих.

В своём неистовстве проконтролировать и зарегламентировать всё и вся декан ГЭМФа, очевидно, заходил далеко за грань здравого смысла. Студенты это чувствовали. Не решаясь на открытые фор-

мы протеста, они тем не менее сопротивление оказывали. Однажды в туалете появилась надпись: «Воду из унитаза не пить. Бычков».

Метод актуализации

Заметной фигурой институтского социума 50-60-х годов прошлого века был Анатолий Владимирович Евстифеев, зав. кафедрой графики.

Аудитории, переполненные крепкими горняками, буквально немеют перед человеком среднего роста, в очках, с седой шевелюрой. Студенты ловят каждое слово, фиксируют каждое его движение у доски.

В Анатолие Владимировиче трепетали таинственные силы.

Порой Евстифеев использовал следующий метод актуализации материала. Тонко прочувствовав, прежде всего психологически, момент, действуя на грани допустимого, он говорил: «А теперь, товарищи студенты, этот участок заштри... Тут он перебивал самого себя, спрашивал аудиторию: «Что сделаем?» Ну и поток будущих горных инженеров, разбавленный несколькими представительницами прекрасного пола, заморожено откликнулся на вопрос, произнося нестройным, но мощным хором последние четыре буквы в слове «заштрихуем». - «Нет, нет, товарищи студенты, - нетерпеливо поправлял их зав. кафедрой, - мелом, мелом!»

Бойлы профессора Дырдина

О значении бойлов в ловле сазанов и карпов в свое время рассказал мне зав. кафедрой физики, профессор В.В. Дырдин. «Бойлы, - терпеливо объяснял он, - это прикорм и насадка одновременно. Без них рассчитывать на успех - просто невозможно».

Валерий Васильевич не только обозначил актуальность «бойлов», но и откатал на ксероксе статью, в которой подробно рассказывалось, как эти самые «бойлы» приготовить в домашних условиях, поскольку в продаже цены на них кусались.

Состав «бойлов» действительно впечатляет: кукурузная и соевая мука высшего качества, естественно, манка качеством не ниже, яйца, протеин, сливочное масло, ванилин, соль, сахар. Смешивая названные компоненты в установленных пропорциях, я приготовил вязкую массу, выкатал из нее шарики размером в четверть

грецкого ореха и в течение трех часов пропекал их в жаровочном шкафу. Приготовленные таким образом, «бойлы» хранятся в холодильнике, но не теряют качества и при длительном хранении на открытом воздухе.

Наконец, пришло время испытать приготовленное в деле.

Второго августа 2002 г. я выехал на рыбалку в Курью, пожалуй, самую знаменитую Курью Кемеровской области, неподалеку от деревни Пятково Юргинского района. Здесь уже был положен глаз на одно место, часть протоки между островками в западной части Курьи. Знакомые мужики баяли, что по весне в сети попадался крупный сазан.

Вот в этом месте я и расположился со своими «бойлами». Два дня «караулил» Курью, ожидая нашествия сазанов. Вволю нахлебался ухи из окушков, до хруста в суставах нагребся на лодке, сделал пару приличных снимков водной глади в лучах заходящего солнца.

А сазаны где-то набирали вес, чтобы порадовать меня в скором будущем сильными рывками и борьбой кто кого. В этом я не сомневаюсь.

«Бойлы» я привез назад домой, в Кемерово. Выложил их в пакете на кухне, а сам ушел на балкон пристраивать рыбацкую амуницию. Вернувшись, увидел такую картину: жена ест шарики и котта ими потчует. «Ой, Палыч, - говорит, - какой ты вкусный Вискас купил!». «Какой Вискас, - говорю, - какой Вискас. И вовсе не Вискас это, а «БОЙЛЫ ПРОФЕССОРА ДЫРДИНА!»

Бэз

Одного преподавателя физической культуры в 60-е годы прошлого века звали Бэзом - за привычку говорить студенту, не сдавшему зачёт по предмету: «Бэз зачёта!», «Бэз стипендии!».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Всеволод Иванович Акулов	2
Далеко от моря. Валерий Павлович Анпилогов	7
Плотины его жизни. Емельян Андреевич Бобер	12
Портрет в светлом интерьере. Мария Дмитриевна Бонелис	17
Эдуард Брутан – вратарь на все времена	21
Иван Федорович Бычков – известный и неизвестный	25
Давид Львович Гарбуз – жизнь и судьба	28
Ассириец из Омска. Давид Заевич Даниель	32
Галина Евгеньевна Деринг	37
Заведующий кафедрой физики профессор, доктор технических наук	
Валерий Васильевич Дырдин	46
Анатолий Владимирович Евстифеев и его клаузуры	51
Профессор КузПИ, историк В.А. Кадейкин	55
Анатолий Павлович Ковалев. О себе	63
Анатолий Давидович Лазарев	76
Тамара Петровна Лапшина	81
Светлана Борисовна Максюкова	84
Владимир Петрович Машковский	89
Граф. Виктор Константинович Минятов	95
Тяжелый маршрут. Декан горного факультета	
Валентин Николаевич Михайлов	100
Нежность к ревущему зверю. Лев Львович Моисеев	105
Анатолий Григорьевич Никифоров	110
Елена Сергеевна Новикова. 50 лет творческого долголетия	114
Иван Ефимович Обломский	118
Профессор, поэтесса, женщина. Наталья Викторовна Осокина	122
Александр Августович Пога	127
Вера Леонидовна Правда (Лаврина)	130
Василий Владимирович Проскурин	141
Первый директор. Стас Андреевич Сбитнев	144

Владимир Михайлович Середюк. Талант ученого и преподавателя	150
Преподаватель философии. Владимир Денисович Соколов	154
Николай Сергеевич Суменков. Жизнь как подвиг	158
Ключи счастья Александра Ташкинова	168
Золотой прораб политеха. Константин Григорьевич Харченко	172
Историк, попечитель КузГТУ Игорь Михайлович Черноброд	177
Вера Петровна Шуранова – светлое притяжение	184
Основатель династии. Михаил Кирсантьевич Цехин	188
Смешные истории	192